

**АРТЕМ
БОРИСЕНКО:**

*«Жизнь дарит
мне встречи
с удивительными
людьми»*

О жизни и творчестве художника Питера Брейгеля читайте на стр. 85

Из российской истории			
<i>Светлана Марлинская</i>	Да сохранится имя мое...	4	
Это интересно			
<i>Виктор Елисеев</i>	Остановивший солнце и сдвинувший землю	23	
Забывтые имена			
<i>Евгений Никитин</i>	Несломленный бунтарь	28	
Судьбы			
<i>Евгения Гордиенко</i>	Настоящий царь от архитектуры	41	
К Великой Пасхе			
<i>Дмитрий Дарин</i>	Исповедь	48	
<i>Юлия Хабарова</i>	Недостойн	63	
Молодые таланты			
<i>Дарья Парчинская</i>	Артем Борисенко: «Низкий поклон "Большой опере" за популяризацию классического искусства»	66	
Не придуманная история			
<i>Александр Пономарев</i>	Орел или решка	76	
Шедевры			
<i>Ирина Опимах</i>	«Избиение младенцев» Питера Брейгеля, или Политика и искусство	85	
Звезды не гаснут			
<i>Юрий Осипов</i>	Монументальный Коппола	92	
Замечательные современники			
<i>Дмитрий Соколов</i>	Артем Бибилуров: «Детские спектакли — это, наверное, самое сложное направление в театре»	106	
Страничка психолога			
<i>Светлана Королева</i>	Взаимопонимание и доверие в паре — это ключ к гармонии в отношениях	114	
Рассказ			
<i>Дмитрий Зелов</i>	Жена с помойки	117	
Детектив			
<i>Ольга Степнова</i>	Вселенский стриптиз	124	
Кроссворд. Эрудит			188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Артем Борисенко, оперный певец,
заведующий труппой Воронежского
театра оперы и балета.
Фото Анны Терешиной

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

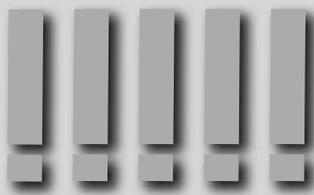
Зак. №

Цена свободная

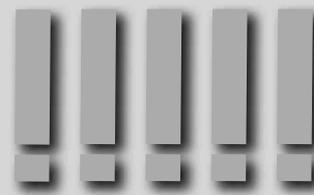
Номер подписан в печать: 18.03.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

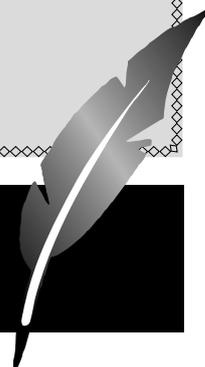
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Да сохранится имя мое...

...и возлагаю на тебя схиму, в коей будешь именоваться ты...

Сестра Сусанна, инокиня Новодевичьего монастыря, внезапно открыла глаза и приподнялась на своем ложе. Смерть была уже совсем близко, стояла у изголовья: вот-вот оборвется тоненькая ниточка жизни. Но нужно было успеть еще одно, последнее, самое важное...

— Софья, — шевельнулись бескровные губы инокини. — Софья...

—... будешь именоваться ты схимонахиней Софией, — нараспев продолжил архимандрит Московский.

— Слава тебе, Господи!

Последние силы ушли на крестное знамение...

Яркое весеннее солнце било в подслеповатые окошки кремлевского терема. Софья зажмурилась — и еще шире распахнула глаза. Праздник нынче, Светлая Пасха! Значит, службу стоять не в тереме, в особой палате, а в домово́й церкви, с батюшкой и матушкой, с братцами и сестрицами. И трапезничать потом вместе...

Софья соскочила с высокой постели, наскоро перекрестилась и бросилась к окну. Так и есть: празд-

ник! Вон как птицы гомонят. Распахнула тяжелую створку и всей грудью вдохнула такой знакомый и любимый московский воздух.

— Охти, Господи, — раздался позади нее испуганный голос, — негоже так поступать, царевна! А как простынешь?!

— Не простыну, мамушка! — весело отозвалась Софья. — Ништо мне не сделается! А на воле-то как хорошо...

— Чего ж там хорошего-то? — ворчливо заметила нянька Агафья, пестовавшая царевну с рождения. — Еще и снег не весь сошел, зябко, сыро... Вот лето наступит, пойдешь в садик с сестрицами... Она решительно захлопнула окошко и накинула на воспитанницу теплую душегрею.

Софья досадливо вздохнула: опять взаперти! И угораздило ж ее родиться царской дочерью! Боярышням да простолюдинкам хоть есть чего дожидаться: свадьбы. А ей? Либо в тереме состариться, либо в монастырь удалиться...

У государя Алексея Михайловича, прозванного «Тишайшим», — шестеро дочерей да двое сыновей. Всего детушек государыня Мария Ильинична из старинного рода Милославских родила шестнадцать, да восемь, волею Божией, скончались в младенчестве. Сыновья беспокоили: здоровье слабое, дух весьма некрепок, а младший, Иван, и вовсе главою скорбный. Зато дочери, словно в насмешку, были здоровехоньки. К чему сие царевнам? Замуж их испокон веков не выдавали: заморские женихи в государстве Российском тогда еще были не в чести — не православные. Свои же для царской крови считались слишком худородными. На обособленной женской половине, среди исключительно женского окружения, в молитвах и постах, в занятиях рукоделием, в чтении церковных книг да в невинных девичьих забавах прохо-

дила жизнь... безвозвратно и бесследно.

Вот только Софья, подрастая, все чаще привлекала к себе отцовское внимание. Всегда умела настоять на своем, подчинить своей воле братьев и сестер. Выделялась и внешне: крепкая, резкая, лишенная малейших признаков девичьей нерешительности и застенчивости. И смышленная, ох, смышленная! В добрую минуту разрешил ей отец присутствовать при занятиях братьев с наставником — Симеоном Полоцким. Так пока Федор с Иваном в буквах путались, сестрица их уже грамоту освоила, а самой всего-то девять годочков исполнилось.

И государь-батюшка, невзирая на недовольство окружающих, позволил Полоцкому заняться воспитанием царевны по-настоящему. Мудрый царь понимал: сыновья слабы, бояре при них все по кускам растащат, о пользе государственной не радея. Пусть братьям Софья дельное что присоветует, хоть бы и втихомолку.

Ожиданий отца она не обманула: училась легко и радостно, шутя осваивала языки, так что вскоре получила разрешение пользоваться достаточно обширной царской библиотекой. Читала царевна захлеб — на греческом, польском, латыни, и, конечно, русском. Герои древности — Византия, Рим, Запад — вот что подстегивало воображение юной царевны.

А однажды батюшка дозволил взглянуть на театральное представление...

— Ну, виданное ли дело?! — привычно ворчала нянька Агафья, собирая с полу светелки гусиные перья. — Девица должна молиться или за пяльцами сидеть! А ты, свет мой, все пишешь да пишешь... Эдак и умом тронешься, да и грех, чай, вирши-то складывать. От лукавого это...

Софья ее не слышала. Вирши сами складывались в ее голове и выплескивались на бумагу. Она писала

Отец — царь Алексей Михайлович

свою пьесу, на манер тех, что видела в театре. Жаль, маменька скончалась, теперь рядом с батюшкой другая — мачеха. Молодая, красивая, да худородная: всего-то двести лет Нарышкины в боярах числятся. Но падчериц не обижает, хотя и не любит. Ну и они ее не больно-то привечают. Тем паче, батюшка при молодой жене про детей от прежней супруги совсем забыл. Только на нее и смотрит,

только ею и дышит, особенно после того, как она ему сыночка родила, Петрушу. Ох, заморочила ведьма нарышкинская царя-батюшку, одурманила ласками греховными, оплела речами сладкими, опоила винами заморскими! Вся Москва только об этом и шепчется.

Софья отложила перо и нахмурилась. Все вирши да вирши, чтение да рукоделие... А ведь уже девятнад-

Мать — Мария Милославская

цать лет исполнилось — перестарок. Что с того, что умна, что ковер, сотканый ее руками, лежит в царской горнице — для вящей отцовской гордости. Царица Наталья иголку в руки взять толком не умеет, сама дура-дурой, а замуж за государя вышла, и женское счастье сполна вкусила. Кому лучше?

В дверях послышался какой-то шум, приглушенные голоса, вроде

бы даже вскрики. Софья прислушалась: что там стряслось. И тут в ее светелку влетела сестра — царевна Катерина, простоволосая, зареванная, страшная...

— Батюшка померли! — выкрикнула она и завывала в голос.

Софья так и обмерла...

За гробом отца несли на носилках нового царя — благоверного Федора Алексеевича, хворого, безусого отрока, всего-то шестнадцати лет от роду. Бояре пристойно вздыхали: ничего, Бог управит. Первому Рома-

Софья помалкивала, жену брата привечала, перенимала от нее иноземную моду и манеры, а сама тихонько, незаметно освобождала Федора от дел государственных, прилежно в них вникая. Пусть Федор царствует — она будет править.

Но тут после тяжелейших родов скончалась царица, а через день умер и младенец ее — царевич Илья. Федор Алексеевич так и не оправился от этого удара — занемог окончательно. Тут уж Софья решительно отодвинула всех и стала

Царевна Софья, подрастая, все чаще привлекала к себе отцовское внимание. Всегда умела настоять на своем, подчинить своей воле братьев и сестер. И внешне выделялась: крепкая, резкая, лишенная малейших признаков девичьей нерешительности и застенчивости. И смышленная, ох, смышленная!

нову, Михаилу Федоровичу, тоже шестнадцать лет было, когда его на престол возвели, а процарствовал в благолепии тридцать с лишним лет. Хотя здоровья был не богатырского, зато ближних бояр всегда слушал...

Федор Алексеевич, надев шапку Мономаха, ровно преобразился: хоть и хворый, а умудрился и влюбиться, и жениться, да все — против воли бояр. Жену взял, как и покойный батюшка, худародную — Агафью Грушницкую, красавицу-полячку. То-то загомонили на Москве, вспомнив недоброй памяти Маринку Мнишкову, «царицу» заморскую.

подле брата почти неотлучно. Она кормила и поила его из своих рук, давала ему лекарства и всячески хлопотала над ним.

Но царь есть царь, хоть на престоле, хоть в постели. Так и оказалась Софья среди бояр, военачальников да иных государственных лиц. Уж и льстила она им, уж и подлаживалась, и помалкивала — когда нужно, и говорила — тоже впопад. Окружение царя только диву давалось: до чего светла умом да славна благочестием царевна. А та лишь усмехалась про себя: мудрено ли умом да добродетелью светиться, коли учи-

телем был сам Симеон Полоцкий? Не зря.

Симеон составил однажды роскоп, в котором не говорилось, что «вознесется царица на высоту небывалую». Она тогда усомнилась: разве есть путь на Русь, на котором женщина может вознестись и прославиться? В ответ Симеон поведал ей историю Пульхерии Августы, дочери греческого кесаря Аркадия, которая после смерти отца стала править греческой империей вместо своего брата, скорбного главою. Софья про сию Пульхерию не забыла и ликовала в душе, когда тугодумные бояре смиренхонько принимали решения «по воле государевой». А волю-то эту кто царю Федору внушил? То-то и оно...

Но однажды вернулся из Польши князь-воевода Василий Васильевич Голицын, муж — ума государственного. Да и внешней привлекательностью бог князя не обидел: хорош был Василий Васильевич, точно сказочный витязь. Ни разу еще не доводилось царевне повстречать такого мужчину... Увидела его, и сердце так и рухнуло вниз...

— Мамушка, неужто я непригожа? — с утра огорошила Софья вопросом старую няньку. — И ростом не вышла, и лицом неказиста...

— Окстись, дитячко, — перепугалась Агафья, — с чего это ты? Личико бело, шейка кругленька, сама, слава богу, в теле. Да такой красоты, такой несказанной...

Царица отмахнулась: шейка, вишь ты, кругленька, сама — в теле. Правда, дородство женщины на Руси всегда ценилось, многих девиц специально откармливали, чтобы не меньше пяти пудов весили. А личико... Личико московские красавицы щедро размалевывали: белили, румянили, брови сурьмили, ресницы красили.

Ей малеваться недосуг, да и не для кого. Князь Василий... ах, князь Василий в Польше, небось, посмотрелся на тамошних красавиц. Да и законная супруга его, княгиня Евдокия, слыла одной из первых красавиц на Руси. Ну и что? Слова молвить путного не может, лебедушка белая. А Софья говорит — у князя Василия очи загораются, на ланиты румянец набегаёт...

— Мамушка, — позвала Софья, — поди-ка ты к братцу Феденьке да скажи, что мне князь Голицын нужен для беседы важной. Пусть повелит ему прийти сюда...

Нянька аж побелела:

— Да ты в уме ли, дитячко? В девичью горницу — да мужчину?! Стыд-то какой...

— Иди сей же час! — прикрикнула Софья. — Не тебе, дуре темной, решать, что мне в своих покоях делать! И возвращайся побыстрее.

Нянька, ворча и охая, удалилась. А Софья, решившая для встречи с князем надеть новое — польское! — платье, вдруг передумала. Ни к чему сие, платье уж больно диковинное для русского боярина. Хотя в Поль-

ше паненки щеголяют с затянутой в корсет талией да полуобнаженной грудью, пусть пока князь Василий увидит царевну в сарафане да с лентой на голове. Ленту нужно повязать синюю, в цвет глаз... Мужа дельного, значит, пригласить для приличной беседы — стыд? А сестрицам родным, Катерине да Марфе, которые после смерти батюшки только польское платье и носят да в светелки свои певчих приваживают — им не стыд? Да последняя судомойка в Кремле знает, чем царевны занимаются! Ничего, привыкнут к тому, что у нее, Софьи, совсем другие гости в терем захаживают. А если кто бурчать начнет, братец Феденька такому рот-то быстро заткнет. Лучше в Москве молчать, чем в Сибири ворчать...

Стукнула дверь в передней горнице, слышались голоса. Софья задохнулась на секунду от волнения, потом взяла себя в руки, опустилась на стул с высокой спинкой, скрестила руки на груди. Так оно девице приличнее будет.

— Звала, государыня-царевна? — осведомился вошедший князь Василий. — Так вот он я, холоп твой верный.

Глаза их встретились — как тогда, у царской постели. Но Софья уже справилась со сладким мороком, ответила пристойно:

— Звала, батюшка. Присаживайся, разговор у нас с тобой долгим может быть. А говорить хочу о том,

о чем при самом государе беседовать невместно.

— Слушаю, государыня.

— Женить нужно царя, хватит ему вдовствовать. России наследник престола нужен, да не нарышкинский паценок, а нашего, Милославского корня. Царевич Иван молод еще...

— Не зря тебя, царевна, Софьей назвали, — тихо ответил князь. — Мудра ты, государыня...

— Не рано ли государыней величаешь, князь? — усмехнулась Софья.

— В самый раз, — вернул тот ей усмешку.

«Ох, красив, ох, грех-то, прости, Господи!» Но если бы был князюшка только пригож, сумела бы царевна совладать со своими чувствами. Только второго такого, как Голицын, во всей Руси тогда не сыскать было. Дом его, первейший в Москве, был устроен совершенно на западный манер: с изящной мебелью и огромной библиотекой. Все прибывавшие в Московию иностранцы непременно были гостями Голицына и приходили в восхищение от общения с этим умнейшим человеком. Муж ума отменного, государственного, рода — знатнейшего: потомок в пятнадцатом колене великого князя литовского Гедиминаса. Немудрено, что пленил он Софью.

То, что она любит князя Голицына, Софья поняла лишь тогда, когда пришлось ему отъехать к войску в Малороссию ради безопасности юж-

ных рубежей России. Вернулся через год — с подписанным Бахчисарайским мирным договором, за что был пожалован царем Федором Алексеевичем большими земельными владениями. А царевной — особой ее благосклонностью...

Софья со всем пылом отдалась любимому — безоглядно и ни о чем

свои сокровенные идеи: справедливое налогообложение крестьян, регулярную дворянскую армию, правый суд? Кому мог поведать о давней мечте: искоренить устаревшее, тянущее Россию назад «местничество», при котором высокие посты распределялись не по уму и не по способностям, а исключительно «по древ-

Мятеж стрельцов в 1682 г. Стрельцы выволакивают из дворца Ивана Нарышкина. Юный Петр утешает мать, царевна Софья наблюдает с удовлетворением. Картина А. И. Корзухина, 1882 г.

не жалея. А князь... Сорок с лишним лет прожил, всегда любил женщин, но такую встретил впервые: пылкую, страстную, неутомимую и... умную. Не думал Василий Васильевич, что станет так восхищаться женским умом, тем паче, что доселе и не сталкивался с ним. Ну, с какой, скажите на милость, женщиной мог бы он после опустошающих ласк обсуждать

ности рода»? Только с ней, с его «царь-девицей», понимавшей с полуслова его мысли и развивавшей их дальше — до воплощения в жизнь.

А какие письма она ему писала! Пронзительно-нежные, восторженные, полные любовью! Даже ее безмерное честолюбие отступало перед силой ее любви: ради своего князюшки она бы, не задумываясь, отда-

ла жизнь. Да что там жизнь — она бы свободой пожертвовала, кабы смогла стать его законной женой. Только нельзя было царевне венчаться со своим «холопом», даже если этот «холоп» был самого высокого происхождения.

Хотя... Найди князь Василий в себе силы отправить супругу Евдокию в монастырь и обвенчаться с возлюбленной Софьей, она сумела бы заставить бояр примириться с этим

противность обычаю, шла за гробом и так громко голосила, что покрывала вопль целой толпы черниц, которые по обряду должны были причитать над умершим. Горе ее было не притворным, а горло то и дело перехватывало спазмом страха: на царство избрали не шестнадцатилетнего Ивана, а десятилетнего Петра, «волчонка», «нарышкинское семя». Сам-то еще мал, да при нем матушка, Наталья Кирилловна, а при ма-

---

То, что она любит князя Голицына, Софья поняла лишь тогда, когда ему пришлось отъехать к войску в Малороссию ради безопасности южных рубежей. Вернулся через год и сразу был пожалован царевной благосклонностью. Софья со всем пылом отдалась возлюбленному — безоглядно и ни о чем не жалея. А князь — впервые встретил такую пылкую, страстную, неутомимую и.. умную, не ожидая, что будет так восхищаться женским умом, так как еще ни разу не сталкивался с ним.

браком. Царь Федор Алексеевич, братец Феденька, ни в чем любимой сестре не перечил, поддержал бы. Особенно после того, как она со сватала ему юную красавицу Марфу Апраксину. Теперь бы наследника дожидаться — тогда сводному братцу Петрушке одна дорога: под клобук...

... Тело новопреставленного царя Федора несли стольники в санях, а за ним в других санях несли молодую вдову Марфу Матвеевну. Всего то два месяца и побыла царицей... Софья только одна из царевен, в

тушке — весь род Нарышкиных, многочисленный, наглый, жадный до богатств и почестей. Возьмут верх — прощай власть, прощай любовь, прощай сама жизнь... Совсем другое было на уме ее: посадить на трон брата Ивана и — править.

Легко сказать, посадить на трон. Иван хоть и старше Петра на шесть лет, но слабоумен, болезнен, да еще и подслеповат. Петрушка-волчонок по годам ребенок, а по уму... Востер, ничего не скажешь, да и здоров, окаянный, еще как здоров!

В самый день смерти Федора, как только удар колокола возвестил Москве о кончине царя, бояре съехались в Кремль, и большинство их уже было на стороне Петра, лишь некоторые поддерживали право первородства Ивана. Патриарх Иоаким, как самое почетное лицо после царя, поторопился возвестить народу с Красного крыльца Кремля: — «Да будет великим государем царем Петр Алексеевич!» Новоизбранный царь находился в это время в хоромах, где лежало тело Федора. Патриарх и святители отправились к нему, нарекли царем и благословили крестом, а потом посадили на престоле, и все принесли ему присягу, поздравляли его с восшествием на престол и подходили к царской руке. Пришлось и Софье поздравить — а куда денешься? Вот тогда-то и решила смутить народ воплями об отравлении царя Федора. И — смутила.

Верные люди разбежались по стрелецким полкам с вестью, что Нарышкины задушили царевича Ивана и злоумышляют теперь на царевича Петра, чтобы посадить на престол кого-нибудь из своих. Вечно недовольные стрельцы, казалось, только того и ждали: бунт вспыхнул, как сухая солома, через считанные часы им была охвачена уже вся Москва. Стрельцы ворвались в Кремль, требовали «выдать им Нарышкиных головою». Царица Наталья Кирилловна, по совету патриарха, вышла в сопровождении бояр на Красное крыльцо,

держа за руки царевичей Иоанна и Петра. Не помогло. Стрельцы уже не желали останавливаться, поднимали на копья всех неугодных, а заодно — и вовсе невинных людей. Затем разбежались по городу и три дня кряду тешились убийствами, грабежами и поджогами.

Эта кровавая волна и вынесла Софью на самую вершину власти. По воле стрельцов стало на Руси аж два царя — Иоанн и Петр, а над ними — она, правительница, государыня-царевна. Настоящая владычица земли русской... Надолго ли? А на все воля Божья! По этой-то воле не пришлось Софье совершать смертный грех: травить дитя в утробе. Выкинула младенчика в один из тех дней, когда стрельцы на Москве буйствовали. Может быть, поэтому отказалась свершить то, о чем ей в уши дудели князь Иван Хованский да боярин Федор Шакловитый: извести под корень весь нарышкинский род. Все вспоминался Борис Годунов да убиенный им (им ли?) царевич Дмитрий. Нельзя царскую кровь проливать, от такого деяния смута в государстве делается великая да долгая. А ей сейчас смута не нужна, дел важных, наиважнейших нужно успеть сделать немерено. А если Петрушка, чертенок вертлявый, сам себе где-то шею свернет или в речке утонет — так за то она, Софья, ответа не несет. То — воля Божья.

Семь лет практически безраздельно царствовала она. По сути, впервые после княгини Ольги рус-

ской землей управляла женщина. Если бы не смуты, не бесконечные свары боярские да не козни окаянных Нарышкиных! И не только их.

Смута, смута... Стрельцы много воли взяли, а их предводитель, князь Иван Хованский, и вовсе задумал несусветное. Донесли верные люди, что пожелал Ивашка женить сына на одной из царевен, а затем и на трон посадить. Нужды нет, что царевны поведения блудного. Нет уж, ни одной из сестриц княгиней Хованской не быть! Да и самим Хованским надобно урок дать, чтобы другим неповадно было...

Судили князя боярским судом по обвинению в государственной измене. В селе Воздвиженском, аккурат в день ангела правительницы, отрубили голову и ему, и его сыну. Считай, обезглавили все стрелецкое войско. Тут же Софья призвала дворянское ополчение «ради защиты живота нашего и трона родительского». И неделю спустя торжественно вступила в Первопрестольную как законная правительница, Богом избранная. Как та греческая цесаревна Пульхерия...

Ох, не единожды потом вспомнит Софья сию цесаревну, «поверяя ее судьбою собственную жизнь». Семя

Василий Голицын

было брошено в добрую почву и дало пышные всходы, да только... Да только, видно, и из сходного семени на Руси другие совсем цветы вырастают. Или сорняки их глушат... не прополотые вовремя.

Но пока все шло на удивление гладко, даже недоброжелатели Софьи это признавали. Да и советника такого у русских царей доселе не было. Князь-лапушка, Василий Голицын подле престола своей возлюбленной государыни обрел новую, грозную, но мудрую силу. Ужесточилась борьба с произволом местных властей, взятками, поборами. Женщины, убившие своих мужей, уже не карались страшной смертью — «окапыванием», что означало зарывание виноватой живьем в могилу.

Простой народ государыню-царевну только что не боготворил. Но и сословия повыше были не в обиде. Софья повелела всемерно развивать торговлю с иноземными странами, а чтобы страна богатела и процветала, указала наладить в России свое производство. Стали сами изготавливать дорогие ткани: бархат, атлас и парчу, которые ранее привозили из-за моря, а для обучения русских мастеров выписывались специалисты-иностранцы.

И строили, строили... В начале ее правления, то ли случайно, то ли нет, полыхнул в Кремле пожар немалый. Сгорели дотла деревянные хоромы Петра Алексеевича и царевен, занялся и первопрестольный Успенский собор. Насилу успели людей спасти, а сколько добра сгорело — и вспомнить страшно.

Через три года на месте погоревших были выстроены новые хоромы для царя Петра и его матери, а для царевны Софьи и других меньших царевен возведены трехэтажные каменные палаты, в нижнем этаже которых была устроена, по приказанию Софьи, комната, «где сидят с боярами и слушают всякие дела». Царица Наталья тогда сильно осерчала, кричала, что «скоро-де, царевна трон к себе в светлицу перетащит!» Ну, покричала-покричала, да и затихла.

Зато все так и ахнули, когда возле верхнего Красного сада и новых хором царя Петра возвели церковь Святых Петра и Павла, обновили

Грановитую, Золотую, Ответную и другие палаты. Батюшка бы порадовался: то, что он только начал, Софья за несколько лет завершила. Кремль сиял величием, какого не было никогда доселе. И не только

делка своего оружия, сахароварение, ботанические сады... А сколько еще задумывалось в беседах задушевных, заплочных с сердечным другом, советчиком умным, князем Голицыным!

Золотая монета с изображением царицы Софьи, царицей Ивана и Петра

он... Москва стала истинно столицей русского православия, храмом России, алтарем которого как раз и был Кремль. Без счета было в Златоглавой церкви, с утра до вечера плыл над ней величавый перезвон колоколов. А через Москву-реку перекинули Каменный мост, считавшийся чудом столицы наравне с Иваном Великим.

Ну, это все в камне, это все — глазу утеша, душе радость. Но и науки при Софье в небрежении отнюдь не находились. Открылась Законоспаская академия, любимое детище наставника Софьи, Симеона Полоцкого. Завелись на Москве пушечнолитейные и стеклянные заводы, вы-

Не ломать заведенные обычаи, а потихоньку переделывать их, приучать русский народ к иным обычаям. Бояре хоть и ворчали, однако каменные хоромы исправно строили, в атлас и парчу российские рядились сами и рядили своих жен. А иноземцы... так для них особая Немецкая слобода за Яузой выстроена, зря они глаза никому не мозолят, пусть... живут. Все казне прибыль.

Ох, знала бы Софья, чем обернется для нее эта слобода, этот кусочек Европы на окраине Москвы! Отправила бы всех иноземцев куда подальше. Увы, не знала... И только усмехнулась, когда доложили ей, что зачастил братец Петруша к немцам,

почитай, днюет там и ночует. А пускай — может, споят его там, благо пить он мастак. Или утопнет на лодчонке своей — туда ему и дорога.

Князь Голицын, политик изрядный, смог даже давние свары с Польшей решить к обоюдному удовольствию, даже заключил с гордыми поляками Вечный мир. Согласно выговоренным князем Василием условиям, Речь Посполитая юридически признала переход Киева к Русскому государству и подтверждала принадлежность ему Левобережной Украины, Смоленских и Северских земель. Западным границам отныне ничто не угрожало, равно как и восточным: Нерчинский договор с Китаем уладил отношения с Поднебесной. Но вот рубежи южные... Постоянные набег татар со стороны Крыма давно уже следовало пресечь. Завоевать Крым нужно — вот что. А кому этим заниматься, как не князю-воеводе?

И отправился князь Голицын Крым покорять. Софья чуть ли не сутками напролет перед иконами поклоны земные клала, чтобы убергли ее лапушку, свет ее очей от несчастья какого. Хорошо, хоть весточки регулярно слал.

Ждала Софья своего князя еще и для того, чтобы посоветоваться с ним по делу наиважнейшему: о продлении династии. Женила она брата Ивана, невесту выбрала из старобоярского рода Салтыковых. Всем была хороша молодая царица Прасковья: бела, дородна, лицом пригожа.

Да вот царь... Неспособным оказался Иван к супружеской жизни, отчего новобрачная извелась вконец. Злые языки поговаривали, что даже девства молодую лишил... братец Петруша. Вот уж воистину мал, да удал. Софья, когда донесли об этом, лишь плечами пожала: пускай резвится, дурачок, ежели понесет от него царица Прасковья, так дитя потом на троне окажется — вместо самого Петра. Да только не получилось по-софьиному, родила царица дочь Анну. И что теперь?

— А теперь, Софьюшка, надобно царице Прасковье помочь, — спокойно ответил князь Василий в ответ на рассказ своей возлюбленной. — Есть у меня на примете молодец один, говорят, сила мужская в нем — необыкновенная. Вот и определим его к царской чете в спальники. А там... как Бог даст.

— Грех ведь, Васенька, — засомневалась Софья.

— Ох, милая, в народе-то как говорят? Грех — пока ноги вверх, а опустил — Бог и простил, — рассмеялся князь, притягивая ее к себе. — Отмолим, чай, не впервой...

Не впервой, это верно. Только не думали, не гадали, что в последний раз так — вот любятся, забыв про все на свете. Наутро Софья встала, будто росой умытая, спокойная, собранная — правительница! И повелела готовить новый манифест — как бы ответ на челобитную стрельцов о венчании ее на царство. Хватит с нее временной власти, пора и

о постоянной подумать! Два венца грезилась ей — царский и брачный. Станет царицей, никто и пикнуть не посмеет, коли обвенчается с князем-воеводой. Братец Петруша с потешными мужиками забавляется, в селе Преображенском баталии разыгрывает, да на Кукуе сутками пьянствует. Братец Ванечка — слабоумный, только молитвами тешится, что жена со спальником живет — царица Прасковья вот-вот вторично от бремена разрешится ...

Времени не хватало все враз исполнить, медлительна была Русь, ох медлительна! А поспешишь — людей насмешишь, так еще предки говаривали, а они, чай, не глупее нынешних бояр были.

Вот и со вторым Крымским походом поспешили, предупреждал князь Василий, что нельзя пока супротив татар воевать, нужно сил набраться. Гневался сильно, даже шапку об землю кидал в боярской Думе. Но... пришлось подчиниться. И хотя на сей раз русская армия выступила в поход ранней весной и избегла огненной ловушки в степи, как было в первый раз, удалось только добратся до Перекопа. Каменная сова с ворот по-прежнему неприступной крепости равнодушно взирала на русское войско, а по Москве же носились слухи, что крымский хан откупился от Голицына двумя бочками золотых монет. А царица Прасковья вновь дочку родила — Катерину...

Ничего не вышло с брачным венцом. Опередила Софью царица На-

талья, женила сыночка Петрушу на Евдокии Лопухиной. А по российским понятиям женатый человек — совершеннолетний муж. Нужды нет, что как был Петр вздорным мальчишкой, так им и остался, да и жену не часто видел. Зато все громче раздавались голоса в его окружении, что пора бы власть передать законному царю, что царские скипетр да держава — не для бабьих рук ноша.

И Софья решила упредить удар, убрать раз и навсегда с дороги Петра. Как и в первый удачный для себя раз, она сделала ставку на стрельцов. Казалось, осечки не будет — теперь во главе их стоял ее верный слуга Федор Шакловитый. Из покоев Софьи в стрелецкие полки поползли слухи, что Нарышкины опять обижают Милославских: обещают-де не только «известить» царевича Ивана, но называют «великую государыню царевну «девкою», не ставят ее ни во что. Но, как ни старался Шакловитый, не озлобились стрельцы против «царевнинных супостатов». Отказались подписать челобитную к Софье, дабы венчалась на царство, «отшибив» Петра от престола. Ну, что ж... Нашлись смельчаки, взялись «известить волчонка смертью», но... опоздали. Куда больше нашлось тех, кто поспешил предупредить молодого царя об опасности. А Петр...

А что — Петр? Бросил мать, беременную жену Евдокию и своих «потешных» солдат, вскочил на лошадь и в одной рубашке умчался в

Троице-Сергиеву лавру — бери его там голыми руками. Опять промедлили, опять опоздали. На защиту молодого царя неожиданно встало высшее духовенство: архимандрит и патриарх. Святейший патриарх даже напомнил Софье, что она — всего лишь правительница при государях.

И вот уже воспрявший духом Петр написал брату: «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Призывал брата

нись где-нибудь, спаси себя. Сердце за тебя ноет.

Князь только головой качал:

— Нет уж, государыня моя, вместе с тобой останусь. На плаху — так на плаху, на все воля Божья. И не проси, не побегу: невместно Гедеминовичу от подлых людишек прятаться.

— От Петра, от царя проклятущего! Ох, нужно было придавить его в колыбели...

Князь рукой закрыл рот правительнице:

Почувствовав тяжелую руку молодого царя, скорого на расправу, те, кто отрекся от Софьи ради ее сводного братца, засомневались: того ли властителя выбрали и укрепили на престоле, ту ли от престола отринули? Может, еще не поздно вернуть? И двинулись стрельцы походом на Москву — освободить государыню-царевну и спасти Русь от антихриста...

«государство наше успокоить и обрадовать вскоре», жестко и окончательно показав, кто есть кто. То ли сам додумался, то ли кто из его советников подсказал, но волчонок внезапно обернулся молодым, сильным волком — вожаком всей стаи. А стая требовала крови... Пока — немногих оставшихся рядом с Софьей людей. Уж лучше бы возжелали ее смерти: страшно, но еще страшнее ждать, что лишат жизни ее друга сердечного, князя Василия.

— Уезжай, батюшка мой, — молила она его не раз и не два. — Схоро-

— Окстись, государыня, не множь грехов!

— Да куда уж больше-то, Васенька! — почти простонала Софья. — Вот Бог и карает...

— С Богом судиться не будешь...

Не тронули в тот раз князя, потребовали головы другого близкого Софье человека — боярина Федора Шакловитого. Софья и грозила пришедшим за ним стрельцам, и умоляла о милости — все впустую. Схватили, отвезли к Петру в Лавру и после нечеловеческих пыток — казнили. Как вора казнили, в пыли, на

обочине дороги... Той самой дороги, по которой Петр с торжеством возвращался в Москву, Москву покорную, раболепствующую, забывшую о еще недавно всесильной правительнице.

Месяц лишь минул с позорного бегства Петра в Лавру, а уже всем казалось странным, как это они почитали за государыню всего-навсего женщину, так ловко вывернувшуюся из мрака терема на свет Божий... Семь лет правила Россией — будто и не было этих семи лет. Коротка память человеческая, ох, коротка!

В полном отчаянии Софья вновь обратилась к стрельцам, еще оставшимся в Москве: «Злые люди рассорили меня с братом, выдумали какой-то заговор на жизнь младшего царя... Вы, стрельцы, за вашу службу получили важные награды, и я к вам всегда была милостива. Я обещаю вам награду, если останетесь мне верны и не будете мешаться в это дело, а те, которые будут не послушны и начнут творить смуту, будут наказаны...»

Поздно...

Князь Голицын не выдержал пытки ожиданием: отправился навстречу своей судьбе, навстречу Петру — с повинной. Готов был голову сложить, лишь бы не тронули его государыню-царевну. Но молодой царь и видеть его не пожелал, не то что выслушать. С дороги поворотили князя в дальнюю ссылку. Говорили, что помиловали.

За что помиловали? За верную службу государству российскому? Ой ли? За князя заступился двоюродный брат, Борис Голицын — любимец Петра, выпивоха и балагур известный. Обвинение в измене ложилось пятном на весь род Голицыных, — вот и упросил князь Борис не казнить родственника, а вы-

Петр Первый

слать с глаз долой. Заодно и с Софьей разлучить. Только и успела последнее, прощальное письмо передать с верной оказией. С последней верной оказией.

А неделю спустя велено ей было ехать в Новодевичий монастырь и «вести себя там тишайше». О постриге пока не заикались — и на том спасибо. В тридцать два года оказалась бывшая владычица Руси

*Илья Репин.
Царевна Софья
Алексеевна
в Новодевичьем
монастыре*

там, где смолоду боялась оказаться: за монастырскими стенами. И не монахиня, и не свободная. Могла бы тогда Софья заняться одним делом, к которому у нее был явный талант. Многие говаривали, что «царевна могла бы сравниться с лучшими писателями тех времен». Но отлучение от всего, что составляло суть азартной, неукротимой натуры царевны подкосило ее. Любое иное занятие казалось теперь

мелким, никчемным, недостойным той высоты, с которой она только что была сброшена. Так и тянулись бесконечные годы, время длилось однообразно до исступления.

Зато по-прежнему кипели страсти за стенами монастырскими. Скончался болезненный и слабоумный «старший царь» — Иван, оставив после себя — себя ли? — трех дочерей. Умерла царица Наталья Кирилловна, хоть как-то сдерживавшая

бешеный нрав Петра. По Москве пошли слухи, что молодой царь хочет переделать царство на иностранный лад.

Почувствовав тяжелую руку молодого царя, на расправу скорого, засомневались те, кто отрекся от Софьи ради ее сводного братца. Того ли властителя на престоле укрепили, ту ли от престола отринули?

Может, еще не поздно вернуть? Тем паче что «чертушка», царь-государь Петр Алексеевич изволили в заморские страны отбыть — учиться. Да виданное ли это дело, чтобы помазанник Божий чему-либо у басурман учился? Своих пакостников в Немецкой слободе мало? То ли дело было пригосударыне-правительнице Софье Алексеевне!

Стрельцы двинулись походом на Москву, «освободить государыню-царевну и спасти Русь от антихриста, а коли понадобится — извести его совсем». Ах, ежели бы они это сделали тогда, когда еще был жив Шакловитый, да князь Голицын не отправился в ссылку!

Срочно возвратившийся Петр железной рукой подавил мятеж. Но начал не с пыток и казней стрельцов, а с издевательств над боярами, паче всего — над знатнейшими. Он собственноручно отрезал им бороды, силком брил и заставлял переодеваться в европейское платье. Лучше бы бил, да за эти самые бороды таскал! Боярская Москва замерла в ужасе перед таким неслыханным поруганием дедовских обычаев.

А потом пришел черед и остальных. Девять лет не видевший обительницу Новодевичьего монастыря брат явился к ней для решительного объяснения: стрельцы действовали от имени Софьи, хвалились даже, что имеют «грамоту, царевниной рукой писанную, в коей звала она их идти на Москву и вновь ее на царство сажать».

— Не писала я никому, — безучастно роняла Софья. — Поклеп сие.

— А вот допросим твоих прислужниц, выясним — поклеп ли. Тебя на трон стрельцы посадить хотели!

— Эко диво! Я на сем троне семь лет сидела, али забыл, братец?

— Не забыл. И как ты всегда моей смерти желала — помню!

— А ты — моей. Допрашивай, братец. У твоих катов ангелы чертями станут.

— Ангелы, говоришь? Сама ты ведьма! Дознаюсь до истины — быть тебе в самом глухом скиту черницей!

— На все воля Божия, — по-прежнему равнодушно отвечала Софья.

Столица превратилась сперва в пыточную, а затем — в кровавый эшафот. Но ни один человек не показал — даже под самыми страшными пытками, что бывшая правительница хоть как-то участвовала в «злоумышлении на царскую персону».

В гневе на «запирающихся» Петр перешел все границы — собственноручно пытал, сам казнил. На Крас-

ной площади одним ломали руки и ноги колесами, другим рубили головы, большинство — вешали. В один день в селе Преображенском лишилось голов сто десять человек. Этим занимались, по приказанию царя, бояре, а сам он, сидя на лошади, смотрел на это зрелище.

Тела казненных лежали неприбранные полгода — до весны, и только тогда велено было зарыть их в ямы близ разных дорог в окрестностях столицы. А под стенами Новодевичьего монастыря повесили сто девяносто пять человек. Перед окнами Софьиной кельи братец Петруша велел повесить троих, вложив в руку каждого стрелецкую челобитную о вступлении царевны на престол.

Только келья та уже была не царевны Софьи, а инокини Сусанны. Когда постригали ее, Софья молчала, стиснув губы, как делали все, насильно постригаемые. Настиг ее все-таки монашеский клубок, но горше всего было то, что имя отобрали, то имя, под которым она уже вошла в историю.

Воет за окном кельи зимний ветер, раскачиваются обледенелые тела казненных стрельцов. И жить не хочется совсем, нет ни сил, ни желаний. Уснуть бы — и не проснуться, наконец-то обрести покой. Только не будет ей покоя, пока носит чужое имя. И молитвы тут не помогут, ни смириться, ни простить она не в силах.

— Да сохранится имя мое, — вновь и вновь беззвучно шепчет

она. — Да не забудут меня и деяния мои... Господи, вразуми, господи, наставь...

Даже за стены обители проникали мирские слухи. Царицу Евдокию постригли в монахини и отправили в Суздаль. Нужды нет, что родила царю наследника, что никогда не перечила венценосному супругу. Неудобна, немила — с глаз долой, заживо похоронена...

Ох, Петруша, ох, братец, круто забирает, как бы не надорвался! Шведов воевать надумал, а сам с турками еле-еле справляется. Столицу, вишь, новую решил ставить — на болотах, да кочках. Москва, стало быть, тоже неудобна стала...

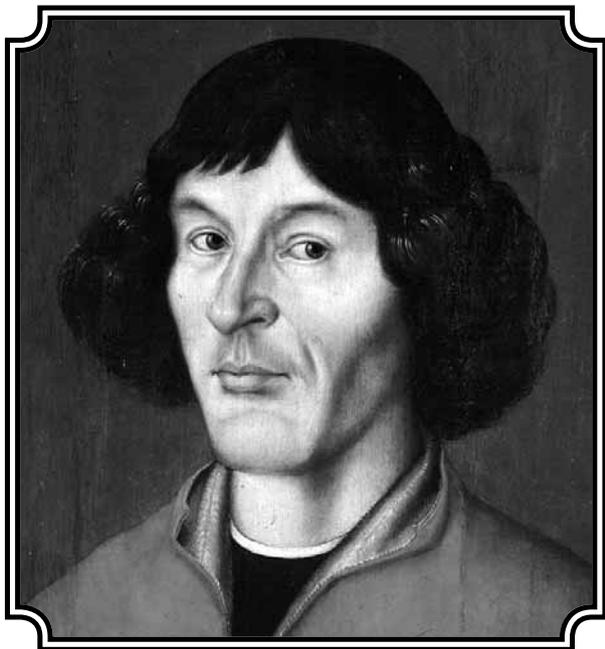
Только еще разочек бы побывать в Кремле, в любимых садах, вдохнуть московского — особенного — воздуха, послушать праздничный благовест! Поздно. Все реже поднимается с ложа, все меньше нужно пищи брэнному телу. Конец скоро. Только вот... похоронят как инокиню Сусанну — и сгинет она навеки.

— Схиму принять желаю, — прошептала как-то прислужнице. — Скажи настоятельнице, пусть постригут в схиму... перед смертью.

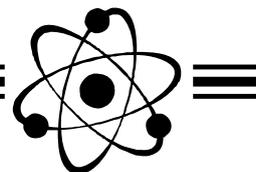
Радостным, звонким июньским днем инокиня Сусанна приняла схиму под именем Софьи. А сутки спустя сестры Новодевичьего монастыря закрыли ей глаза и проводили в последний путь.

Первая российская женщина-правительница прожила сорок шесть лет. Имя ее помнят до сих пор. □

О Виктор Елисеевстановивший солнце и сдвинувший землю

Великому польскому ученому Николаю Копернику повезло родиться в нужное время. С середины 15 столетия Польша испытывала культурный подъем, что было связано с европейским Ренессансом. Тесные связи между Польшей и Италией, влияние итальянской культуры как нельзя больше способствовали развитию польской культуры, образования и общественной мысли. Великие географические открытия будоражили умы европейцев конца 15 века.

ПОД ОПЕКОЙ ДЯДИ

Автор гелиоцентрической системы мира появился на свет 19 февраля 1473 года в небольшом городке Торунь. Следует отметить, что этот город вошел в состав Польши за несколько лет до рождения Коперника, а до этого был известен как Торн и входил во владения духовно-рыцарского Тевтонского ордена, принесшего немало горя Польше, Литве, Руси. Отец Николая был купцом. До сей поры биографы Коперника «ломают копья» по поводу его национальности. Кто-то считает немцем,

кто поляком, хотя родился он в Кракове. Мальчику было всего девять лет, когда умер кормилец семьи. Мать, урожденная Ватценроде, была настоящей немкой. По-видимому, это позднее скажется на «языковой принадлежности» ученого, так как все его рукописи написаны на латинском и немецком языках.

У матери был родной брат, каноник Лукаш Ватценроде, который и стал своего рода его вторым отцом и наперсником-ментором. Кроме Николая в семье умершего купца было еще трое детей: сын Андрей и две дочери — Барбара и Катерина. Первая

Художник Ян Матейко. Беседа с Богом. 1872 г.

позднее станет монахиней, а детей второй сестры Коперник очень любил и до самой своей смерти опекал их и поддерживал материально. Дядя Лукаш мечтал, чтобы племянник стал священником, и старался дать ему прекрасное образование. Осенью 1491 года Коперник поступил в Краковский университет, на факультет свободных искусств. Юный студент с усердием штудировал математику, медицину, богословие. Но любимым его предметом стала астрономия. Через три года Николай окончил учебу в университете, но его стены покинул без всякого учебного звания. На собравшемся се-

мейном совете дядя настоял, чтобы племянник посвятил себя духовной карьере — в это время Лукаш Ватценроде уже был епископом.

В 1497 году Коперник отправился в Италию — в сердце эпохи Ренессанса. Он изучал астрономию, математику, классическое право и медицину в Болонском и Падуанском университетах. В последнем его наставником в астрономии стал известный Доменико Новара, а математику преподавал не менее известный Сципион дель Ферро. Дядя изда- лека следил за успехами племянника, и благодаря его усилиям Николай вскоре был заочно избран канони-

ком в вверенной епископу Варминской епархии, а в 1500 году покинул Падуанский университет. И вновь ни диплома, ни ученой степени.

Он отправился в Рим. По сведениям некоторых его биографов, в местном университете Коперник преподавал астрономию. Но пробыл он там недолго и снова вернулся в Падую, где продолжил изучать медицину, а основное время посвящал любимой астрономии.

В 1503 году он сдал экзамены и, наконец, получил диплом, ему была присвоена ученая степень доктора церковного права, но Николай не спешил покидать Падую (кстати, диплом врача ему потом пригодится). И только в 1506 году он навсегда покинул Италию. Причина была одна — якобы болезнь дяди. Шесть лет, по протекции Ватценроде, он обретался в епископском замке Гейлсберг и по приглашению ректора Краковского университета преподавал там астрономию, а также постоянно вел астрономические наблюдения. Одновременно он был не только доверенным лицом дяди, его секретарем, но и прекрасным врачом-терапевтом. Современники не без гордости называли Коперника вторым Эскулапом. Но ни медицина, ни административная работа не отвлекли Николая от его любимого занятия — астрономии.

В 1512 году умер его покровитель, родной дядя Ватценроде. Он вовремя успел позаботиться о будущем племянника — благодаря

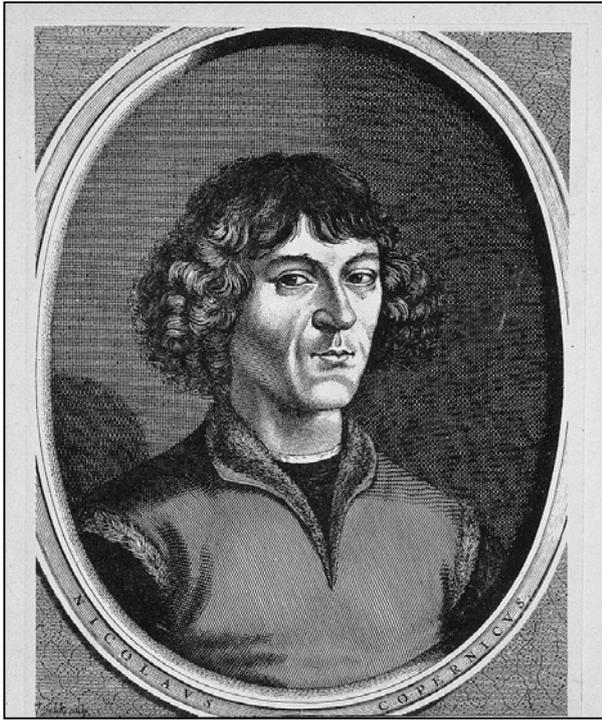
его хлопотам Коперник переехал в Фромборк. С этим городом он свяжет всю свою оставшуюся жизнь.

Каноник Коперник пользовался большим авторитетом. Первоначально он был капитульным попечителем, затем администратором капитула, ему даже временно пришлось управлять епархией во время болезни епископа Марриция Фербера, у которого Коперник подвизался в качестве лекаря. Он не забывал и об астрономии. Северо-западная башня Фромборка стала его обсерваторией, куда он спешил в свободное время наблюдать за звездным небом.

ТРУД ВСЕЙ ЖИЗНИ

В просторных покоях самой высокой башни крепостной стены ученый прожил тридцать лет, наблюдая за небом. Он напряженно трудился, каждую свободную минуту отдавая звездам и планетам, делал математические расчеты, мучительно размышляя при этом — ведь Коперник был католическим священником, мог ли он посягнуть на устройство мира, которое признавалось церковью как единственно правильное?!

Шли годы, но, несмотря на возраст, поседевший ученый по-прежнему ловко взбегал вверх по крутой лестнице, чтобы поскорее вернуться к своим записям и расчетам. Проводя бессонные ночи за наблюдениями и расчетами, он порой забы-

вал о еде и отдыхе. Коперник сопоставил пути движения всех известных тогда планет и рассчитал их так, как будто и планеты, и наша Земля двигаются вокруг Солнца. Так он научно доказал, что не Солнце вращается вокруг Земли, а, наоборот, Земля и все остальные планеты — вокруг Солнца. В своем знаменитом сочинении «О вращении небесных сфер», которое он завершил в 1532 году, Коперник писал: «Земля... шарообразна, потому что со всех сторон тяготеет к своему центру. Тем не менее, ее совершенная округлость заметна не сразу из-за большой высоты ее гор и глубины долин, что, однако, совершенно не искажает ее округлости в целом... Такой же формой, по наблюдению мореплавателей, обладает и водное пространство, поскольку земля, неприметная с корабля, видима с верхушки его

мачты. И, обратно, огонь, горящий на вершине мачты, при отдалении судна от земли кажется тем, кто остается на берегу, мало-помалу опускающимся до тех пор, пока, наконец, не скрывается, как бы закатившись... В сравнении с небом Земля не более как точка или как бы определенное количество в сравнении с бесконечным. Невозможно, чтобы Земля представляла центр мира. Как! Неизмеримое будет вращаться 24 часа вокруг ничтожества. Принимая во внимание огромную удаленность небесных тел, трудно себе представить, чтобы они могли описать такой необъятный круг в течение 24 часов. И зачем, почему именно бесконечная Вселенная должна вращаться вокруг ничтожно малой Земли?..»

Весть об ученом-астрономе быстро распространялась по городам и весям. Впервые система Коперника была изложена в небольшой книжке, составленной его учеником Иоганном Ретиком и опубликованной в 1540 году. Это был своего рода пробный шар, на который ученый согласился, поддавшись на уговоры друзей. Только после этой апробации Коперник решился вынести на суд общественности труд всей своей жизни — «О вращении небесных сфер», который целое десятилетие лежал в письменном столе. Он был напечатан после долгих поисков типографии только в мае 1543 года, когда ученый был уже при смерти.

Согласно преданию, первый экземпляр только что отпечатанной

книги, пахнувший типографской краской, принесли умирающему Копернику. Он не мог ничего сказать, только с неопишуемой нежностью водил по обложкам своего детища. Другие биографы утверждают, что едва ли он держал в руках книгу, ибо был в коме. Умер ученый 27 мая 1453 года (через несколько дней падет оплот православия — Константинополь) в возрасте 70 лет от инсульта, так и не увидев опубликованным труд всей своей жизни. В предисловии к книге он скромно написал: «Принимая в соображение, какой нелепостью должно показаться это учение, я долго не решался напечатать мою книгу и думал, не лучше ли будет последовать примеру пифагорейцев и других, передавших свое учение лишь друзьям, распространяя его только путем предания».

Католическая церковь внесла труд ученого в Индекс запрещенных книг, и в течение более чем двухсот лет учение Коперника было запрещено и признано еретическим. Его, возможно, ждал бы костер инквизиции. И только в 1822 году коллегия кардиналов постановила признать учение Коперника допустимым к беспрепятственному распространению в католических странах. А в 1993 году, когда папой римским был земляк Коперника Иоанн Павел II, католическая церковь признала, наконец, свою вину в отрицании теории Коперника.

Долгое время место захоронения ученого не было известно. В 2005

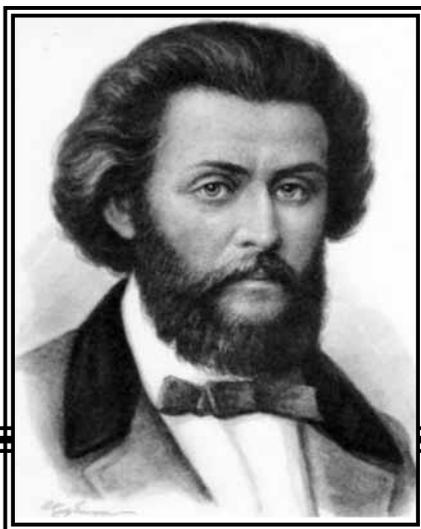
году в соборе Фромборка было найдено захоронение — уцелевшие череп и кости ног. По обнаруженным двум волосам в книге, принадлежавшей Копернику, был проведен сравнительный ДНК-анализ, подтвердивший, что эти останки принадлежат именно ученому. 22 мая 2010 года состоялось перезахоронение великого мыслителя Ренессанса.

Он был не только талантливым врачом, прекрасным администратором, одним из создателей современного календаря, превосходным экономистом. Поговаривают, что ему не было равных и в кулинарии. Именно Копернику приписывают изобретение бутерброда. Но его стихией всегда оставались астрономия и звездное небо! □

Евгений Никитин

НЕСЛОМЛЕННЫЙ БУНТАРЬ

К 190-летию
Николая
Герасимовича
Помяловского

Многие из нас помнят нашумевший в свое время исторический сериал «Петербургские тайны», который был снят по мотивам романа почти забытого ныне автора 19 века Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы». Роман, как и сериал, в свое время произвел небывалый фурор. Еще бы, ведь он показал законопослушным читателям самое дно мрачных Петербургских трущоб и его одиозных обитателей. Явил миру уголовную среду без прикрас и с такими ужасающими подробностями, что сразу захватил внимание охочего до «жареного» сытого обывателя.

Разумеется, отзывы о романе были самые разные: от победных реляций в продвижении авантюрного сюжета с детективным уклоном (В.И. Немирович-Данченко) до навешивания такого ярлыка, как «чепуха» (И.С. Тургенев). Однако все читатели единодушно отмечали необычайный реализм романа и глубокое знание всех слоев населения столицы.

Откуда же у блестящего офицера, полковника, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета и Тверского кавалерийского юнкерского училища, кавалера множества орденов такое глубокое знание Петербургских трущоб? Как он сумел настолько познать это самое пресловутое дно? Кто надоумил и помог ему создать сей необычный роман?

Это был Николай Герасимович Помяловский. Именно он и являлся тем знатоком изнаночной жизни блистательного Петербурга.

Кто же такой этот Помяловский, человек, чье имя сегодня известно лишь узкому кругу специалистов и людям, равнодушным к литературе 19 века?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно перенестись на 190 лет назад и проследить его судьбу с самого начала.

Считается, что родился Николай Помяловский на Малой Охте, тогда окраине столичного Петербурга на правом берегу Невы, 11 (23) апреля 1835 года в семье дьякона Герасима Никитича Помяловского, служившего дьяконом при Малоохтинской кладбищенской церкви Марии Магдалины, и Екатерины Алексеевны Помяловской.

Фамилия Помяловские, по-видимому, происходит от названия села Помялово Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. Сейчас это вымирающая деревушка на левом берегу реки Волхов в Волховском районе Ленинградской области, в которой проживает всего несколько человек. А в конце 18-го, начале 19 века это было приличное село, со своей церковью и приходом, где служили три поколения священнослужителей — предков писателя.

В свое время исключенный с философского отделения семинарии, отец будущего писателя по служебной лестнице выше дьякона не поднялся и свою карьеру начинал, прервав семейную традицию, уже в Троицкой церкви Красного села Царскосельского уезда. Затем служил в церкви института слепых в Шлиссельбурге, а с марта 1835 года и до конца жизни служил в Малоохтинской церкви.

Нрава отец слыл доброго, дело свое знал хорошо, поэтому остался в памяти Николая Герасимовича как грамотный и отзывчивый человек, прекрасно знающий церковную службу.

Николай Герасимович появился на свет третьим ребенком в семье, когда его отец служил дьяконом в Шлиссельбургской церкви и был в стадии перевода на Малую Охту. Поэтому достоверно утверждать, что Николай родился на Малой Охте, не совсем корректно. Кроме него в семье родилось еще девять детей: пять сестер и четыре брата: Трое умерли еще в младенчестве, — увы, детская смертность в те времена зашкаливала, и тому была масса причин.

После смерти мужа Екатерина Алексеевна, чтобы хоть как-то прокормить себя и выживших ребятшек, зарабатывала на жизнь выпечанием просфор при церкви Симеона и Анны, расположенной на Моховой улице в центре Петербурга. В общем, детство писателя прошло на грани откровенной бедности на окраине Петербурга.

Район Охты в те времена представлял собой что-то вроде деревни. Охтяне выращивали коров и снабжали жителей столицы молоком и его производными (масло, сливки, сметана). Мужчины славились как замечательные плотники и великолепные кулачные бойцы. Многие питерские мужики познали силу охтинских ухарей, когда сходились с ними по праздникам стенка на стенку. Подробно эти «забавы» Помяловский позже описал в незаконченной повести «Поречяне».

Маленький Коля все свободное от домашней работы время прово-

дил на улице и на реке. Удил рыбу, смотрел, как в затоне строят корабли, водил дружбу со взрослыми парнями. Те с радостью принимали в свою компанию бойкого и смышленного мальчишку.

Отец имел слабое влияние на быстро подрастающего и активно познающего мир сорванца. Научил его читать и писать, петь на клиросе религиозные песни, старался по мере сил приобщить к своей профессиональной деятельности. А чтобы малец совсем не запутался в жизни и окончательно не отбил от рук, определил Колю в Санкт-Петербургское Александро-Невское духовное училище. Располагалось оно на территории Александро-Невской лавры.

В училище, или, как его именовали на жаргоне того времени, «бурса», уже учились его два старших брата: Павел и Владимир. Проживать нужно было в стенах заведения. Несмотря на близость отчего дома, домой отпускали только на каникулы да по большим праздникам.

В «бурсе» существовала своеобразная «дедовщина»: старшие учащиеся обижали младших, причем довольно изощренно и с большой долей фантазии. Среди учащихся царил культ силы и почитания старших товарищей. Люди с повышенным интеллектом не только не приветствовались, но и всячески третировались. Остаться по несколько лет в одном классе считалось нор-

мой. И если добавить сюда систематические телесные наказания по малейшему поводу по распоряжению педагогов, то станет понятным, куда попал юный Николай. Как признавался позже сам писатель, его секли розгами за время учебы больше 400 раз. А уж сколько времени он провел на коленях, отбывая наказания за ничтожную провинность, и не сосчитать.

Вот в таком «милом» учебном заведении пришлось провести Николаю Герасимовичу последующие восемь лет. Тупая зубрежка материала, строгий распорядок дня, постоянные издевательства, как со стороны товарищей, так и со стороны преподавательского состава, не самым лучшим образом влияли на привыкшего к охтинской вольной жизни и свободе в своих действиях паренька. Помяловскому еще повезло, так как поддержка и покровительство старших братьев помогала избавиться ему от многих ненужных проблем.

Несмотря на это, учился Николай и усваивал преподаваемый материал отменно, что позволило ему после окончания училища, в 16 лет, перейти на следующую ступень развития — в семинарию.

Там порядки оказались не лучше, чем в училище. Однако именно там Николай обнаружил свои литературные способности. Он много читал светской литературы, не входящей в официально разрешенную программу, и под впечатлением от прочитанного юный семинарист начал пробо-

вать писать первые собственные произведения.

В старших классах семинарии Николай с товарищами стали выпускать рукописный журнал «Семинарский листок», где в 1855 году под псевдонимом «Тамбовский семинарист» он опубликовал свой первый, правда, не завершённый рассказ «Махилов». Журнал просуществовал недолго. После седьмого номера, где как раз и начали публиковать начало «Махилова», журнал, по приказанию начальства, закрыли. Этот прискорбный факт поверг начинающего автора в уныние, а навалившаяся хандра

Николай, обладавший пытливым умом, искал ответы на вопросы о Боге, природе вещей, о человеческих взаимоотношениях. Добравшись до работ своих современников Н.Г. Чернышевского и Людвига Фейербаха, проникшись их идеями, юный семинарист навсегда повернул свой взор в сторону реализма.

В июле 1857 года Помяловский, особо не утруждая себя, посредственно сдал выпускные экзамены, окончив семинарию тридцать шестым учеником из пятидесяти. Окончил по второму разряду и с плохим аттестатом, поэтому на приличное

Отец имел слабое влияние на быстро подрастающего и активно познающего мир сорванца. Он научил его читать и писать, петь на клиросе религиозные песни, старался приобщить его к своей профессиональной деятельности и для этого определил Колю в Александро-Невское духовное училище

подтолкнула его надолго отдалиться от литературы.

Удивляет, что Помяловский выросши в такой ужасающей среде, которая, казалось бы, по определению не может дать отдельно взятому индивидууму ничего путного, все же сумел найти в себе силы остаться порядочным человеком и переродиться в талантливое писателя.

Видимо, недаром говорят, что мастерство не пропьешь. А в данном случае еще и талант, который дается человеку свыше. Выросший в семье, где во главу угла ставилась религия,

место рассчитывать не приходилось. Да, по правде сказать, он и не стремился занять духовную должность. За четырнадцать лет учебы в «бурсе» Помяловский сделал для себя три, как он считал, важных приобретения: развил в себе способность постоянного скептического анализа, воспитал в себе глубокую ненависть ко всему казенному и выработал отрицание педагогической муштры.

Разуверившись в своих силах и способностях, Николай поселился в доме у матери на Охте. Переби-

Церковь Святой
Живоначальной Троицы
в селе Помялово
Новолодожского уезда,
где служило священни-
ками несколько поколе-
ний предков Н.Г. Помя-
ловского. Построена
в 1694 году.
Сгорела в 1916 году

вался случайными заработками: вместе с дьячками отпевал покойников, давал частные уроки, переписывал бумаги. Но при этом продолжал заниматься самообразованием. Активно следил за новинками литературы, подписался на известный журнал «Современник», издаваемый Н.А. Некрасовым. Особенно привлекали его внимание критические статьи Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова.

Неожиданно у Помяловского возникла острая потребность в педагогической деятельности. Причем, не на пустом месте: его подростку младшему брату предстояло пройти по наторенной дороге и стать «бурсаком». Опираясь на свой собственный опыт, Николай решил подготовить брата. «Сам погиб, — говорил он, — но брату погибнуть не дам, и в «бурсу» не пущу! Я расскажу ему

все, до чего додумался, человеком, может быть, сделаю!»

Больше года занимался он с братом по шесть часов в день. Основной упор делал на «Закон божий», подробно объясняя непонятные моменты. Но не забывал и об остальных науках. Причем, когда его что-то не устраивало, он сам писал наставления и по ним учил брата. Так, в частности, написал больше десяти страниц текста по географии. Незаметно для себя Помяловский так увлекся педагогикой, что написал несколько очерков по педагогическому вопросу. Писал, в основном, в стол, не отваживаясь на публикацию.

И вот однажды, съедаяемый сомнениями и робостью, он все же решился и отнес один из лучших своих очерков «Вукол» в специализированный журнал для родите-

лей и наставников — «Журнал для воспитания», издаваемый в Петербурге известным педагогом А.А. Чумиковым.

Две недели ожидания, тревог и затаенных надежд прошли в величайшем напряжении. И вот в первом номере журнала за 1859 год под псевдонимом Герасимов, он, наконец, увидел свой опубликованный очерк. Сам редактор Чумиков отметил мастерство начинающего автора, похвалив глубину и проникновенность изложенного материала, и пригласил Николая к дальнейшему сотрудничеству. Радости юного литератора не было предела.

Однако нужно было думать и о хлебе насущном. Как считали его родственники, писать статейки в журналы дело сомнительное и не прибыльное. Прошло два года, как Помяловский окончил курс семинарии, а все оставался не у дел — не работал по специальности. Ему даже подобрали невесту, закрепленную за дьяконское место. Дело шло к свадьбе, а в перспективе и служба дьяконом.

Но невесту «доброжелатели» уведомили, что будущий муж питает слабость к «горькой», и свадьба расстроилась. Связывать свою судьбу с пьяницей девушка не желала. Тогда ему подобрали другую невесту, покладистой. Но теперь жених пошел на попятную и, отправившись на смотрины, сбежал с половины дороги. С той поры родственники от Помяловского отступились и больше женитьбой не докучали.

Желая продолжить свое образование, Николай Герасимович в 1857 году стал посещать лекции, в основном по философии, в Петербургском университете. Параллельно работал над новым произведением, которое позже обретет законченную форму под названием «Мещанское счастье».

Окрыленный первым литературным успехом и пополнив багаж знаний на лекционном материале, в октябре 1860 года с группой товарищей Николай поступил преподавателем в воскресную школу, расположенную на Шлиссельбургской дороге. Новый виток в его биографии придал смысл жизни, и появился новый творческий порыв на литературном поприще.

В школе тогда собралось около 70 преподавателей на 800 учащихся. Выделенных помещений не хватало, поэтому приходилось заниматься в две смены. Через пару месяцев часть добровольцев, приехавших «сеять разумное, доброе, вечное», выдохлась, и они, один за другим, стали покидать учебное заведение.

Помяловскому это оказалось только на руку. Он настолько вжился в новую роль, что, проштудировав доступную литературу по педагогике, стал применять новейшие педагогические приемы у себя в школе. Причем старался делать упор на самых бестолковых учеников, тех, кому учеба давалась особенно тяжело. «Наше дело, говорил он, — научить их только грамоте, и одно уже это будет

иметь важные последствия. Выучив одного, я, таким образом, выучу грамоте все его поколение, потому что грамотный отец не потерпит безграмотных детей; а грамотный человек дорогу сам себе найдет». Его усилия оказались не напрасными — самые трудно обучаемые ребята научились читать и писать.

Нахлынувшее от педагогической практики вдохновение позволило Николаю Герасимовичу написать несколько небольших, но прекрасных по содержанию литературных про-

У Николая Герасимовича после публикации повести в «Современнике» произошел взрыв популярности. Его стали узнавать, с ним стали здороваться. Именно в редакции «Современника» он познакомился с Н.Г. Чернышевским, чьи взгляды безраздельно разделял, и чьими произведениями зачитывался. А главное — у него появились деньги. Ведь всем известно, что Н.А. Некрасов, как редактор, весьма щедро платил гонорары, особенно начинающим и талантливым авторам. А в том, что

После публикации повести «Мещанское счастье» в «Современнике» произошел буквально взрыв популярности Помяловского. Его стали узнавать, здороваться с ним. В редакции «Современника» он познакомился с Н.Г. Чернышевским, а главное, у него появились деньги, так как Некрасов весьма щедро платил гонорары, особенно начинающим и талантливым авторам. А в том, что Помяловский талант и восходящая звезда, сомневаться не приходилось

изведений. В конце 1860 года он отнес в «Современник» новую повесть «Мещанское счастье».

Вновь потянулись томительные дни ожидания и тревог. Не выдержав длительного молчания редактора, Николай попытался забрать рукопись назад. Однако Некрасов заверил его, что вещь стоящая и скоро увидит свет. Классик не обманул: в февральском номере «Современника» за 1861 год окрыленный автор прочел пахнущее типографской краской долгожданное название своей повести.

Помяловский талант и новая восходящая звезда современной литературы, сомневаться не приходилось. Не каждому Некрасов предлагал стать постоянным автором своего журнала. А вот Помяловскому сделал такое одолжение.

Неожиданный успех настолько вскружил голову молодому дарованию, что он тут же пустился во все тяжкие, нещадно пропивая полученные деньги. Беспросветные кутежи с малознакомыми приятелями очень быстро довели его до белой горячки

и Обуховской больницы, где в те времена содержали подобных персонажей.

Однако молодой организм довольно быстро справился с навалившейся напастью. Через месяц, как ни в чем не бывало, Помяловский снова «встал в строй». Но, как говорится, нет худа без добра: находясь еще в стенах Обуховки, Николай Герасимович приступил к написанию очередной повести «Молотов».

Сюжеты для рассказов и повестей он черпал из своих личных впечатлений. Многие герои его произведений оказывались людьми, хорошо знакомыми ему, те, с которыми он тесно общался. Под воздействием винных паров он отважно погружался на самое дно петербургских злочных мест. Стал завсегдаем ночлежек и притонов. Не гнушался дружбой с нищими, ворами и прочими отбросами общества. Много времени проводил среди подозрительной публики на Сенной площади — тогдашнего основного рассадника питерской преступности. Познавал, таким образом, изнаночную сторону жизни в расчете увековечить ее героев в своих реалистичных произведениях. Он одним из первых писателей — шестидесятников обратил свой взор на разночинца. На тех людей, чью среду старались не замечать писатели дворяне. Причем, описывал их реалистично без прикрас и уверток.

Именно в это период он предложил своему другу Всеволоду Крестовскому, с которым познакомился и подружился еще в 1857 году в Петербургском университете, когда посещал лекции по философии, а его визави обучался на юридическом факультете, описать трущобы Петербурга в романе.

В те годы у всей читающей аудитории на слуху был роман французского писателя Эжена Сю «Парижские тайны». Написанный им в 1843 году роман о приключениях одного знатного лица в парижских трущобах вызвал небывалый ажиотаж среди читателей. Его перевели на многие языки Европы. У него появились последователи, описавшие трущобы и преступность в разных городах мира. В списках не хватало Петербурга. Чем это закончилось — всем хорошо известно: Крестовский написал бестселлер «Петербургские трущобы».

Многие недоброжелатели даже заподозрили, что автором «Петербургских трущоб» является Помяловский. Факт, однако, не выдерживающий никакой критики. Роман начали публиковать в 1864 году и печатали по главам на протяжении трех лет по мере написания. Помяловский к тому времени уже покинул этот бранный мир. Да и тот образ жизни, что вел Николай Герасимович после обретения им славы, ставит под сомнение его способность создать такое эпичное произведение, как «Трущобы».

Но вернемся к герою нашего очерка. Едва переступив порог Обуховской больницы и оказавшись на улице, Помяловский, первым делом, направился на Сенную в один из подозрительных кабаков, а не домой. Благо, денег у него с собой оказалось не так много, а собутыльники, памятуя о его болезни, особо не наливали, добрался до дома матери Николай Герасимович в тот раз в целостности и сохранности.

Собрав волю в кулак, он навалился на продолжение новой повести «Молотов». В октябрьском номере «Современника», в том же 1861 году, ее напечатали. «Молотов» произвел огромное впечатление среди литературной жизни столицы. Критики отозвались положительно. Кстати, известное выражение «кисейная барышня» вышло именно из этого произведения.

Снова слава и деньги обрушились на слабого до водочки Помяловского. Посыпались предложения о сотрудничестве. Так, в журнал «Век», по их просьбе, он направил свой очерк «Зимний вечер в «бурсе». Газета «Русский Инвалид» предложила стать штатным фельетонистом, а «Современник» и вовсе попросил занять место скоропостижно скончавшегося в ноябре 1861 года от туберкулеза Н.А. Добролюбова, — стать литературным критиком.

Однако фельетоны для «Русского Инвалида» у него не задались. А взявшись для «Современника» за

критический разбор нового романа «Чужое имя» писателя Николая Дмитриевича Ахшарумова, он его не закончил.

Являясь деятельным от природы и обладая цепким умом и смекалкой, не желая мириться с существующим положением вещей, Помяловский на основе своего пережитого в «бурсе» опыта унижений и лишений, как физических, так и духовных, старался через свои произведения донести правду о царящей там несправедливости. Удивительно, как, пройдя жесточайшее, направленное на подавление воли и разума горнило «бурсы», Николай Герасимович сохранил в себе необычайную нравственную чистоту.

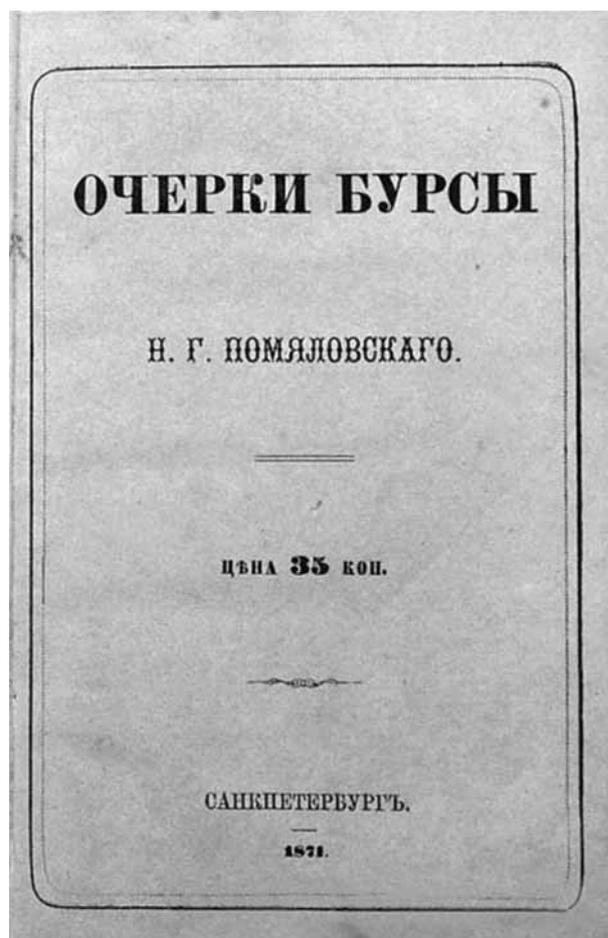
Бунтарь по натуре, он не опустил руки, как большинство его товарищей по несчастью, не превратился в злобного и завистливого обывателя, стремящегося любыми способами набить до отвала брюхо и наполнить карманы звонкой монетой. Добрый и покладистый в общении, он готов был стянуть с себя последнюю рубаху и поделиться ею с малознакомым человеком, испытывавшим нужду. Он мог одарить извозчика, провезшего его пару кварталов, тремя рублями, или сунуть нищему в руку серебряный целковый — довольно солидные деньги по тем временам. И поступал он так не потому, что хотел продемонстрировать окружающим свою показную удачу, а потому, что ему действительно хотелось помочь людям.

Тогда же, в конце 1861 года, он засел за наиболее известную и значимую свою работу «Очерки «бурсы», а главное — законченную. В силу известных причин, у него было всего три окончанных произведения: «Молотов», «Мещанское счастье» и «Очерки «бурсы». Остальные произведения находились в той или иной стадии написания.

Он работал над несколькими вещами сразу, большая часть которых из-за раннего ухода из жизни остались до конца не законченными. Но, несмотря на сей прискорбный факт, по дошедшим до нас трудам можно судить о недюжинном таланте молодого писателя.

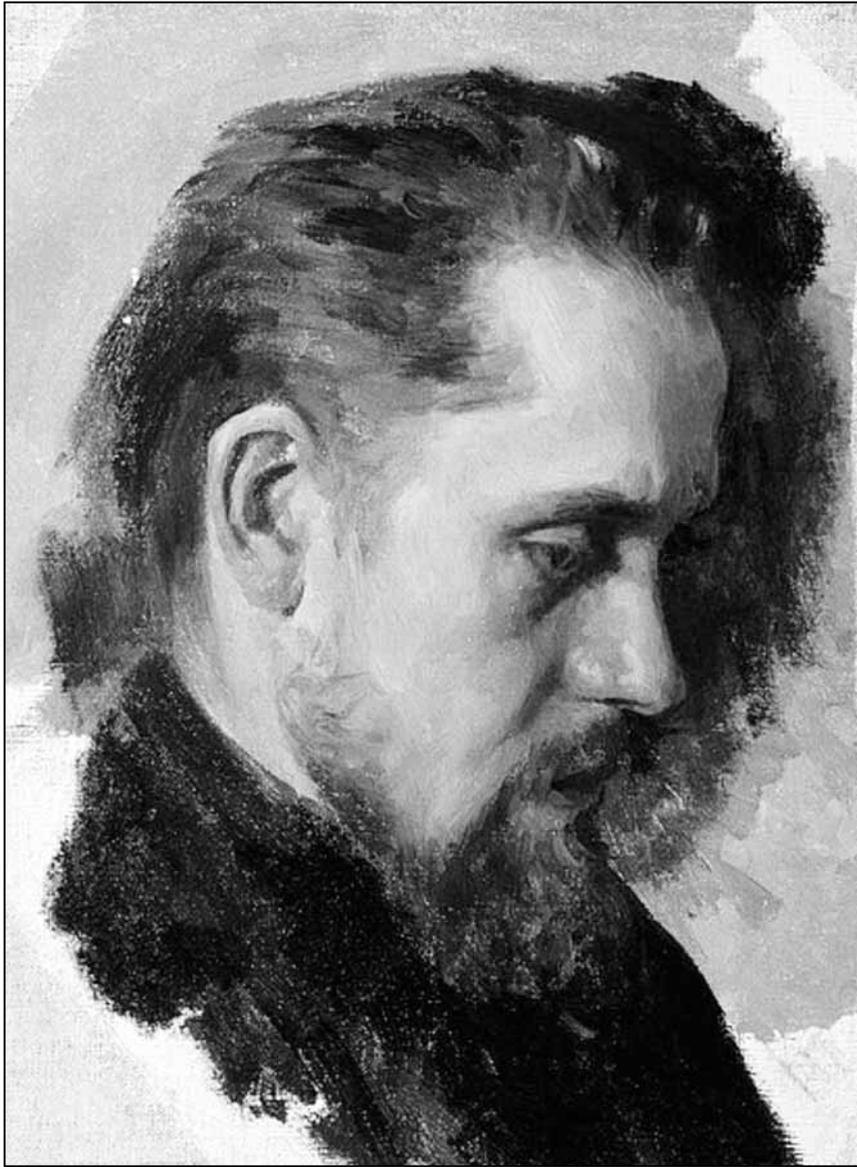
Нет нужды пересказывать его произведения и проводить критический разбор текста. Надо прочитать их и самим определить остроту и мастерство авторского слова. Скажу только, что Помяловский настолько ярко и реалистично описал свою жизнь в «бурсе», что нельзя усомниться в ее правдивости. Хотя и нашлись недоброжелатели среди его современников, открыто говорившие, что автор наводит поклеп на церковь и государство. Что тут возразить? Завистливые люди были, есть и будут. Талант достается не каждому.

Очерки выходили из-под пера писателя тяжело. Тем не менее, после первого очерка «Зимний вечер в бурсе», опубликованном в журнале «Век», он опубликовал следующий уже в журнале «Время» в 1862

году. А остальные увидели свет в книгах журнала «Современник» за 1862 — 1863 годы. Отдельным изданием все очерки вышли в 1863 году.

В те годы среди представителей народного образования велась полемика: а нужно ли пороть детей, или можно обойтись без телесных наказаний в стенах учебных заведений. И тут «Очерки «бурсы» оказались как нельзя кстати. Они еще только начали свое победное шествие на страницах печати, а император Александр II уже 17 апреля 1863 года запретил порку как меру уголовного наказания. А годом позже запретил телесные наказания

в средних учебных заведениях. И в этом видится непосредственная заслуга писателя Помяловского. Вот она, всепокрушающая сила печатного слова.

Весной 1862 года Помяловский переехал на Малую Охту, где начал новый грандиозный проект: романы «Брат и сестра» и «Поречане». Последний роман он обещал журналу «Русское слово». Работа шла тяжело. Очередной раз впав в хандру, он вновь начал пить. На про-

тяжении года пытался самостоятельно бороться со своей болезнью, но, осознав, что сам справиться со своим недугом не в силах, он обратился за помощью к друзьям. Весной следующего года Николай Герасимович вместе с другом, студентом-медиком Н.Г. Дьяковым, и братом Владимиром сняли в деревне Ивановка, что в 30 верстах от Питера, простой деревенский дом.

Поначалу жизнь на свежем воздухе, вдали от городской суеты, при-

несла свои плоды. Николай Герасимович завершил последние, четвертый и пятый, очерки о «бурсе» и навалился на роман. Писатель творил и был счастлив. Ничто не предвещало беды.

В конце лета 1863 года Помяловский отправился в Питер за гонораром за свои «Очерки» и пропал. Как потом оказалось, получив немалые деньги, он случайно встретил старых приятелей, и не удержался... Вновь безудержное многодневное веселье, а за ним уже традиционно последовала белая горячка. Находясь в ал-

залось слишком поздно: развившаяся газовая гангрена, или, как тогда ее называли: «антонов огонь», завершила земной путь писателя. Пятого октября 1863 года Помяловского не стало.

У Екатерины Алексеевны, матери писателя, нужных денег для похорон не оказалось. Выручил Н.А. Некрасов: он собрал нужную сумму и организовал достойное предание земле безвременно усопшего. К последнему месту проживания Николая Герасимовича у дома №24 на углу улицы Молчаливой и Малоохтинского про-

---

Бунтарь по натуре, он не опускал руки, не превратился в злобно-го и завистливого обывателя, стремящегося набить карманы звонкой монетой. Добрый и покладистый по натуре, он готов был стянуть с себя последнюю рубаху и поделиться ею с мало-знакомым человеком, испытывавшим нужду. И поступал так не потому, что хотел продемонстрировать свои щедрость и удаль, а потому, что ему действительно хотелось помочь людям

когельном психозе, писатель где-то случайно поцарапал ногу и занес в организм инфекцию. Друзья доставили Помяловского домой. Самочувствие его резко ухудшалось. Травмированная нога распухла, но от поездки к врачу писатель категорически отказывался.

Только когда стало совсем невозможно, его отвезли в переполненную клинику Медико-Хирургической академии, где профессор хирургии Павел Андреевич Наранович, осмотрев ногу, вскрыл нарыв. Увы, ока-

спекта собралось великое множество народа. Прибывший катафалк оказался не у дел: почитатели таланта Помяловского на руках несли гроб с покойным до самого кладбища. Последний приют Николай Герасимович обрел на Малоохтинском православном кладбище. Там, где мальчишкой бегал между могил, где в юности помогал отпевать соседей. Теперь на нем упокоился и он сам.

Однако покой его тела длился не долго. Пришедшие в 1917 году к власти «богоборцы» стали закры-

вать старые кладбища, а надгробия и склепы пускали на строительную щебенку. Православное Малоохтинское кладбище полностью закрыли в 1938 году. Затем в течение десяти лет методично ликвидировали могильные сооружения, утюжили бульдозерами территорию. Уцелели только захоронения трех человек: Н.Г. Помяловского, художника Алексея Петровича Боголюбова и поэта и драматурга Егора Федоровича Розена. Останки Боголюбова и Розена перенесли на территорию Александрово-Невской лавры на Тихвинское кладбище, а останки Помяловского вместе с надгробием в 1944 году перенесли на Волковское кладбище Санкт-Петербурга, на «Литераторские мостки». Малоохтинская церковь пережила кладбище на три десятилетия. После войны в ней оборудовали кинотеатр, а в 1960-е годы окончательно снесли. Теперь там ничего не напоминает о прошлом. После реконструкции Малой Охты большая часть бывшего кладбища занята многоэтажным, сверкающим огнями жилищным комплексом...

Литературное наследие Н.Г. Помяловского относительно не велико. Всего три признано самим автором завершенными: повесть «Мещанское счастье» (1861), повесть «Молотов» (1861), «Очерки бурсы» (1863). И еще несколько произведений, опубликованных в полном со-

брании сочинений: рассказ «Махиллов» (1855), психологический очерк «Вукол» (1859), психологический очерк «Данилушка» (1859), отрывок «Андрей Федорыч Чебанов» (1862) из романа «Брат и сестра», роман «Брат и сестра» и рассказ «Поречане» (1863).

По мотивам «Очерки «бурсы»» режиссер Михаил Ведышев (1955 — 2019) в 1981 году снял короткометражный фильм «Бурса». В 1991 году он доснял фильм до полного метра и выпустил в прокат.

По просьбе жителей Малой Охты в год пятидесятилетия со дня смерти писателя (1913) улицу Оградскую переименовали в улицу Помяловского, но при расширении городской застройки эта улица перестала существовать. В ноябре 1962 года проходившую неподалеку улицу Суворовскую переименовали в улицу Помяловского. Кроме Санкт-Петербурга улицы с этим названием есть в Иркутске, Липецке, Воронеже, Магнитогорске, Базарном Карабулаке (Саратовская область), Торопце (Тверская область).

Возможно, после моего очерка кто-то из читателей загорится желанием познакомиться с творчеством этого нетривиального писателя. А кто-то, кто уже когда-то читал его произведения, захочет еще раз перечитать его книги. Тогда мои усилия по воскрешению забытого имени окажутся не напрасными... □

НАСТОЯЩИЙ ЦАРЬ от архитектуры

В московском районе Сокол, в сквере, носящем название «Арбатец», установлен памятник архитектору Каро Алабяну. Улица, названная его именем, проходит тут же рядом. Самая большая сетевая энциклопедия описывает скульптуру так: «Памятник представляет собой пьедестал из красного гранита со ступенями, на которых стоит архитектор Каро Алабян. Высота бронзовой скульптуры составляет 3 метра. В правой руке архитектор держит бумажные полотна с чертежами, на которых схематично изображен Театр Советской армии. Листы настолько длинные и тяжелые, что архитектору приходится поддерживать их ногой, чтобы те не соскользнули и не упали вниз».

Проект Театра Советской армии и вправду четко узнаваем на чертеже. Хотя это далеко не единственная постройка архитектора в Москве и за ее пределами, увековечить решили именно ее. Почему — мы точно не знаем, но можем предположить, что в силу уникальности этого здания. И уникальности архитектора, который его построил.

Театр Советской армии по проекту Каро Алабяна

Каро Алабян родился в 1897 году в деревне под Елизаветполем (сегодня это Гянджа) в семье небогатого купца. Поскольку отец мальчика умер рано, матери пришлось самой обеспечивать семью. Она зарабатывала на жизнь шитьем и стиркой белья. Чтобы дать сыну образование, она переехала в Тифлис, где Каро поступил в знаменитую армянскую семинарию Нерсисян. Помимо того, что школа пользовалась отличной репутацией, она была бесплатной. В семинарии учились многие известные деятели армянского просвещения: философы, историки, политики, литераторы, художники, музыканты. Но здесь давали не только духовное образование, учили и общеобразовательным дисциплинам, иностранным языкам, истории и географии.

Чтобы помочь матери, Каро с 15 лет стал подрабатывать — репетитором, художником-плакатистом, разнорабочим. Уже тогда он рисовал с натуры, лепил разнообразные оригинальные фигурки из глины, воска, хлеба. Говорят, даже мог стать певцом — у него был прекрасный голос — если бы не революционные события. Одного своего школьного приятеля, совершенно лишенного музыкального дара, он выручал так: они стояли рядом на уроках пения, друг только открывал рот, имитируя пение, а пел за двоих Алабян. Соученика звали Анастас Микоян, и дружба, начавшаяся в семинарии, сохранилась между ними на всю жизнь.

В годы Гражданской войны они вновь были рядом, и во время одного из сражений Каро вынес с поля

боя раненого Анастаса и тем самым спас ему жизнь.

К семье у Алабяна всегда было трепетное отношение. Его сын, Александр вспоминал об одной истории, поведенной ему как раз Микояном: «Один лавочник оскорбил мать Каро. Тогда он, будучи с юности физически сильным человеком, выкинул его с третьего этажа, и тот сильно покалечился. Уже было хотели возбудить уголовное дело, но соседи вступились — он защищал мать, и власти не рискнули — настолько сильным было в то время у кавказцев почитание матери».

Как многие в те годы, революцию Каро Алабян встретил с воодушевлением. Одно время даже занимался редактированием революционных газет и работал над серией иллюстраций к произведениям Егише Чаренца.

В возрасте 26 лет он — по направлению от ЦК Компартии Армении — едет учиться в Москву и поступает на архитектурное отделение Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС).

Там он сразу оказался в центре внимания — красавец с волнистой шевелюрой, светлыми глазами, густыми ресницами, глубоким тембром голоса, в длинном полушубке из черных козых шкур мехом вверх — он быстро стал центром притяжения, душой студенческого общества.

Уже через пару лет, в 1925 году, Алабян вместе с другими учащимися ВХУТЕМАСа отправился на Между-

Людмила Целиковская

народную выставку декоративных искусств и художественной промышленности в Париже. Авангард уже терял свое влияние, и будущие архитекторы искали новый стиль. Каро Семенович стал лидером Всесоюзного объединения пролетарских архитекторов, созданного в 1929 году. В своей декларации его члены заявляли: «Мы — за овладение культурой прошлого, за изучение ее не для подражания и механического копирования, а за критическое использование исторического опыта».

По окончании института Алабян вернулся в Ереван — столица Армянской ССР переживала бурное строительство. Он пробыл там недолго — всего два года, но сделать успел многое: по его проектам были построены Клуб строителей, жилой дом Электрехимического треста, Дом главного

К.С. Алабян, С.А. Сафарян. Павильон «Армянская ССР» на ВСХВ в Москве

геолого-разведочного управления. Попутно он преподавал на архитектурном факультете Ереванского политехнического института.

Однако он понимал, что построить большую карьеру, сделать что-то по-настоящему важное для страны сможет только в столице. К тому же московские коллеги настойчиво приглашали его вернуться. И Алабян переезжает в Москву. Он много строит и много работает как организатор. Он был ответственным секретарем созданного в 1932 году Союза архитекторов СССР, ответственным редактором журнала «Архитектура СССР», вице-президентом Академии архитектуры СССР, главой созданной при президиуме академии комиссии по научно-техническим проблемам строительства и так далее, и так далее...

Кстати, по воспоминаниям сына Алабяна, Александра, у его отца был членский билет Союза архитекторов под номером 1!

В 1934 году был принят его проект Центрального Театра Советской армии, который по прямому указанию Сталина был построен в виде пятиконечной звезды. Когда ему доложили об идее сооружения, вождь сказал: «Что же, идея хорошая. Красная армия заслужила иметь свой театр. Но надо, чтобы облик его был оригинальный, говорящий о принадлежности театра к армии. Пусть здание будет иметь форму пятиконечной звезды».

Очевидно, что театры такой формы до этого момента не строились, и вписать театральные залы и кулисы в эту фигуру было очень трудно, но Алабян, по общему признанию, справился с этой задачей блестяще.

Морской вокзал в Сочи по проекту К.С. Алабяна

В 1939 году он руководил строительством Советского павильона на Международной выставке в Америке и вскоре был удостоен звания почетного гражданина Нью-Йорка, а также был избран членом Британского Королевского института архитектуры.

Возможно, это триумфальное шествие по миру и продолжилось бы, но началась война, и в эти годы от архитекторов требовались совсем другие умения: не строить, а прятать, и в годы войны Каро Алабян возглавлял мастерскую, которая разрабатывала маскировку для стратегических объектов Москвы, и занимался эвакуацией жен и детей архитекторов.

После войны архитектурное бюро Каро Семеновича разработало генеральный план восстановления

разрушенного Сталинграда, а также занималось восстановлением Крещатика в Киеве. К тому же страна-победитель должна была показать, насколько у нее все отлично, и начался бум высоток. Из-за них-то у Алабяна и пошло под откос очень многое.

Но стоит немного оглянуться и посмотреть, что в эти годы происходило в личной жизни архитектора.

Его первая жена — Виктория — умерла в 1947 году. Детей у супругов не было. Будучи в гостях у своего давнего друга, Рубена Симонова, режиссера театра имени Вахтангова, Алабян познакомился с Людмилой Целиковской — известной актрисой, звездой советского экрана. К тому моменту она уже успела сняться в картинах «Сердца четырех» и «Антон Иванович сердится».

И была замужем за не менее известным актером Михаилом Жаровым. Но это обстоятельство не помешало Каро Семеновичу в тот же вечер заявить актрисе: «Вы будете моей женой!» И в 1948 году они поженились. А уже через год у них родился сын Александр. Несмотря на раннее утро, Алабян передал жене букет из 100 роз, которые для него ночью срезали в Ботаническом саду. И поразил этим не только супругу, но и весь медицинский персонал.

Их брак был очень счастливым, несмотря на трудное послевоенное время. Целиковской удавалось совмещать материнство и работу, Алабян не уставал трудиться на всех своих постах и имел смелость высказывать мнение, отличное от правительственного. Именно из-за этого его успешная карьера вдруг рухнула с огромной высоты.

На совещании, где помимо архитектора присутствовал Лаврентий Берия, Алабян высказался, что строительство высоток не является экономичным, и после войны будет лучше дать людям доступное жилье, а не тратить ресурсы на помпезность. После этого Каро Семеновича исключили из числа архитекторов, работающих над строительством высоток. И уже готовился его арест, но старого друга спас Анастас Микоян.

Он вызвал Алабяна, вручил ему билет в Ереван и дал совсем мало времени — только попрощаться с

семьей, после чего нужно было срочно улетать — организовывать работу «по поднятию национальных архитектурных кадров». Микоян справедливо считал, что тянуться за опальным архитектором так далеко никто не станет. И оказался прав.

Людмила Целиковская впоследствии вспоминала, что перед отъездом муж на коленях просил у нее прощения за то, что оставляет жену с маленьким ребенком неизвестно на какое время практически без средств к существованию — ее зарплата в театре была совсем небольшой. И говорил, что, зная он, как все повернется, никогда не посмел бы жениться на ней. Однако у актрисы был очень стойкий и жизнеутверждающий характер. Она сказала: «Каро, не волнуйся, все у нас будет в порядке, как-нибудь проживем, возвращайся скорее, мы тебя очень будем ждать».

Он вернулся примерно через год. За это время его, разумеется, сняли со всех постов в Академии архитектуры, лишили статуса депутата Верховного Совета СССР. Но все же позволили работать — поручили руководство мастерской в Моспроекте, которая занималась застройкой Ленинградского проспекта. А в 1953 году — уже после смерти Сталина — за работы по восстановлению Сталинграда выделили квартиру на улице Чайковского (сейчас это Новинский бульвар).

Они с Людмилой Целиковской продолжали жить свою счастливую се-

мейную жизнь, растить сына и делать все, что возможно.

Каро Алабян ушел из жизни очень рано — всего в 62 года он умер от рака легких — очень много курил всю жизнь. Но несмотря на это, у его семьи о нем сохранились очень яркие воспоминания. Так, сын рассказывал историю, связанную с курением отца: «Я учился в первом классе и уже немного умел писать. Папа заканчивал крупный проект застройки Ленинградского проспекта и поэтому много работал над планшетами дома. Наконец работа была закончена и было назначено ее обсуждение на заседании правительства. Папа на радостях пошел с мамой в театр, а я остался с бабушкой. И вот бабушка не дождалась, и, когда папа с мамой пришли домой, они с ужасом увидели, что на двух основных планшетах нарисованы человечки с сигаретами в зубах и корявой надписью “Папа курит”. Так я инстинктивно боролся с пагубным пристрастием папы. Мама была сильно возмущена и требовала меня разбудить и примерно наказать, на что папа, будучи чрезвычайно мягким и любящим человеком, сказал: “Маймунчик (“обезьянка” по-армянски), Сашенька будет художником — не надо его ругать”. И пришлось отцу в спешном порядке нанимать людей и вместе с ними переделывать ночами планшеты».

Теща архитектора, мама Людмилы Целиковской, восхищалась зя-

тем. Она говорила, что в жизни не встречала мужчины красивее, благороднее Каро Семеновича Алабяна. Его голос, походка, неторопливая манера разговора настолько покоряли, завораживали, что от него невозможно было отвести глаз. “Это был настоящий царь!” — восклицала она.

Людмила Целиковская пережила мужа на 33 года, много лет прожила с режиссером Юрием Любимовым (хотя замуж за него так и не вышла). Но попросила похоронить ее рядом с любимым мужем — Каро Алабяном, отцом ее единственного сына, любовью, которую она не успела «долюбить». □

Дмитрий Дарин

★ Исповедь

Деревни, как деревья, живут по-разному. Иная стоит себе красиво на берегу реки, как стройный березняк или строгий бор — сотни лет стоит. А подрубит что-то под корень, и начинает чахнуть деревня, терять своих обитателей, скособочится, как кривая береза с отсохшими ветками, да и сгинет в несколько лет. Один-два двора останутся, и торчат, как пни на огнище. А бывает наоборот — прилепится хутор в каком-то странном месте, как сосна на скале — и от железки далеко, и река — не река, ручей по колено, и чем жители пробаваются — одному Богу известно. А пройдет десяток-другой лет, глядишь, уже и не деревня, а село. И фермы тебе, и молоко чуть не на экспорт, и церковь отреставрированная, и элеватор новый. А еще поколение спустя — уже и рабочий поселок, а то и городок. С полустанком, лесопилкой, мельницей и даже краеведческим музеем.

Вот так вместе со своей деревенькой рос и Корней. Родители единственного сыночка любили, но по-разному. Со стороны поглядеть — противоположно как-то любили. Мать — обычная крестьянка, и любила обычно: молочко парное, творожок, обшить да обгладить. Сыночек лучшим должен быть, не меньше.

Отец тоже считал, что Корней должен быть лучшим, поэтому ремня не жалел. Но не только порол, не забывал и хвалить. За его успехи в школе даже выпивал — хотя вообще водку не жаловал. Говорил — не люблю голову терять, она человеку для другого дадена. Отец и Корнею все время про голову твердил — «светлая голова», «головой жизнь возьмешь», «учись, набирай знаний на всю голову, чтобы переливалось». Для закрепления порол по заднице, или, как он говаривал, «нижней голове» — особенно за тройки. Двоек лучше было не получать вовсе. Корней пристрастился к книгам, тройки случались все реже, а за четверки отец не порол. Но приговаривал: «Все, что не отлично, — плохо! — И добавлял: — Ты Корней, держись корней. Без корней вырастет пустоцвет. А ты у меня фрукт!»

Отца Корней схоронил первым. В ту пору он уже был молодым инженером — электронщиком, причем с элитной специализацией системотехни-

ка. Одним словом, стратег электронных разработок. Именно потому, что желание стать лучшим было вбито в него с детства, он поступил не в какой-то провинциальный технический техникум, а в один из лучших институтов — Московский технологический. И учился на «отлично», хотя спрашивали не строго и преподавали без души — лекции как научные доклады, без дискуссий, семинары без мозговых штурмов и вообще без огонька. Складывалось впечатление, что преподавателям было все равно. Большинству студентов учеба тоже была если не до фонаря, то какой-то неприятной необходимостью. Но только не Корнею. Он точно знал — лучшие в любой профессии и живут лучше всех. И какой престижной бы ни была сама профессия, но если ты не мастер, будешь всегда подмастерье. А подмастерьям гордиться нечем, и хлеб у них если и не горький, то жесткий. Поэтому на дискотеки ходил нерегулярно, девочками напролом не увлекался, в компаниях выпивал редко. За это Корнея не то, чтобы сторонились, но как-то не расслаблялись при нем, что-то в себе придерживали, и уж тем более не вели себя с ним запанибрата. Корней это чувствовал, но весьма отстраненно, без обид и отчуждения. Он знал свою цель, видел ее то ближе, то дальше, но никогда из перекрестья вбитой отцом воли не выпускал.

Мать, слава богу, была жива. Она даже не сильно постарела, хотя со смерти мужа прошло уже почти двадцать лет. Отец Корнея умер примерно в том возрасте, в котором он был сейчас сам — сорок с «кувырком», то есть. Его в полгода спалила саркома легких. Мать же — то ли от вечного копания в огороде на густом деревенском воздухе, то ли от натуральной еды, то ли уже от какого-то нетребовательного согласия с мирозданием — законсервировалась и выглядела, конечно, пожилой, но в старуху не превратилась. Корней приехал навестить ее на Пасху. Она давно уже просила подсобить по хозяйству, зазывала и медком, и оладьями, и засоленной с зимы капусточкой. Тосковала, конечно, это было видно в крупном почерке старомодных писем, исправно приходивших на Корнеев адрес. И вот он выбрал, наконец, время и приехал.

Пасха в этот год выдалась поздняя — на Первомай. Праздники длились почти без перерыва до Дня Победы, поэтому и получилось освободиться от дел — его сотрудники все равно все разъехались на длинные выходные. Одним словом, вышел солидный отпуск, который он разрешил себе впервые за последние годы.

Корней отправился в церковь освящать куличи и десяток яиц с материнского хозяйства. Но опоздал: батюшка закончил освящать пасхальную еду уже как с полчаса.

— «Только что был тут» — виновато и добро улыбнулась женщина из церковной лавки, куда Корней заглянул за свечками. В Москве он в цер-

ковь почти не ходил, Пасхальную церемонию смотрел по телевизору и вообще не сильно воцерковлялся, хотя крещеным был, и крестик не снимал, разве что в парной. Вот и сейчас не усердствовал — опоздал к освящению, хотя мать и поторапливала с самого утра. Он провозился с радиоприемником еще ламповой породы, наладил, потом прибил доску к крыльцу, потом еще что-то — так до вечера и проваландался. И теперь ему было неловко — возвращаться с невыполненным заданием было не в его правилах, а слукавить матери он не мог, так что оставалось ждать Всенощной и Крестного хода — так объяснила женщина из церковной лавки.

— А это не батюшка? — Корней указал на седовласого мужчину в белом стихаре.

— Что вы? — чуть не перекрестилась прихожанка. — Это алтарник! Отец Игорь уже ушел, отдыхает перед службой.

— Ага! — кивнул Корней. — Тогда мне три свечи, пожалуйста!

Он купил три свечи и пошел вдоль икон, вспоминая. Последний раз он был в храме Христа Спасителя в Москве, но не молился, службы не стоял, зашел из любопытства. Так же было и в Питере — в храме Спаса на Крови. Мозаичные фрески, камни с кровью императора — это влекло ум, возбуждало туристический интерес, но к сердцу отношения имело мало. В этой церкви, ухоженной и благолепной, а раньше, когда он забегал сюда мальчишкой, обшарпанной и невзрачной, он тоже не молился. А сейчас вспоминал, узнавая иконы, на которые он смотрел во все любопытные мальчишеские глаза, что в детстве стоял вон в том тихом углу и прислушивался — то ли к шорохам, то ли к душе. А вот у этой стены пространство было темнее, но там скамейка, наверное, та же самая, там он сидел и болтал ногами, смотрел на редких крестящихся. Он тоже пробовал креститься — сверялся с движениями верующих — так ли, верно ли...

Он медленно шел вдоль икон, и ему казалось, что они тоже его узнают. Вот и Богоматерь. Корней оплавил нижний конец свечи, зажег фитилек и установил свечку поближе к иконе.

Что попросить у Божьей матери? Здоровья и, конечно, долгие лета своей матери. Он так и сделал, помолился, представляя матушкино лицо, все ее морщинки, улыбку, глаза — чтобы отослать этот образ Всевышнему, чтобы молитва состояла не из одних только слов. Потом перекрестился три раза, вздохнул и пошел дальше.

Теперь он остановился перед иконой Спасителя и тоже поставил свечу. Кроме «Отче наш» других молитв Корней не знал, да и эту порядком подзабыл. За матушку он просил своими словами, простыми и понятными. Но тут следовало читать по канону и он напряг память. «Отче наш, сущий на небеси... да святится имя твое, да придет царствие твое...»

Корней сбился, закрыл глаза и представил икону Спасителя внутренним взором. Христос смотрел строго. Не настолько, чтобы отводить взгляд, пусть даже и внутренний, но все-таки строго. Так смотрел отец перед тем как сказать, что у Корнея, забывшего что-то купить из материнского списка в их сельпо, «дырявая голова». Говорят об усопших — пусть земля ему будет пухом. Но душа-то взлетает на небеса, зачем мертвому телу «пух» земли? И что пух для души? И есть ли он? Раз душа есть, она в чем-то должна быть — при жизни в теле, а после жизни?.. Он открыл глаза — его явно «занесло» куда-то не туда. «Оставь нам долги наши, как мы оставляем должникам нашим...» Да, прощать долги — может, самое сложное в прощении. Отец, как он помнил, долги взыскивал, ругался, даже дрался. И снова давал — то четверть выставит на чьи-то поминки, то инструмент нерадивому соседу, то деньги. Давал даже тем, с кем потом доходило до мордобоя. Теперь Корней понимал — так отец исправлял «неоставление» долгов своим должникам. Последовательный во всем был человек.

Корней отошел от иконы. Молитвы все равно не получилось, а последнюю свечку следовало поставить отцу. Найдя быстро канунный стол у Голгофы — куда ставят за упокой, он зажег свечу и вдруг подумал: «Может, пух для души — это свет от свечек?» Пламя свечи как-то притянуло его взгляд, заполнило сознание, он даже забыл моргать. Так и простоял — без мыслей, без ощущений долгое время — пока свеча не прогорела. Очнувшись, Корней перекрестился и отошел от Голгофы — все-таки нужно было освятить еду, а всю Всеночную он вряд ли выстоял бы. В церкви тем временем стало как-то суетней — людей изрядно прибавилось — по обеим сторонам образовались очереди. Он встал в одну из них. Наконец батюшка объявился, даже два. Священник, к которому стояла его очередь, был его лет, дородный, с красивым, холеным лицом и начинающей седеть бородой. Он о чем-то беседовал с женщиной, теребившей уголки платка и непрестанно кивавшей. Корней спросил у молодой прихожанки, стоявшей перед ним с Евангелием в руках: «Куда очередь?»

— Христос воскрес! На исповедь, куда ж ишо.

— Воистину воскрес! — Корней почувствовал озноб — он никогда не был на исповеди, никогда не помышлял и никогда бы не решился. Предупредив позади стоящего, что отойдет ненадолго, он прошел на другую сторону — там очередь стояла к другому батюшке — седому и благочинному старцу в очках.

— Кто в первый раз на исповедь, подождите в сторонке. — молвил батюшка.

Корней подумал, что как раз и надо бы ему в сторонку, не готов он ни к какой исповеди. Да и как возможно рассказывать о своих грехах незнако-

мому человеку, пусть и священнику? Про себя вспоминать-то неприятно, не то, чтобы вслух рассказывать.

Он отошел в сторонку и с облегчением сел на скамейку. Исповедь, ишь как. Ему-то и надобно только окропить пасхальную еду святой водицей. И вообще, эту еду пора бы пустить в дело — он уже изрядно проголодался. Хотя пост на то и положен, чтобы отодвинуть от себя чревоугодие куда-нибудь на задворки сознания, так что следовало потерпеть. Пост Корней не соблюдал. Правда, ограничивал себя в первую и последнюю, Страстную, седмицу, но только по части алкоголя, так что на пост он не был способен — не в этом вера. Но вот и на исповедь он, оказывается, не был способен. А почему? Разве за ним много такого стыдного, чтобы батюшке не покаяться

Он вдруг резко поднялся со скамейки и вернулся в первую очередь. Его пустили без возражений. Перед ним стояло всего пять-шесть человек, а позади — уже несколько десятков. Корней встал чуть сбоку, чтобы видеть — как там впереди все происходит, что надо делать, как подходить, как целовать крест. Теперь что-то перепутать в процедуре ему казалось чуть не более стыдным, чем те грехи, в которых он собирался покаяться. А каяться Корней решил твердо — он не привык отступать и всплывающее иногда малодушие из себя выдавливал. Какие грехи поставить «первой очередью»? Увы, их накопилось изрядно, и нужно было выбрать какой-то главный или почти главный — чтобы по тяжести и облегчение вышло.

Место у священника освободилось, женщина, первая в очереди, обернулась, сложила руки на груди и поклонилась народу:

— Простите, люди добрые! Христос воскрес!

— Бог простит! Воистину воскрес! — ответили из очереди.

Она повернулась и подошла к батюшке. Корней заметил, что женщина что-то быстро положила в короб, стоявший по правую руку от исповедального столика. Нужно было узнать, что это, правда, тем самым выдать свою полную неосведомленность. Корней немного стусевался, но все-таки спросил стоящую впереди девушку в огромных очках с Евангелием в руке, что кладут в эту коробку.

— Туда денежку кладут, — ответила молодая прихожанка и перелистнула Священное писание.

— Ага. Денежку. — Обыденность объяснения как-то успокоила Корнея. С «денежками» он дело имел давно, и это мирское «денежку кладут» как-то делало и батюшку более человеческим и его самого менее суетным пред лицом Всевышнего. И вот то, что он так много работал, чтобы заработать как можно больше «денежки» для того, чтобы когда-нибудь больше не работать, и хотел Корней представить поначалу священнику как грех. Нет,

стремление к богатству, наверное, не грех, но понимание людей через их кошелек, достоинство мощной мерять — вот это истинный грех. Давно стал замечать это Корней — и в себе поначалу. Но когда увидел, что почти все его коллеги по бизнесу, знакомые и женщины его тоже по деньгам меряют — сам стал выискивать в людях другие черты. Бедных он не любил, нищих, кроме немощных и стариков, презирал, но с какого-то жизненного поворота стал и в тех и в других стараться увидеть что-то другое, интересное, чудинку какую или изюминку — что-то, что не касалось «кармана». И ведь действительно — один знакомец, простой учитель физики, открылся в живописи — и пусть стрелял у него деньги на холсты и краски, но картины писал завораживающие. Потом взял кредит под квартиру, чтобы в той же квартире мастерскую устроить — но расплатиться не смог, наехали какие-то черные риелторы или коллекторы, бандиты, одним словом, и выбросили его с пропиской в Тамбовской губернии. Так без пяти минут его приятель оказался уличным художником в прямом смысле слова. Корней помог — снял маленькую комнатку на окраине Москвы, чтобы художник на улице не ночевал и как-то боролся за собственность. Но художник ушел не в борьбу, а в запой. Потом просил еще денег, и весьма требовательно просил, словно у обязанной ему родни. Корней отказал — не помогут деньги такому человеку, но тем самым нажил себе очередного врага. Через год художник из комнаты съехал, и куда сгинул потом этот человек, Корней не интересовался — забот и так хватало.

А другой приятель, страшный и пошлый матерщинник по трезвости, будучи в стельку пьяным на каком-то недорогом застолье, вдруг начал цитировать Цицерона на латыни. Никто и думать не мог, что он со школы увлекался историей Древнего Рима. В другой раз выяснилось, что сварливая до остервенелости соседка по дачному поселку усыновила трех детдомовских ребятишек, причем одного негритенка — и это без мужа, одна. И хотя такие случаи были нечасты, Корней научил себя быть к ним готовым и всегда ждал чего-то необычного в людях.

Он давно, еще с начала перестройки, понял, что его мозги стоят дорого. Но проработав наладчиком — программистом в кооперативе, торговавшем компьютерами азиатской сборки, и пережив двух убитых одним за другим директоров, понял и другое. Ему нужен доход от своего дела, а не зарплата с чужого — зарплату он сам будет выплачивать, кому сочтет нужным. И бизнес должен быть не торговым, а высококвалифицированным — таким, чтобы без его мозгов дело остановилось, и убирать его — во всех смыслах — было бы непрактично, чтобы прибавочная стоимость создавалась его головой — той самой, которую так часто и не к месту поминал отец. Хотя, почему не к месту? Как раз голова у него была на своем

месте и делала, что положено — думала. И Корней придумал — кооператив по персональному тюнингу персональных компьютеров. Он нашел — в основном из числа бывших сокурсников — толковых программистов и обучил их писать программы. Парадокс — программы не для новых предприятий, плодившихся, как грибы, а для старых, советских, которые до сих пор обходились перфокартами. Поставь в министерство самый распрекрасный комп — и будет он там стоять как игровая приставка или калькулятор. А чтобы на нем можно было обсчитывать производство и логистику — для этого нужно было создать «софт» — адаптированную программу. И это стоило дорого!

Корней богател быстро, но умно. Деньгами напоказ не швырял, оргий и еще менее содержательных великосветских застолий избегал, и вообще не был сторонником теории показательного потребления Веблена. В потреблении мало удовольствия, если ему не предшествует труд, а к труду не приложена выдумка и авторская идея. В этом смысле Корней был художником жизни. Хозяином и художником. Но чем настоящий хозяин отличается от наемного человека? Тем, что встает раньше, работает больше, да еще успевает за работой других приглядывать...

Тем временем священник приклонил голову исповедавшейся епитрахилью, что-то прошептал, женщина облобызала икону и крест, потом руку батюшке. Святой отец поцеловал ее в темечко и отпустил с миром. Следующим был невысокий, кряжистый мужчина. Он тоже поклонился народу, сложив руки на груди, и Корней уже со знанием дела сказал со всеми: «Бог простит». Он почти освоился и знал по нескольким прошедшим впереди его, что ему самому нужно делать. Вот только в чем исповедоваться, он до сих пор не знал. Думал то про одно, то про другое, но всех-то грехов не перечислишь, а за один раз — тем более первый — нужно было выбрать что-то потяжелее. Или, наоборот, полегче — для разминки.

И он начал вспоминать издалека. В голову, как назло, лезла всякая чепуха. Вот он ребенком отнял у младшего мальчика «петушок» — из озорства, а не из любви к сладкому. Просто хотелось посмотреть, что мальчик предпримет, как будет ныть и просить отдать. Но мальчик не стал просить, поднял с земли камень и кинул прямо Корнею в лоб — правда, промахнулся. Корней тогда его отдубасил, а уже через пару часов его самого порол отец с любимым присловьем про «дурную голову». Корней точно не помнил, но смысл был всегда один — головой не понимаешь, задницей доберешь. Может, отец был прав. Головой-то добирать лучше. Прав-не прав, а отца Корней недолюбливал. Был благодарен за науку, за стержень, но не любил, в сердце не держал, только в памяти. Иногда мечтал отомстить за порку, но с годами признавал ее полезность, и к отцу в глу-

бине души испытывал благодарность, которую никогда вслух или действием не выражал. Мать — другое дело, с ней они и ссорились, и кричала она на него, и подзатыльники обидные он от нее получал, но по-настоящему ни он на мать, ни она на него никогда не злились. Обиды не накапливались, не склеивались в какой-то тяжелый угольный пласт, как с отцом или другими людьми. Прошла гроза, и снова свежий, ясный воздух. Может, грех в том, что он так отца при жизни... не жаловал, что ли, сторонился. Даже когда помогал — только деньгами, не лично. В город привезти, поселить, к врачам отправить — помощника с машиной выделял, все устраивал, хлопотал, платил — но все заочно. Конечно, заглядывал, виделись, выпивали, говорили, но когда встреча заканчивалась, уезжал с облегчением. Так чувствуют, когда закончена нежеланная или тяжелая работа. Но отец этого не замечал, любви и нежностей не требовал, та же порода. Так что вряд ли это какой-то тяжелый грех. Тогда что же?

Корней внезапно, без какой-либо видимой связи, вспомнил один неприятный эпизод. Он никогда не лез в драку с какого-то угара или ради веселья, но драться умел и противников не избегал, коли напрашивались на разговор. Не заступался ни за кого, но когда дело касалось его самого — сдачи давал не стесняясь. А тут ехал среди бела дня по проспекту Мира и вдруг увидел, как хозяина почти такого же джипа, как у него, мутузили три каких-то кавказца. Точнее сказать, мутузил один, двое других держали вылезших из своих машин водителей на мушке пистолетов. Водители были русские, угрожающе выкрикивали в сторону кавказцев, чтобы оставили парня в покое, но с места не двигались. «Бэха» кавказцев с тонированными стеклами и без номеров стояла поперек проспекта, в результате чего образовалась приличная пробка, а милиции или гаишников, как обычно, в нужный момент не наблюдалось. Русский парень под ударами худощавого и быстрого кавказца отступал и пропускал один удар за другим. Вдруг один из кавказцев начал стрелять из травматического пистолета в хозяина джипа. Корней хотел, было, выйти, но пока прикидывал, чернобровый залепил еще один удар, второй выстрелил для острастки, все трое быстро сели в машину и с торжествующими гудками растворились в потоке. Парень потер виски, тряхнул головой и, шатаясь, пошел к своему джипу. Возмущавшаяся публика, видя, что дело кончилось без крови, тоже вернулась к своим машинам, и пробка быстро рассосалась. К парню никто так и не подошел. Не помогли. Выходило, что и Корней не помог. Стволы, конечно, аргумент, но все-таки он ничего не сделал. Ну а после драки кулаками не машут... И хотя никто не мог бы его упрекнуть, сам Корней целый день корил себя и в тот же вечер влез в драку с каким-то случайным соседом по ресторану. Драка вышла тусклой, пьяной и некрасивой, но совесть притихла.

Нет, это совсем не то... Может покаяться в том, что обманул своего партнера по бизнесу? Ну как обманул? Тот стал думать о себе больше, чем о деле. Девочки, курорты, красивая жизнь. Конечно, за свои деньги, но дело было не в деньгах. Рантье Корнею были не нужны, нужны были соратники, люди, отдающие себя компании целиком. Не трудоголики даже, бездумно и механически выполняющие кучу работы, чтобы заполнить жизненную пустоту, а единомышленники, люди делового сотворчества. Корней говорил с партнером, предлагал купить его долю по честной цене, но тот бил себя в грудь, напоминал о прошлых заслугах и просил не мешать «почивать на лаврах». Корней не стал его переубеждать, но тихо и быстро сделал дополнительную эмиссию, провел все по протоколам, заверил подписи у купленного нотариуса, и партнер, вернувшийся с бразильского карнавала, оказался в положении известной бездомной стрекозы, которой муравей посоветовал идти поплясать. Он начал войну, в том числе и внесудебную, но дело кончилось не в его пользу. Корней, предвидя нарушения уголовного кодекса, заранее прозондировал милицейский генералитет на предмет будущего сотрудничества. Совладелец сел, правда, не надолго, за угрозы физической расправы, генеральская дочь возглавила филиал компании в Питере с очень дополнительной зарплатой, а Корней стал единоличным владельцем компании. Наверное, бывший партнер проклинает его до сих пор, и не без оснований. Но как расскажешь об этом вкратце? Как все объяснишь без описания тонких деловых обстоятельств, не понятных непрофессионалу? А как расскажешь о женщинах, которых он бросал сразу же, когда чувствовал «свист лассо» над головой? Или он заботу принимал за попытку влияния на его решения? Ведь он ни одну не сделал счастливой, он боялся завязнуть в любви, боялся, что опутают — детьми, обязательствами, поручениями. Ведь пятый десяток — семьи нет, детей тоже и, главное, ему и не хотелось этого. Жить для кого-то — это здорово, но если этот кто-то, точнее, эта, не оценит? Если предаст? Официальная статистика гласит, что каждый третий брак кончается разводом. А это всегда — ложь, слезы, нервы, а то и похуже. Уже без всякой статистики это произошло почти со всеми его друзьями-приятелями к сорока годам. И почти всегда с «гражданскими войнами», отсуживанием имущества и детей, глубокой враждой там, где была когда-то глубокая любовь. Каждая сторона жаловалась ему на другую, обвиняла всех, кроме себя, и Корней не понимал, куда делись те молодые и счастливые люди со свадебных фотографий. Значит, в самом начале уже было заложено разрушение — расчет, обман или что-то похожее на любовь вместо самой любви. Настоящая любовь никогда не проходит, а если проходит — это не любовь. Что-то другое, и уже не важно, что. Вот

почему Корней разумно считал брак лотереей, а полагаться на случай было не в его породе...

Кряжистый мужчина отошел от священника. Следующей была девушка в больших очках, стоявшая перед Корнеем. Она почему-то не обернулась с поклоном, сразу пошла вперед. Корней подумал, что он тоже может не кланяться народу — уж больно необычно поначалу. Но вот он стоит — первый в очереди на исповедь, а в чем исповедоваться — не знает. Или не знает, что выбрать? Или выбирать нужно из того, что он и искать в себе боится?

Корней всмотрелся в батюшку, вспомнил имя — отец Игорь. Теперь он мог ясно различить его глаза. Глаза были карие, умные, очень живые, скорее понимающие, чем порицающие. Такие глаза опасны — им сразу начинаешь доверять. Но почему не довериться — разве исповедь не есть акт высшего доверия? Беззащитность кающегося и есть его броня против будущих грехов. Корней подумал, что открывать душу — почти то же, что клапан. Мутная вода выходит под давлением, и душа может наполниться чем-то новым и прозрачным. Потом мутит ее сам человек, пускает туда грязь низких деяний, и, что хуже, низких желаний, обманывает душу ради чего-то телесного, ненужного, излишнего. Он думает: осядет этот ил, покроет только дно души, а на поверхности — чистое и приятное озеро. Нет, не выйдет так никогда, потому что каждый раз, когда взалкаешь неправедного, ил со дна поднимается и заполняет собой всего человека. Причем настолько заполняет, что убедить себя в этой мути легко в чем угодно, а, убедив, и пойти на все, что угодно жадности да гордыне человеческой.

Может быть, покаяться в несоблюдение поста? Но он уже объяснял себе и, при случае, другим, почему не строг в этом вопросе. Да и разве стоит ради этого стоять в очереди в Великую Субботу? Тут вместо покаяния просто нужно себя приучать к посту, волю применить, сие и без исповеди возможно.

Корней ощутил пустоту в себе. Не было того греха, в котором стоило бы каяться сейчас, все мелкота одна, не грехи, а клопы какие-то. Но в этом и был самый главный грех его жизни — он ничего не сделал достойного для другого, потому что, избегая плохого, избегал и хорошего. Получалось, что Корней, хотя и жил богато и скромно одновременно, не вмешивался в эту жизнь. Не любил, но и не ненавидел. Не предавал, не спасал. Не крал, но и не помог никому. Одно недеяние... Как наглухо закрытый в защите боксер на ринге портит поединок, так он портил свой «жизненный матч». И спроси его, что он сделал к последним раундам, сколько очков заработал, он бы не ответил. Какая-то вечная ничья — и ничья не в его пользу.

Корней вытащил из кармана купюру и зажал в потном кулаке. Какого достоинства, было уже не важно, не на рынке. Он взмок от напряжения — так выпускник ждет вызова на экзамен, бегун ждет старта, так чувствует себя начинающий парашютист, стоящий у рампы вертолета и глядящий вниз, на разлиненную квадратиками землю. Еще шаг — и падение на эти квадратики. «Ну, ну, — успокоил дыхание Корней, — что это ты? Не побьют же за исповедь-то. И не падать тебе никуда, скорее, наоборот, к Богу воспарять, душу облегчить, может, как раз для полета и нужно. Как избито сказано — облегчить душу. Это если камень на душе — скинул его, обошел, чтобы ногу не окровавить, да и дальше легкой походкой до поры до времени. А если нет такого камня? Если вместо камня какой-то песок? Везде, во всех порах, налившийся с каждым мелким поступком, с каждым невмешательством, с каждым малодушием и с каждым хвастовством. Мокрый песок, тяжелый, прилипчивый, так сразу не отсыпаться.

Наконец девушка отошла с благословением, и священник посмотрел уставшими, умными глазами на следующего. На него. Корней, забыв, что разрешил себе не кланяться народу, обернулся, сложил руки на груди и поклонился в пояс. «Бог простит», — услышал в ответ и сделал два шага сделавшимися ватными ногами вперед, к исповеди. Быстро положив бумажку в короб, он поцеловал Распятие и Евангелие — как делали исповедующиеся до него.

— Что у вас в пакете? — вдруг просто и как-то по-домашнему спросил отец Игорь. — Полный, погляжу.

— Да вот... принес яйца с куличами освящать, да время не рассчитал...

Батюшка взял у него пакет, отошел от анаоя и скрылся в дьяконских воротах. Корней выдохнул, как студент после зачета. И совсем не страшно, никто суровость не показывает, не осуждает. Он приосанился, слегка обернулся назад. Очередь стояла уже до выхода, может, и тянулась за двери, на улицу. Получается, на освящение опоздал, а на исповедь как раз вовремя. Вот уж точно сказано — пути Господни неисповедимы.

Отец Игорь вернулся с алтарником, который держал чашу со святой водой.

— Егдаснизшелеси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества: егда же и умершия от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя зываху: Жизнодавче, Христе Боже наш, слава Тебе.. — пропел отец Игорь и трижды окропил Корнеев пакет.

Получалось, что ему вышло освящение пасхальной еды в индивидуальном порядке. Корнею стало приятно и неловко одновременно. Ну что все-таки за олух, ведь мог прийти и раньше, как все. «Это, чтобы не исповедо-

ваться? — тут же спросила Корнеева совесть.— Уклониться хочешь, малодушие выказываешь?»

Батюшка отдал келарю кропило и внимательно посмотрел Корнею в глаза. Он был готов слушать. Корней, как говорится в старых романах, опустил очи долу.

— Я... я...меня зовут Корней Кондратьевич...

Батюшка спокойно ждал и смотрел тихими, внимающими глазами. Корней быстро взглянул в них и снова опустил взгляд, закусил губу. Он вдруг почувствовал, что открывается его «внутренний клапан», и испугался того, что сейчас из души выльется, но сдерживать это Корней уже не мог.

— Я... я никого не люблю! Никого не могу любить и не хочу! Нет, хочу, но я не встретил такую женщину, они все... они продажные или глупые. Мне душно с ними. Мне со всеми душно. Я устал от людей. От их глупости, даже идиотизма, вороватости какой-то мелкой. Все норовят обмануть или украсть, обвинить любого в своей нищете, кроме себя. Кажется иногда — не люди, муравьи, термиты с челюстями на всю морду. Нет, я не возношусь, я грешен, отец Игорь, я всю жизнь грешную провел, наверное. Понимаю, что то, что и сейчас говорю, грешно — людей нужно любить, и Бога нужно любить. А я — я Бога боюсь, а людей... презираю, почти всех. За то, что им всем что-то нужно. Вот мне нужно только, чтобы нашлась женщина, такая, чтобы все ей отдать, а она — только чтобы не обманула, не обвела, чтобы обратно со мной делила то, что от моей души получает. Я всюду искал, смотрел, вглядывался, пытался со многими — нет, ничего не цепляет сердце — ни красота, ни ум. Красивые свою красоту как инструмент используют для взлома мужского кармана, типа отмычки к сейфу. Умные даже корысть свою не скрывают, рассчитывают мужика без стеснения и притворства. Они это все любовью называют, а разве в любви пользу ищут? Я, батюшка, насмотрелся на друзей да знакомых — ни одного исключения! Ни одного! А кто еще не развелся с дележом имущества, так тот гуляет на сторону, похоть свою убажает. Вот я с женщиной не сплю принципиально, если знаком с ее мужем или просто парнем. Я честный по природе своей человек, воспитан так. Не хочу умножать ложь. Противно, будто воруешь. Я ведь сам хозяин и воровства не терплю. А ко мне в постель уже две такие женки просились. Но я помнил Соломоновы слова: «...мед источают уста чужой жены, и мягче елеть речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый». Так и вышло. Эти ... как бы помягче их в церкви назвать... не леди... в отместку за то, что отказал, своим мужьям нашептали, мол, я их домогался. Чуть с друзьями не развели. Не поругались, в итоге, но дружба все равно уже подмочена. А я-то думал — ложь не множу, в обмане не участвую. Как бы

я друзьям своим в глаза смотрел? Мне такая любовь противна, а другой я не встречал, вот в чем дело. Может, Господь не сподобил, может, еще сподобит, не знаю, мне знать не положено. А вот то, что в любовь уже совсем не верю, это я знаю. В Бога верю, а в любовь нет. И ведь молился Богу, в тишине, в одиночестве, не в церкви, не прилюдно, но молился — горячо и искренне. Но мои молитвы в спам, что ли, попадают, не знаю, или просто глух Всевышний, тоже не знаю. Но мне душно среди людей, отец Игорь, я их насквозь вижу. А почему? Не потому, что много знаю, а я немало про жизнь знаю, и не потому, что читал много и видел вокруг себя подтверждение книжной мудрости, а потому что пустота одна в людишках, воздух. Измельчали до крошек. Но ведь раньше были же другого сорта люди. Достоинство было, честь была, слову можно было верить, помогали друг другу. Женщинам за разврат хоть стыдно было. А теперь проводятся официальные курсы, причем дорогие, по женской теме — как на мужчине заработать... Вокруг, куда ни посмотри, такое. Я работаю всю жизнь, кое-чего достиг, от людей не завишу — вроде радость. А разделить эту радость не с кем. Не верю никому. Не люблю никого. Даже не ненавижу. Равнодушно мне, и на всех, по большому счету, наплевать. Матушка вот только, родная кровь. Я ей помогаю, как могу, люблю, берегу, вот пошел куличи освящать... Но это для нее, а для меня — никого. И чем больше людей вокруг, тем меньше любви, а больше подлости и... нелюбви. Как волки, ей-богу, спиной не повернешься. В глаза улыбается, а в спину нож уже заточен. Враги хоть честно ненавидят, я их вижу, они мне понятны. А остальные — мутные, скользкие, как рыбы хвосты. А женщины... Я почти женился на одной, любил ее, как мог, делал все для нее, а она, оказывается, со старым любовником — моим же бывшим приятелем — план составила: выйти замуж, пожить полгода-год, купить недвижимости подороже, потом обвинить в чем-нибудь и на разводе денег отжать или ту же недвижимость. И ведь как всплыло-то! Этот приятель спьяну похвастался кому-то, что скоро при деньгах будет. Его расспросили под скрытую запись на диктофоне, и мне же эту запись продали. Женщина эта, отец Игорь, даже не отпиралась. Разве она каялась? Или исповедовалась, как я сейчас? Она только была раздосадована, что ее любовничек болтливый оказался. Извини, говорит, только бизнес, ничего личного. Я спрашиваю — а любовь, а все признания и ласки — тоже бизнес? Знаешь, говорю, как такие су...существа в народе называются коротко, у которых любовь — бизнес? Так она мне пощечину закатила — оскорбилась, стало быть. Где же эта любовь, отец Игорь? Для кого жить, если никому верить нельзя? А по глупости притворяться, что все нормально, я не могу, я же не глупый

и не слепой. Даже удавиться хотел после того случая, но все же думаю, может, повезет еще? Да и врагам не хочется повод для радости давать. Но как быть-то? Как? Не люди кругом, стоя какая-то. Поможешь — сядут на шею. Доверишь — предадут. Отвернешься — украдут. Полюбишь ...

Корней вдруг почувствовал, что у него трясутся губы и плечи. Он плакал. С раннего детства не рыдал, а тут прорвало.

Священник спокойно ждал и в нужный момент тронул его за плечо.

— Правильно, что плачешь. Когда нет любви, жизни тоже нет. Но Бог милостив, раз грехи нам прощает. А это не грех, это беда, и Господь тут первый помощник. Знать, ждет Он, когда ты душу для любви откроешь, ты же, сын мой, ее захлопнутой держишь, засупонил совсем. Как же любовь туда попадет? Как свет через нераскрытые ставни в дом проникнет? Никак. Так и любовь. Открой свои ставни, не бойся обид, плевков, обмана. Господь худшее снес, на Кресте обидчиков простил и возлюбил мучителей своих. А ты боишься всего лишь обмана или насмешки.

Корней уже слушал спокойнее, потихоньку вытирал глаза рукавом.

— Вот свеча, она для чего горит? Для чего ее люди в храме Божьем ставят? Многие прихожане считают, что, мол, грехи в пламени сгорают. Нет, не сгорают. Грехи в истинном покаянии, в молитве и исповеди сгорают. В праведных делах тоже. И в любви, конечно.

А свеча для того горит, — продолжал отец Игорь, взяв со столика свечку, — чтобы ты, человек, видел, как воск в огонь превращается. Так и душа твоя мягкая, как пластилин, обжигание должно пройти, душу в вере закалить, и в любви закалить, внутренний свет зажечь. Вот если ты свой внутренний свет со светом свечи соединишь, Господь его тогда и увидит. А увидит, то и услышит молитву твою, от сердца растопленного идущую. А от каменного сердца какой свет? Никакого. А какой звук? Глухой и тихий. А далеко слышен только звонкий. Вот тебе, сын мой, нужно это понять и принять.

Долго еще говорил с ним отец Игорь, терпеливо ждала очередь — и каждый в ней понимал, что много накопилось в человеке лишнего, что времени расчищать такие заносы тоже много требуется. Но все время мира у Господа на ладони, и каждому в утешение свой час найдется.

— Ходи на воскресную службу, сын мой. И не забывай мои слова, исповедуйся чаще. И с каждым разом короче будет твоя исповедь и больше благодать.

Корней ничего не стал говорить, склонил голову под епитрахиль и закрыл глаза под разрешительной молитвой. Так было тепло и спокойно, словно не голову, а душу накрыли детским ватным одеялом. Поцеловал

руку священнику, как видел, делали другие до него. В первый раз в жизни поцеловал не женщину — и сам себе удивился. Удивился и обрадовался благодарной легкости этого лобзания. Батюшка поцеловал его в темя и перекрестил, отпуская...

Корней возвращался домой не спеша, заново осматриваясь, словно попал в эту местность впервые. Только теперь, когда вышло из него что-то ненужное, липкое, он физически ощутил, как выросла его деревенька. И не деревенька уже, а целая слобода. С собственным музеем. Да, наличествовал музей местных ремесел. Мать говорит, туристов прямо автобусами привозят. А ведь в детстве оврагом деревня и заканчивалась, а теперь там вокзал — с рестораном и почтой. Да, выжила деревенька, расцвела, крепкий корень у нее оказался. И он, Корней, — не фрукт без корней, как шутил отец, а ветвь своей малой родины. От того же корня дерево. И думалось ему, что — не кривое.

Вернулся Корней уже затемно. Мать, конечно, не спала, ждала, испуганно спросила, куда сыночек запропастился? Корней не стал объяснять, сказал, что гулял, но гулял с чистой совестью. Куличи освящены, можно разговляться завтра, да что завтра — почти сегодня. Часы показывали без четверти двенадцать. Месяц свесился с неба и щупал белыми руками занавески. Стояла завораживающая тишина. Колыбель мироздания перестала качаться и остановилась в божественном равновесии. Наступала благодать. Наступала Светлая Пасха. Корней смотрел из окна на щербатую луну, долго смотрел, вдумчиво, и вдруг широко улыбнулся. Открылись, стало быть, ставни, и осветилась душа серебристым светом до самого дна. И со светом вошло какое-то новое чувство — спокойная надежда, что все будет хорошо. Будет то, что для него главное. Что для всякого главное, да не всякому дается. А ему дастся — вот что понял Корней, вот почему так улыбался. Месяц боднул белесым рогом случайную тучку, завяз в ней, но скоро высвободился. Корней постоял еще, перекрестился и пошел христосоваться с матушкой... □

НЕДОСТОИН

В этом мире жестокость соседствует с добродетелью, да только первая стремится занять главенствующее место. В этом мире, когда новости о плохом занимают самое большое время, а новости о хорошем становится не просто даже уже просто прочесть в Интернете. Именно в это время, когда слово «война», к величайшему сожалению, стало привычным настолько, что обсуждается ежечасно. Именно в это самое время, в это необычное и непонятное время, начинаешь обращать внимание на людей и на их поступки еще больше, чем было до этого...

8 ноября 2023 года. Для меня этот день особенный, ибо это День рождения моей мамы, которая покинула этот бренный мир, оставив о себе самые добрые и светлые воспоминания. По Божией милости, я имела возможность посетить храм, поставить свечи и помолиться, как должно делать христианину в такие даты.

Но все прихожане знают: прежде чем поставить свечу — ее надо приобрести в иконной лавке, которая часто расположена не в самом храме, а представляет собой отдельный домик, близко к храму.

Вхожу в иконную лавку. Пишу записки, потом двигаюсь к кассе, чтобы внести оплату (как принято говорить, пожертвование) да свечи взять. Я была следующей за крепким мужчиной. Он привлек мое внимание не столько тем, что был довольно пьян, а необычным диалогом.

— Вы не могли бы мне помочь? — обратился он к матушке на кассе.

— Да, конечно, — приветливо ответила она.

— Не могли бы вы мне помочь написать записки?

Матушка немного удивленно посмотрела на него и, видимо, почувствовав запах алкоголя, нахмурила брови:

— Хм...а почему вы сами не можете? — спросила она.

— Понимаете...я недостоин сегодня писать записки. Не в том состоянии, — пояснил мужчина.

— Хорошо, помогу вам! За здоровье, за упокой писать будем?

— И то, и другое. Всех помянуть надо, — с виноватым видом ответил мужчина.

— Хорошо, тогда начнем за упокой, — согласилась женщина. — Называйте имена.

— За Тому... За Томочку мою. За мою милую жену Томочку... Тамара...

— Записала. Дальше?

— За Валюшу, за Валеньку. Это мама моя, — с какой-то детской непосредственностью перечислял мужчина.

— Дальше.

— За Дмитрия. Дмитрий Иванович был. Папка мой.

— Написала.

— Нет. Хватит. Давайте за здоровье, — слегка качнувшись, попросил мужчина.

— О здравии за кого помолимся? — терпеливо поинтересовалась матушка.

— За Александра, сына моего.

— Все?

— Нет! За Свету, жену сына.

— Дальше.

— За Егорку — моего хорошего Егорку!

— А Егорка — это кто? — вдруг спросила матушка, как будто это было важно для записки.

— Внук мой! Восемь годков ему.

— Отрок, значит. Еще кого-нибудь напишем?

— Достаточно, — ответил мужчина и попросил посчитать, сколько он должен за записки и одну свечу.

Матушка назвала сумму. Мужчина приложил карту к терминалу, тот пискнул, оплата прошла. Собрался уже уйти, но, вдруг, остановился.

— В записочке за упокой еще остались строчки?

Матушка взяла записку о упокоении.

— Есть еще, — ответила она немного удивленно.

— Допишите тогда, пожалуйста... — Мужчина замолчал, будто споткнулся.

— Кого добавим? — поторопила его матушка, очередь ведь ждет.

— Так и напишите: за всех погибших за Россию!

Очередь молчала.

— Кого-нибудь еще?

— Нет, теперь достаточно. Бывай, мать! — громко сказал мужчина, будто очнулся ото сна. Хлопнула дверь, обдав людей холодным дыханием дня.

— Вроде не алкаш, — глядя ему вслед, задумчиво произнесла матушка...

Наблюдая за этой короткой сценкой, я погрузилась в свои раздумья и даже не заметила, что подошла моя очередь.

— Давайте ваши записки, сколько имен — посчитали? — голос матушки вернул меня с небес на землю.

Я быстро расплатилась и отправилась в храм, начиная забывать увиденную сцену. Вошла. Перекрестилась. И вдруг взгляд мой непроизвольно упал на человека, стоявшего на коленях посреди храма. Раскинув руки в разные стороны, с ладонями, обращенными к белому своду с изображением Спасителя, мужчина громко проговорил:

— Прости меня, Господи! Прости и помилуй! Я сделал все, что смог...

Он поднялся, перекрестился трижды и, чуть пошатываясь, направился к выходу. С гулким эхом хлопнула толстая дверь, за которой проблемы плещутся волнами, и человеческая боль не знает границ. Очевидно, что слово «счастье» для этого мужчины стало всего лишь светлым воспоминанием, ведь душа его уже никогда не узнает покоя.

Все не просто так в этом странном мире. И для чего нам даются такие встречи — одному лишь Богу ведомо... □

Артем Борисенко

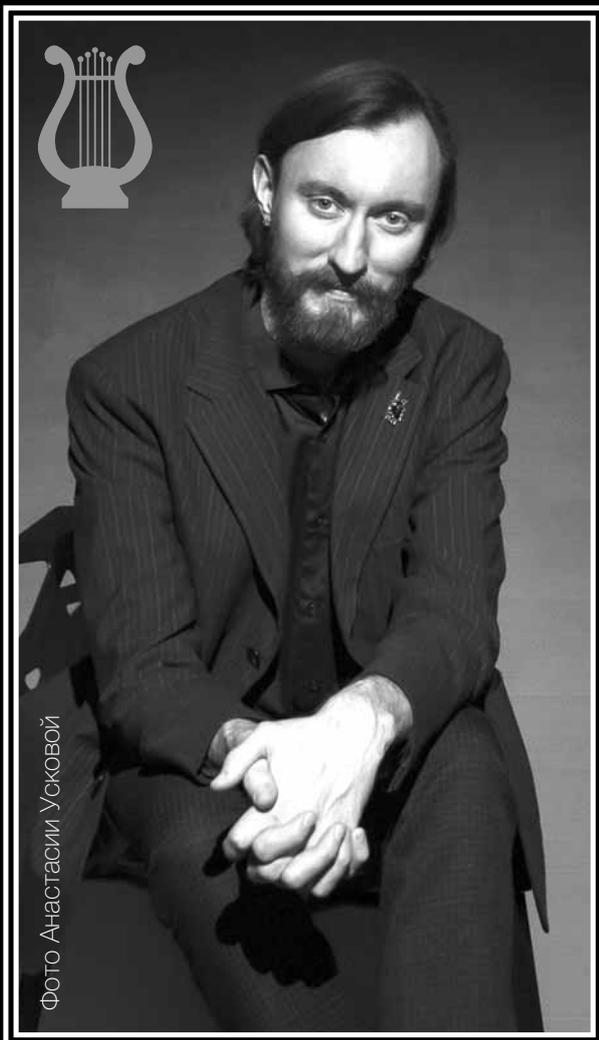

ФОТО Анастасии Усковой

Наш сегодняшний герой Артем Борисенко родился в творческой интеллигентной московской семье, и кажется, сама судьба благоволила ему с самых юных лет. Его бабушка, солистка Большого театра, народная артистка РСФСР, меццо-сопрано Вероника Борисенко, сейчас могла бы по праву гордиться успехами внука. Он с отличием окончил ГМК им. Гнесиных, а затем и факультет музыкального театра ГИТИСа. Участник проекта «Большая опера», лауреат международных конкурсов, сейчас артист и певец осваивает для себя новую роль — работает в Воронежском государственном театре оперы и балета в качестве заведующего труппой. В нашем интервью он рассказывает о сложностях мира искусства, своем театральном и киноопыте, профессиональной реальности и мечтах, и о многом другом...

«Низкий поклон "Большой опере" за популяризацию классического искусства»

— Артем, ты родился в музыкальной семье — твоя бабушка, меццо-сопрано Вероника Борисенко, блистала на сцене Большого театра. Можно ли сказать, что твое артистическое буду-

щее было predeterminedo если не до рождения, то с детства — точно?

— У меня было счастливое детство, начисто лишенное музыки. Бабушка много лет преподавала

в ГИТИСе, в последние годы занималась с учениками дома. Не удивительно, что у родителей в определенный момент выработалась стойкая аллергия на любые звуки музыки, хотя мама играла на фортепиано, а папа на виолончели. Я же в детстве не мог попасть ни в одну ноту — не было координации слуха с голосом, так что в музыкальную школу меня

— Семья сильно повлияла на формирование тебя как личности?

— Все мы родом из детства. Мама и папа по образованию режиссеры, познакомились во время учебы в Институте культуры. Помню, когда мама первый раз повела меня в кино, я спросил, будет ли антракт. Короче говоря, тяже-

фото Андрея Парфёнова

*Спектакль «Тоска» по песням Франца Шуберта. Человек.
Воронежский театр оперы и балета*

единогласно решили не отдавать. Генетика, конечно, взяла свое, когда во время мутации начал ломаться голос. Пришлось очень быстро наверстывать упущенное...

лая профдеформация с ранних лет (смеется).

— Какой тебе запечатлелась в памяти бабушка? Понимаю,

что ты был совсем маленький, когда она ушла из жизни, но все же...

— Голос! Увы, в детстве я не слышал, как бабушка пела, но этот разговорный голос, одновременно удивительно звучный и удивительно мягкий и теплый, заполнял собой все пространство. Я невероятно рад, что в последние годы творческое наследие Вероники Борисенко открывает-

— Артем, у тебя фундаментальное классическое музыкальное и театральное образование — Гнесинка и ГИТИС...

— Вообще сочетание музыкального училища и театрального института мне кажется оптимальным для подготовки оперного артиста. Учебные программы консерваторий, к сожалению, не вполне учитывают требования современного оперного

ФОТО Анастасии Усковой

***Опера «Тоска» Джакомо Пуччини. Барон Скарпия.
Воронежский театр оперы и балета***

ся заново — переиздаются старые записи, а некоторые архивные материалы публикуются впервые. Отрадно, что сегодня ценители оперного искусства понимают истинное значение этой выдающейся певицы, которую при жизни не интересовали ни чины, ни регалии.

театра к сценической подготовке певца — оперные режиссеры сегодня могут ставить перед нами самые разнообразные и труднейшие актерские, пластические, танцевальные задачи, для их выполнения нужно иметь открытое сознание и отлично подготовленное тело.

В ГИТИСе нам повезло — наши дипломные спектакли (иммерсивные постановки «Волшебной флейты» и «Дон Жуана», где музыка Моцарта сочеталась с музыкой композиторов-минималистов) стали столь яркими экспериментами, что в Москве их вспоминают до сих пор.

— Опыт в каких вокальных конкурсах для тебя был особен-

визионный конкурс «Большая опера». Я попал туда совсем молодым и неопытным, мало что тогда умел. Зато полученная в процессе закалка мало с чем может сравниться. Ну и, конечно же, низкий поклон «Большой опере» за популяризацию классического искусства. Такие проекты доказывают, что опера вовсе не так элитарна и непонятна, как многим кажется на первый взгляд.

Балет «Дон Кихот» Людвиг Минкуса. Дон Кихот. Повелительница дриад — Диана Кустурова. Воронежский театр оперы и балета.

но интересным и запоминающимся?

— На самом деле, я совершенно не конкурсный боец. В последнее время, правда, стал с удовольствием в них участвовать в качестве члена жюри. А самым запоминающимся опытом был, конечно, теле-

— Расскажи, пожалуйста, как ты, коренной москвич, принял для себя такое непростое решение — переехать в Воронеж? Как проходила «адаптация» к новому месту, театру, людям?

— На четвертый год работы в Воронежском театре оперы и бале-

та могу смело сказать, что совершенно не жалею о переезде из Москвы, хотя и не теряю связи со столицей. Воронеж — красивый, динамично развивающийся город, кстати, очень театральный. Про наш театр я тоже смело могу сказать, что он развивается и идет вперед. Благодаря нашему художественному руководителю Александру Литягину в Воронеже вслед за стремительным подъемом балета оживает и опера. Доказательство тому — масштабные премьеры последних сезонов, фестивальные проекты, гастролы, многочисленные концертные программы. Рад, что имею возможность принимать в этом непосредственное участие. Разумеется, оперная труппа не сразу приняла тридцатилетнего начальника, да еще и чужака, но сейчас горящие глаза абсолютного большинства наших солистов — от 26 до 82 лет — говорят о том, что труппа включена в работу и готова к любым свершениям.

— Что входит в твои функции заведующего труппой?

— Очень большой спектр задач — от бесконечной бумажной работы (куда же без нее!) до психотерапии. Я убежден в том, что артиста нужно любить, только вот выражаться эта любовь может очень по-разному. К каждому нужно найти свой ключ, хотя порой это бывает непросто. Мы стараемся создать в оперной труппе условия для профессионального роста, приглашаем педагогов, коучей, но и про здоровую атмосферу в кол-

лективе забывать нельзя. Конечно, занимаюсь поиском новых певцов, которые могут украсить труппу нашего театра. Главная задача — беспрепятственное повышение качества текущего репертуара и поддержание творческого пламени.

— Расскажи, пожалуйста, о своем необычном театральном опыте-эксперименте — участии в роли Дон Кихота в одноименном балете. По-моему, фактура идеально подходит под роль!

— Да, именно из-за фактуры наш художественный руководитель, в прошлом выдающийся балетный танцовщик, и предложил мне принять участие в постановке «Дон Кихота». У нас идет расширенная редакция, где заглавный герой буквально не уходит со сцены и кое-что даже немножко танцует, хотя обычно это небольшая мимическая роль. Перед первым спектаклем я трясся как осиновый лист — впервые в своей актерской практике я оказался в ситуации, где голос не используется вовсе, а петь нужно одним только телом. Постепенно страх прошел (надеюсь, у балерин, которым приходится со мной работать, тоже), и сейчас участие в этом необыкновенно ярком и красочном спектакле превратилось в настоящий праздник.

— А как проходили съемки сериала «Шалапин», в котором ты сыграл роль Мефистофеля?

— Съемки эпизодов, в которых появляется Мефистофель, проходили в

Московском театре оперетты и в Костромском драматическом театре. Очень люблю эту партию, в свое время выучил ее буквально за несколько дней, хотя это одна из самых объемных партий в классическом оперном репертуаре. Пока что довелось спеть ее лишь дважды в спектакле Центра оперного пения Галины Вишневской, но получилось вновь прикоснуться к этому персонажу на съемках. Кажется, экранный образ получился запоминающимся. И еще до сих пор кажется несколько странным, что создатели сериала нигде не упомянули имя исполнителя этой роли, который еще и сам поет знаменитые куплеты...

— За последнее время что больше всего произвело на тебя впечатление?

— Недавно попался в руки сборник стихов Дзиги Вертова — знаменитого советского кинорежиссера, превратившего документальное кино в отдельный вид искусства. В свое время меня просто потряс его «Человек с киноаппаратом», которого часто называют лучшим документальным фильмом всех времен и народов. Любопытно проследить, как Вертов, снявший свои знаковые работы в дозвучившую эпоху (я вообще очень люблю немое кино — надо же отдыхать от звуков человеческого голоса!), обретает свой голос в стихах, и как этот голос меняется с годами. Безусловно, это не самые изощренные и стройные стихи на свете, однако это один из тех удивительных документов эпохи, которые только

Фото Дамира Юсупова

Опера «Борис Годунов» Модеста Мусоргского. Пимен. Краснодарский музыкальный театр на сцене Большого театра России.

начинают становиться доступными широкой публике и внезапно проливают новый свет на историю нашей страны и нашей культуры.

Фото Анастасии Усковой

Концерт на малой сцене Воронежского театра оперы и балета.

— Твои любимые писатели и поэты?

— Владимир Набоков, Михаил Булгаков, Николай Гоголь, Марина Цветаева, Франц Кафка, Оскар Уайльд, Теннесси Уильямс. И регулярно, хоть и понемногу, читаю и перечитываю Пушкина, Гете, Шекспира.

— «Не сотвори себе кумира», и все-таки... Существует ли для тебя эталон в мире театра и музыки?

— Думаю, эталон у каждого артиста в голове, это некий собирательный образ, особенно если мы говорим об эталонном певческом звуке — мы все-таки не в палате мер и весов... С удовольствием открываю для себя незнакомых и новых певцов, идет ли речь об архивных записях или

о выступлениях наших современников. Кстати, это необязательно оперные артисты разных поколений — очень многому я научился, например, у Клауса Номми, Бьорк и Ивана Риброва, в первую очередь тому, что возможности человеческого голоса поистине безграничны.

— Твоя эрудированность и начитанность поражает. Таких интеллектуальных артистов, честно говоря, встречаешь нечасто! И то, что является большим подспорьем в работе, не мешает ли в обычной, бытовой жизни?

— Очень признателен за столь лестную оценку, но с каждой новой прочитанной книгой понимаешь, что непрочитанных становится только больше. Мне повезло вырасти и по сей день находиться в окружении людей с совершенно энциклопедическими знаниями в самых разных областях искусства и науки. Конечно, такое общение не может не вдохновлять. Надеюсь, со временем смогу хоть

Опера «Иоланта» Петра Чайковского. Король Рене. Иоланта — Александра Добролюбова. Воронежский театр оперы и балета.

немного приблизиться к их кругозору. Ну а что касается быта — утренний кофе становится только вкуснее, если читаешь томик поэзии, пока его пьешь.

— С удивлением обнаружила, что ты, оказываясь, тоже вегетарианец! Сколько лет ты придерживаешься этого течения? И развенчай, пожалуйста, миф о том, что это вредно для здоровья человека и, в частности, для голоса певца...

— От мяса я отказался около десяти лет назад, три года не ем рыбу. Не

возьму на себя смелость рекомендовать такой образ жизни всем — строгая веганская диета в нашем климате может быть сложновата, да и производство веганских продуктов только набирает обороты. Однако сбалансированное питание с преобладанием растительной пищи вреда нанести не может решительно никому. Внимательно слушайте свой организм, он всегда подскажет, что ему на самом деле необходимо, а от чего лучше отказаться. Среди оперных певцов немало вегетарианцев (только на нашем курсе в ГИТИСе нас было аж трое), есть и веганы.

Фото Анастасии Усковой

И всех из них, кого я знаю, отличает удивительная стабильность и работоспособность. Да, оперное пение — серьезная нагрузка. Тем более отрадно, что формируется поколение оперных певцов, которое понимает, что энергетический баланс лучше всего восполняют здоровое питание, приятные эмоции и постоянная работа над собой. Тогда и голос, и тело, и разум всегда в тонусе.

— Тебе ближе эстетика пост-модерна или же классики?

— Едва ли моя мысль покажется новой и свежей, но любая эстетика, подсказанная здравым смыслом, имеет право на жизнь. Можно гениально умирать в джинсах и бездарно умирать в кринолине. Во главе угла остаются логика и точность — нет мелочей, нет незначительных деталей, все должно быть продумано, оправдано и подчинено единому выверенному замыслу.

— Чего ты больше всего не терпишь в работе?

— Не понимаю и не принимаю серость, наглость, безалаберность и равнодушие. Все это грани непрофессионализма, который, впрочем, никак не связан с мерой таланта.

— Твоя музыкальная или, может быть, шире, — профессиональная мечта?

— Есть две знаковые оперные роли, которые пока остаются для меня как будто заколдованными — Борис

Кадр из т/ф «Шаляпин». Мефистофель

Годунов в одноименной опере Мусоргского и Летучий голландец в одноименной опере Вагнера. Дважды получал приглашения спеть каждую из этих ролей, даже начинал репетировать — и по самым разным обстоятельствам не складывалось. Значит, еще надо дорасти. А еще есть редко исполняемые оперы, которые хочется, так или иначе, вернуть широкой публике — от жемчужин итальянского бельканто до суперхитов советской эпохи — «Трильби» Александра Юрасовского, «Три толстяка» Владимира Рубина...

— Если, рано или поздно, ты сядешь за мемуары, главу «Моя жизнь в искусстве» посвятишь каким людям?

— Жизнь дарит удивительные встречи с удивительными людьми. Кажется, уже пора начинать записывать, пока подробности еще свежи в памяти. Иных уж нет, а те далече...

Да, есть о чем рассказать, но надеюсь, что впереди ждут не менее интересные страницы...

— Какое, на твой взгляд, будущее у русского театра, как музыкального, так и драматического?

— Русский театр сейчас развивается в самых разных направлениях, подчас диаметрально противоположных. Удивительно, как на одной сцене зачастую гармонично уживаются традиционные спектакли, вдохновленные достижениями мастеров прошлых лет, и новые, нет, новейшие формы, бесстрашные, бескомпромиссные, поиск которых не прекращается ни на минуту — ведь без них театр стал бы музеем. Думаю, именно в этой многообразии и постоянном движении вперед кроется сила отечественного театра и отечественной культуры. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

ОРЕЛ или РЕШКА

В самый канун Нового года, когда до боя курантов оставалось чуть меньше часа, когда в домах-муравейниках почти не осталось темных окон, а дороги совсем опустели, по Минскому шоссе на запад мчался с предельно разрешенной скоростью одинокий «Порше». За рулем люксового автомобиля с московскими номерами находился Денис Надеждин — неприметный федеральный чиновник по спортивной работе. Вид его был, как у всякого спешащего по делам чиновника (а спешить по-другому они не умеют): сухой, казенный, невыразительный. Птицей он был не шибко высокого полета, зато имел трехкомнатную квартиру на Таганке, солидный коттедж под Звенигородом. И самая главная его гордость — живописное шале с виноградником, укрытое от глаз российской налоговой службы вершинами французских Альп, так что «полет» у чиновника проходил вполне нормально.

Денис Надеждин спешил в братскую республику не на встречу Нового года вместе с белорусскими родственниками и даже не в командировку — хотя какая командировка может быть в Новый год! Он убегал, сваливал, драпал из страны, смазав пятки. Отчего должностное лицо убегало от «хлебной» работы, элитной недвижимости и прочих жизненных прелестей, которыми его щедро одаривала до последнего времени фортуна? Ларчик открывался незамысловато, а точнее, до оскомины банально.

Пять часов назад чиновнику позвонил его бывший однокашник, служивший в городской прокуратуре. Денис в это время, выйдя из торгового центра, загружал коробку с бутылками Hennessy в багажник своего «Порше», забитый востребованным новогодним ассортиментом: искусственная елка, норковое манто, домашние детские качели, островерхий колпак Санта-Клауса и копченая севрюжина в метр длиной. Он спешил доставить все это хозяйство домой на Таганку, где его уже заждались ломящаяся от закусок «поляна», красивая жена в новом платье и «Ирония судьбы» по третьему каналу. Для него это был уже пятнадцатый по счету Новый год, встречаемый исключительно в тесном семейном кругу. Сначала в этот избранный круг входили только Денис и Маха, потом Денис, Маха и Ксюха, а с недавнего

времени Денис, Маха, Ксюха и Антон. Кроме встречи Нового года жесткое правило домашнего торжества касалось всех семейных юбилеев, гражданских, а также церковных праздников. Сам Денис относился к обременительному регламенту с христианским смирением, потому что в остальное время ему позволялось пропадать «по делам» ровно столько, сколько заблагорассудится. Но праздники на алтарь семьи вынь да положь. Это святое.

— Как они уже запарили со своими поздравлениями, — шмыгнув носом Денис, посмотрев на бутылки. — До стакана, до дома, то есть, добраться не дадут.

Поборов искушение отложить предпраздничные расшаркивания до боя курантов, он все-таки принял вызов. И, как оказалось, не зря.

— Привет, Валь! Как твое ничего?

Однокашник вместо ответа долго сопел в трубку, затем, откашлявшись, сухо сказал, что на стол к его шефу только что легло постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Дениса Васильевича Надеждина, сорока лет от роду, проживающего... впрочем, это неважно. А важно то, что маховик административно-репрессивной машины неумолимо завертелся перед самой родинкой под носом Дениса Васильевича, угрожая перемолоть его жизнь в порошок, или, как выражались еще полвека назад, в лагерную пыль. Казалось бы, сам Денис уже давно ждал от судьбы чего-то подобного и даже порой, просматривая сводку криминальных новостей, представлял себе момент собственного ареста, но, тем не менее, звонок прокурорского работника прогремел на телефоне чиновника, точно гром среди ясного неба. Еще минуту назад у Дениса Надеждина были известные планы на вечер, кроме того, он имел виды на текущую неделю, а если смотреть шире, то и на ближайшие десять лет. И вот в одночасье привычная безмятежная его жизнь стала прямо на глазах рассыпаться в прах. Внезапно, неумолимо, жестоко.

— У тебя где-то часа четыре или пять, — подытожил приятель зловещим шепотом, чтобы найти нормального адвоката.

— А как бы придержать лошадей, старик? — спросил Денис, не слыша своего голоса за бешеным стуком сердца. — Хотя бы на неделю.

От немыслимого напряжения на лбу и спине у него мгновенно выступила холодная испарина, а по щеке поползла нечаянная слеза.

— Ты это о чем сейчас? Дело на контроле у самого. Даже не думай!

— Но на пару-то дней тормознуть можно, Валь? Я пока с делами улажу. Подотру за собой кое-где. А? Два дня. Буду должен.

— Извини, но я, набрав тебе, и так уже всем рискую, — холодно ответил приятель. — С Новым годом.

Связь оборвалась, похоже, Валентин положил трубку.

— ... С новым, на хрен, счастьем... Ну что ж, пять, так пять, — жалко улыбнулся Денис своему непохожему на себя отражению в зеркале заднего обзора. — Должно хватить на прощальную гастроль в «Красной Шапочке».

Тем более, где пять, там, с учетом всяких бюрократических накладок (ему ли не знать!), и все шесть. Проводить старый год точно успеет. А вот новый придется встречать уже в СИЗО. Ему вдруг вспомнилась народная примета: где встретишь Новый год, там его и проведешь.

Нашарив непослушными пальцами в бардачке забытую когда-то пачку «Кэмела», Денис щелкнул зажигалкой. Прошло уже больше месяца, как он бросил курить. Забился с Махой об заклад. В случае проигрыша дал слово взять отпуск и скатать жену, наконец, во Флоренцию. Маха всегда была отчаянной поклонницей эпохи Возрождения: Галерея Уффици, музей Барджелло, Опера дель Дуомо.

Впрочем, теперь это уже не важно.

Сигаретный дым проник в каждую клеточку тела чиновника, в каждую спираль ДНК, щедро насытив их дофамином. С непривычки у Дениса закружилась голова и немного свело живот, зато мысли стали более четкими, а дыхание ровным.

Ему вдруг открылось, что предупреждающий звонок приятеля — по сути, новогодний подарок небес. Реальный его шанс сохранить на ближайшие десять лет традицию встречать Новый год в привычном кругу. Только действовать надо быстро, решительно и безоглядно, как когда-то действовал библейский Лот с семьей. Уже через шесть часов физиономия Дениса окажется на планшетах у всех сотрудников патрульно-постовой службы. А его «Порше» с боем курантов, точно Золушкина карета, превратится в тыкву, которую с радостью остановят на ближайшем посту ДПСники. До кучи, Денис Васильевич Надеждин наверняка поселится в базе ФСБ, и тогда на границе его тоже встретят как родного.

Денис поспешно включил зажигание.

— Так, что же я соплю-то жую? Бегом домой. Шенген в зубы, валюту, карточки Сосьете Женераль — и в Шереметьево.

«Порше» чиновника выехал на перекресток. Там творился апофеоз танковой битвы под Прохоровкой. Между намертво вставшими машинами метался несчастный гаишник, задавшийся утопической целью освободить проезд для спецтранспорта.

— Похоже, с Европами сегодня не судьба, — подвел резюме Денис, запертый в гуще сигналящих авто. — С таким движением до Таганки три часа ползти. Приедешь, а там уже Санта-Клаусы дожидаются с ордером. Так что остается только ближнее зарубежье: Минск, Ереван, Бишкек какой-нибудь. Когда у них там первый рейс до Минска?

Денис достал из кармана телефон, но тут же нерешительно положил аппарат на пассажирское кресло. Чиновника осенило, что любой аэропорт, будь то Шереметьево или Внуково, — сейчас для него ловушка, которая захлопнется, стоит только забронировать билет до Минска на имя опального Дениса Васи-

льевича Надеждина. К тому же, кто поручится, что рейс не отменят или не перенесут? Вон как замечает. Когда на все про все у тебя лишь шесть часов, глупо так рисковать. До белорусской границы своим ходом — вот единственно верное решение в его ситуации. Кстати, и от симки надо бы избавиться.

Денис нажал кнопку на дверной панели. Через открытое боковое стекло в салон ворвался поток холодного воздуха вперемешку со снежными хлопьями и выхватил из рук водителя маленькую сломанную пополам пластинку...

В 18.47 Денис вырулил на Минское шоссе, где, остановившись на заправке, залил бак до полного, а заодно купил в дорогу пару стаканов кофе и пачку сигарет. По мере удаления от Москвы и приближения к Новому году машин на трассе становилось все меньше, и это вселило осторожный оптимизм: есть шанс своевременно прибыть на границу. Когда в зеркале заднего обзора растворились в снежной пелене городские огни Вязьмы, уровень адреналина в крови беглеца начал потихоньку приходить в норму. Напряжение совсем, конечно, не спало, скорее, трансформировалось в некое подобие азарта. К языку Дениса даже прилипла популярная песенка группы «Тату» из начала нулевых «Нас не догонят». Теперь, когда управление судьбой взято им в собственные руки, происходящее стало казаться Надеждину ничтожным, эфемерным, где-то даже забавным, будто он не спасал свою шкуру, а играл с пацанами в казаков-разбойников или шпионов во дворе.

В 23.14 машина Дениса высветила фарами дорожный знак «Белеи».

«Уже почти, — с удовлетворением отметил он. — Родины-мачехи осталось на пару сигарет. А там... Прывітанне, сябры. Ай, да Дениска, ай, да сукин сын...» Настроение его окончательно выправилось. Через пятнадцать-двадцать минут он будет на Красной Горке проходить контроль, причем, даже с опережением графика — машин вокруг не видно, значит, на границе очереди тоже не будет. Да и откуда им взяться, машинам-то, в канун Нового года?.. Все уже по своим домам сидят, телевизор смотрят. В общем, можно уже, не загадывая, сказать (тьфу-тьфу), что делюга у него срослась. Доберется до Минска — попросит Машку подвезти загранпаспорт, деньги и пару костюмов. И завтра-послезавтра — Vive la France. Станет месье Дени Надеждин у себя в горном шале вести жизнь порядочного европейского буржуа, пить коньяк, любуясь заснеженными вершинами Монблана в ожидании, когда мадам Мари Надеждина с чадами присоединятся. Ну а дальше посмотрит, что, где и как. Эх, ему ли быть в печали? С его-то накоплениями. Надо бы не забыть Вальке немного отсыпать.

«А вот и машина, — вздрогнул Надеждин, увидев в зеркале заднего обзора огоньки далеких фар, показавшиеся ему на фоне окружающей пустоты зловещими. — Первая километров за тридцать, пожалуй. Будем надеяться, что не за мной».

Через десяток секунд Дениса обогнала, ослепив его дальним светом, роскошная спортивная «Ауди». За рулем, насколько он успел заметить, сидела юная девушка, почти пигалица. Нахалка, быстро обошла его болид, хотя Денис и так выжимал все триста лошадей из своего неутомимого «Порше».

— Боже, куда они так несутся, эти мажоры? По ледяной дороге. У них тут Гран-при «Формулы», что ли? — буркнул немного задетый за живое Надеждин. — Доездится когда-нибудь. Впрочем, это ее личное дело. А мое... Через пятнадцать минут Красная Горка и — ха! — прощай, немытая Россия! Вот о чем думать надо.

Он как в воду глядел. Не успела гонщица оторваться от него метров на двести, как вдруг раздался громкий хлопок лопнувшего колеса. Машина девицы на огромной скорости начала, как слепая, рыскать по сторонам, потом ее понесло юзом на встречную полосу. «Ауди», лишённая руля и ветрил, несколько раз отлетела от отбойника, немного погасив таким образом скорость. В конце концов сильно помятая иномарка выпрыгнула на обочину и, уткнувшись носом в гранитный памятник Воинам-освободителям, встала, как вкопанная.

Денис машинально затормозил недалеко от «Ауди», из распахнувшегося капота которой шел легкий дымок. Многочисленные фрагменты роскошной машины разметались в радиусе метров двадцати вокруг нее.

— Твою ж мать! Этого нам еще не хватало!

Неожиданно для себя он заглушил мотор и, старясь не ступить на битое стекло, пошел к месту аварии.

— Эй... — робко постучал Денис по крыше автомобиля. — Эй! Есть кто живой?

Ответа не последовало.

Он нехотя взялся за ручку исковерканной водительской двери, но она не поддавалась. Тогда Денис дернул сильнее и, на удивление легко сорвал дверцу с петель.

— Жива, что ли?

Девушка была еще жива. И более того, находилась в относительном сознании. Впрочем, даже неискушенного взгляда Дениса хватило понять, что у безбашенной автоamazonки жизненная ситуация сейчас крайне тяжелая, во всяком случае, гораздо более критическая, чем у него самого. Пострадавшая лежала животом на рулевом колесе, неестественно подогнув левую ногу под водительское кресло. В верхней части ее бедра зияла глубокая рваная рана, откуда сквозь разодранные джинсы, почерневшие от крови, на пол машины медленно капало, точно из неисправного водопроводного крана: кап...кап...кап.

Приподнятое настроение покинуло Дениса окончательно.

— Черт, как ее останавливают, кровь эту? — Денис осторожно прикоснулся к девушке, но тут же, будто обжегшись, отдернул руку.

«Черт, черт!.. Может быть, ее и трогать-то нельзя. Кто знает? Может, там ребро в легкое зашло, или позвоночник раскрошился? Отвечай потом...»

Девушка посмотрела на него печально и жалобно. Лицо ее было безжизненным и белым, лишь на лбу алело саднящее пятно от сработавшей подушки безопасности. На волосах и щеках девчонки блестела богатой россыпью стразов крошка разбитого триплекса.

— По-мо-ги-те, — едва слышно прошептали ее губы.

— Ну чем, чем я могу тебе помочь, дуреха?! — вспыхнул Надеждин, злясь не столько на свою беспомощность, сколько на неожиданную помеху, грозящую нарушить его планы.

«По-хорошему, надо бы набрать 112. Но как? Симку еще в Москве выбросил. Погоди, может у нее есть что-нибудь?»

— Есть!.. — Денис нащупал на пассажирском кресле заветную глянцевую пластину. Но, увы, экран сверху вниз пересекала глубокая разветвленная трещина.

— Черт, расколот пополам. Глупая привычка — лепить телефоны на лобовое стекло. Блогеры-селферы, блин! Жизнь их учит-учит и никак не научит. Куда ж тебя несло так, бестолочь?

Раненая таяла прямо на глазах как Снегурочка, теряя с каждым вдохом силы. Ткань ее джинсов и даже полы куртки набухли от крови.

— Я... хочу... жить.

— Раньше надо было хотеть, курица. Ну ладно, не обижайся. Не курица. Не умирай только. Сейчас решим что-нибудь.

«И ведь, как назло, ни одной машины, — подумал с раздражением Денис. — Празднуют все уже. Веселятся, козлы. Однако почему козлы? Я бы сейчас, если б не эта передряга, тоже по третьей бы вмазывал».

Девчонка вздохнула и пронзительно посмотрела на Дениса красивыми и глубокими, как у косули, глазами. В них он уже не увидел боли, страха, муки, а только какое-то неземное умиротворение и спокойствие.

«На Ксю похожа чем-то, — машинально отметил про себя Надеждин, — та тоже через три года права запросит. Только вот хрен ей, а не тачку...» И произнес:

— Да, подруга, маловато, гляжу, у тебя времени осталось.

«А у меня? — вздрогнул Денис, вспомнив о деле, ради которого здесь оказался. — Сколько времени осталось у меня? Минут сорок где-то. Вон граница. Вон она, родимая, рукой подать».

Он с тоской посмотрел на запад, где в несчастных десяти километрах отсюда его ждала свобода, и подумал: «Да уж, совсем я расклеился. Надо склеиваться обратно. Время не ждет. Тридцать девять минут осталось».

— Прости... — потерянно бросил Денис через плечо девушке и поплелся к «Порше», нащупывая в кармане пальто ключи зажигания.

Значит, так. Сейчас ему надо просто взять себя в руки, потом просто сесть в свою машину и доехать до КПП, а там, уже пройдя контроль, заявить,

что видел аварию. Баста, дальше пусть разбираются сами. Он-то здесь причем? Пусть вызывают «скорую». А если девица к тому времени остынет — не его проблема, он свой гражданский долг выполнил.

«Гражданский — да. А вот человеческий?..»

Денис вдруг явственно представил на месте этой несчастной девчонки свою ласковую умницу, свою любимицу — старшую Ксю, и рядом с ней такого же, как он сам, козла, выполняющего свой гражданский долг.

— Ну что, что тебе стоило раздолбаться на пять минут позже, уродка!.. — взревел он, схватив себя за голову.

Не дойдя до своей машины пары шагов, Денис резко развернулся и помчался, задыхаясь, назад, будто оставил там, рядом с девчонкой, нечто очень ценное, что-то, лишшающее его дальнейшее существование всякого смысла.

— Черт, черт...

Приняв, возможно, наиболее сложное в своей жизни решение, он мгновенно успокоился. В его мыслях появились, наконец, уверенность и хладнокровие, а в движениях — слаженность и четкость.

— Сейчас родная, сейчас, красавица...

Вырвав из брюк ремень вместе со шлейками, Денис перетянул пострадавшей, как смог, бедро выше раны, потом крякнул и, взяв вялое, почти безжизненное тело на руки, стараясь не дышать, понес его в свою машину...

В 23.35 «Порше» Дениса влетел на территорию городской больницы Смоленска, где, не снижая скорости, заскочил на пандус, ведущий в сектор приема больных, едва не протаранив задний бампер стоявшей там кареты «скорой помощи».

— Доктора сюда! — срываясь на фальцет, выпалил он, ворвавшись в приемный покой. — Живо! Человек в машине!

Не прошло и минуты, как у его автомобиля уже суетились трое в халатах. Появились каталка, капельница, тампоны и резиновый жгут.

Денис тем временем, стараясь унять в голосе дрожь, докладывал медицинскому работнику, сидевшему за стойкой, обстоятельства травмы девушки.

— Там... авария была...

— Где — там? — спросил доктор, с усердием стуча по клавиатуре компьютера.

— Там... — устало махнул рукой Денис в сторону окна.

— Большая потеря крови, множественные переломы левой голени, повреждение бедренной артерии, разрыв селезенки, закрытая ЧМТ, — доносились до него встревоженные голоса медиков из хирургического бокса. — Кортизол внутривенно. Срочно готовьте стол и плазму!

— А вы кем, собственно, пострадавшей приходитесь, Денис Васильевич? — скучным голосом спросил дежурный врач, монотонно продолжая заполнять что-то там у себя в компьютере.

— Я? Никем... мимо проезжал. Случайно.

— Случайно? Ну, да, ну, да, — сказал врач, впервые за все время подняв голову и с интересом посмотрев на Дениса. — А вы знаете, вы того... погодите немного, мы сейчас сообщим кое-куда, а вы посидите пока в вестибюле на диванчике. Формальность. Там кофемашина, если что.

— Я лучше покурю выйду. Где тут у вас отмыться можно?

— Прямо и направо.

Заплутавший в коридорах Денис разминулся с двумя мужчинами в голубых хирургических костюмах и в масках.

— Еще бы пять минут, и капец девке... — говорил один другому, надевая на ходу резиновые перчатки.

Слегка оттерев пятна крови с одежды, Денис вышел, переступая ватными ногами, на улицу и закурил. Сигаретный дым обжег на крепнущем морозце легкие. Осмотрелся. Его внимание привлекло электронное табло, висевшее над крыльцом: 23.50.

— Впрочем, еще есть шанс. Мизерный, конечно, но есть.

Дальше Надеждиным руководили только рефлексы. Он выплюнул недокуренную сигарету и прыгнул в машину. Взревел движок, истошно взвизгнули тормоза...

Дежурный врач, с которым только что разговаривал Денис, выглянув в окно на адский шум, ахнул и потянулся к телефону.

— Это полиция? Горбольница, дежурный Самохин, врач, — комкая слова, затараторил он в трубку. — Тут участник ДТП с тяжкими телесными скрылся. Господи, от нас скрылся. Да нет, скрылся как раз тот, что без телесных. Доставил к нам пострадавшую и сбежал. Номера? Так точно, номера записал, диктую...

00.20. Не решаясь продолжать движение, Денис остановил машину метрах в трехстах от пограничного перехода и убрал ближний свет. Он сидел и, смачно затягиваясь, смотрел с мрачным видом на автомобильную арку, украшенную огромной светящейся надписью: «Россия».

— Ну что, — бормотал себе под нос Денис, — месье Надеждин? Сыграем в орлянку? Тут все просто — либо орел, либо решка. Понять бы только, благородное риск дело... или все-таки глупое? Если глупое, тогда, извини, — решка...

Совсем рядом как будто громко крякнуло. Прервав невеселые размышления, Денис поднял голову и увидел, что возле его машины, разбрызгивая синие и красные всполохи, остановился служебный «форд» с трехзначным номером на борту. Из машины вылезли двое коренастых мужиков в форме сотрудников ДПС и, поправляя на ходу портупеи, направились к стоявшему на обочине люксовому «Порше»... □

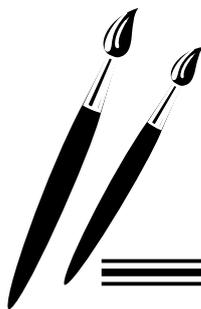
«ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ» Питера Брейгеля, или Политика и искусство

---

*Портрет Питера
Брейгеля Старшего.
Предположительно
работы Яна Вирикса*

Эта картина, сравнительно небольшая, всего 102×155 сантиметров, — глубоко гуманистическое высказывание великого художника и свидетельство того, что никакие правители не властны над большим искусством.

Историкам искусства очень мало известно о жизни великого нидерландского художника Питера Брейгеля. Не сохранилось ни его писем, ни дневников, ни воспоминаний современников. Казалось бы, о нем могли бы рассказать его сыновья, Питер Брейгель Младший и Ян Брейгель, но Питеру было пять лет, когда умер отец, а Яну — всего год. И мать их умерла очень рано — детей Брейгеля воспитывала его теща.

Известно, что Брейгель родился примерно в 1530 году, в 1551-м был принят в Антверпенскую гильдию живописцев, гильдию Святого Луки, в 1551–1553 годах побывал в Италии, а в 1563 году женился. Прошло

6 лет, и в 1569 году художника не стало. Эту скорбную дату мы знаем точно — на его надгробии, поставленном сыновьями, высечен год его смерти. Вот и все, что доподлинно известно об этом величайшем художнике Северного Возрождения. Но до нашего времени дошли его картины, и, разглядывая эти полотна с множеством самых разных персонажей, которые живут на фоне замечательных пейзажей, пытаюсь проникнуть в смысл его сюжетов, мы слышим его голос, чувствуем его характер, понимаем идеи, которые он вложил в свои творения и которые хотел передать современниками и нам, людям, которые

будут жить спустя многие годы после его ухода.

Последние годы жизни Брейгеля (в 1563–1569 годах он жил и работал в Брюсселе) проходили на фоне драматических событий в истории его

страны. 25 октября 1555 года правителем Нидерландов стал Филипп, сын испанского короля Карла V. Владения Филиппа были огромны — под его властью оказались не только Фландрия и Голландия, но и Испания, Королевство обеих Сицилий, Франш-Конте,

«Избиение младенцев»

Милан, территории в Америке и Африке. В Нидерландах новый король, истовый католик, начал беспощадную борьбу с протестантизмом, завладевшим умами его новых подданных.

Понятно, что это вызвало острое недовольство в народе, причем, как

среди аристократии, бюргеров и духовенства, так и среди простых горожан, крестьян и ремесленников. То и дело в разных городах и селениях возникали бунты, вооруженные выступления. К протестантам присоединялись и католики, недовольные

порядками, которые жестко вводил Филипп. Испанцы нещадно подавляли эти вспышки сопротивления.

Летом 1567 года в Нидерланды вступили испанские войска под командованием герцога Альбы, Фернандо Альвареса де Толедо, целью которых было полностью подчинить нидерландцев королю. Армия Альбы комплектовалась в Италии. Это были отборные полки — испанцы, итальянцы и албанцы, около 10 тысяч человек, пехота и конница. За солдатами шел обоз с 2 тысячами завербованных проституток — дух воинов должен быть на высоте, и тут роль «прекрасных дам» трудно переоценить!

И вот Альба, который был назначен королем наместником в Нидерландах, став настоящим диктатором, отменяет все приказы прежней власти, дававшие хоть какую-то свободу вероисповедания, более того, объявляет весь нидерландский народ виновным в оскорблении короля! А за оскорбление короля была только одна кара — лишение имущества и смертная казнь. Альба был готов уничтожить всех еретиков и всех носителей «духа мятежа», по сути — все население страны.

Во имя этой высокой цели он собрал Совет по делам о мятежах, получивший соответствующее название — «Кровавый», в котором ему принадлежал главный и решающий голос. Второй голос был у известного в стране распутника и садиста Варгаса. На совете рассматривались дела преступников, и каждому объявлялся приговор — «Повесить!»

А потом члены совета, переставая играть в закон, объявляли приговор по спискам. Времени рассматривать каждое дело не хватало.

«Вся страна обратилась в живодерню, — так описывал американский историк и дипломат Д.Л. Мотли в своем фундаментальном труде «История Нидерландской революции и основания Республики Соединенных Провинций». — Похоронный звон ежечасно раздавался в каждой деревне; не было семьи, которая не оплакивала бы самых дорогих своих членов, между тем как оставшиеся в живых бесцельно бродили призраками вокруг развалин прежних домов. Бодрость народа через несколько месяцев после прибытия Альбы казалась безнадежно разбитой. Кровь лучших и храбрейших из них окрасила эшафоты, люди, у которых привыкли искать защиты, были мертвы, арестованы или находились в изгнании. Покорность стала бесполезной, бегство невозможным, и дух мщения погас у каждого очага... Трава начала расти на улицах городов, которые недавно кормили столько ремесленников. На всех больших рынках, где раньше бился прилив человеческой жизни, царствовали теперь молчание и мрак полуночи...»

В 1567–1569 годах в Нидерландах было казнено более 8000 человек.

Вот в такое время создает Брейгель одну из своих самых трагичных картин, «Избиение младенцев», темой которой стал известный сюжет, описанный в Евангелии от Матфея.

Волхвы, рассказывает Матфей, пришедшие поклониться новорожденному Иисусу, не выполнили просьбу иудейского царя Ирода Великого и не сообщили ему, где находится младенец. Тогда Ирод пришел в ярость и послал убить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и младше, дабы среди этих убиенных обязательно оказался и тот, кто мог бы занять его трон. Маленькому Иисусу удалось спастись — Иосифу с семьей повелел бежать в Египет явившийся ему во сне ангел. Однако память о злодеяниях Ирода осталась в истории, а его имя стало нарицательным — так мы сегодня называем жестких, безжалостных людей.

Этот сюжет нередко использовался художниками, предшественниками Брейгеля. Они изображали рыдающих матерей, мертвые тела детей, кровь. А Джотто даже изобразил на своей картине сидящего на балконе Ирода, наблюдающего за устроенной им бойней в Вифлееме.

Создавая свою картину на этот сюжет, Брейгель помещает евангельских героев в ту реальность, которая была хорошо ему знакома, — в нидерландскую деревню. А вместо солдат Ирода у него — солдаты герцога Альбы. В сверкающих латах и шлемах, подняв вверх острые пики, они охраняют выход из деревни — ее жители обречены, бежать некуда. Впереди яма, наполненная ледяной водой, куда солдаты собираются бросать детей. Эта яма — как образ смерти, безысходности, темного рока. Люди Ирода врываются

в дома, отнимают детей у родителей, убивают или уводят куда-то... Напрасны мольбы матерей, напрасны их попытки вырвать своих детей из рук карателей. Мы видим женщину, которая голосит над телом убитого ребенка, а ее односельчане понимают, что и их детишек ждет такая же участь. Зло разлито по всей картине, оно живет в атмосфере этой несчастной деревни...

В «Книге о художниках», написанной Карелом ванн Мандером, которого называют северным Вазари, и изданной в 1604 году, так рассказывается об этой картине: «На ней показано, как крестьянская семья молит о пощаде кровожадного солдата, готового убить вырванного у них ребенка, или как мать лишается чувств от отчаяния, и другие, такие же очень живо воспроизведенные сцены».

Брейгель сконцентрировал в этой небольшой картине весть ужас, который несли вифлеемцам солдаты Ирода, и весь кошмар, который несли его народу солдаты Альбы. Да, говорит Брейгель, король Филипп и есть настоящий Ирод. И недаром предводитель на картине так похож на самого герцога Альбу. И недаром на плаще всадника, равнодушно взирающего на то, что творят его солдаты, орел с герба Габсбургов. И над всем этим — Вифлеемская звезда...

Заказчик картины нам неизвестен, но, так или иначе, благодаря ему мир получил настоящий шедевр. Брейгель закончил работу над полотном в 1567 году. Летом этого года испанские войска заняли все важнейшие

*Фернандо Альварес де Толедо,
герцог Альба*

города Нидерландов. Альба стал фактическим правителем страны, а чтобы все поняли это до конца, он повелел установить во славу себя две статуи — одну в Антверпене, вторую — в Брюсселе. Казалось, испанцы воцарились в Нидерландах навсегда. И, несмотря на вспышки сопротивления, на вновь и вновь возникавшие надежды, что все изменится, власть Альбы только усиливалась, а кары, обрушивающиеся на бунтовщиков, еще более ужесточались...

Последние два года жизни Брейгеля были очень тяжелыми. Его мучили горькие предчувствия, болезни, мысли о том, как будут существовать в этом страшном мире его жена и дети. Видно, опасаясь, что в его рисунках власти обнаружат что-то крамольное, он уничтожил многие свои работы.

Брейгель умер в 1569 году, не дожив до 45 лет. Обидно мало, но он оставил двух мальчиков, которые ста-

ли тоже большими художниками: Питера Брейгеля Младшего и Яна Брейгеля. (Ян был главой гильдии художников Антверпена, дружил с Рубенсом.) Оба часто делали копии отцовских работ, но и создавали свои, в которых, конечно же, явно прослеживается влияние Брейгеля Старшего.

В 1581 году испанское владычество в Нидерландах закончилось — семь северных нидерландских провинций, заключивших Утрехтскую унию, официально низложили Филиппа II как суверена Нидерландов. Началось новое время. В эти годы картина Брейгеля приобрела огромную популярность, только в мастерской его сыновей было сделано более 10 копий. (Сегодня в самых разных собраниях можно увидеть копии этой картины).

Примерно в 1600 году картину Брейгеля Старшего приобрел для своей коллекции живописи король Рудольф II. Этот король был очень необычным человеком. Прекрасное образование, широта взглядов, страстный интерес ко всему новому — все это дало ему возможность создать при своем дворе прекрасную атмосферу, в которой считали за честь работать лучшие умы того времени: выдающиеся астрономы Тихо Браге и Иоганн Кеплер, крупнейшие алхимики — Михаэль Сендивой и Михаил Майер, Эдвард Келли, знаменитые философы, медики и мистики. Уже после смерти Рудольфа Иоганн Кеплер в своей работе «Рудольфовы таблицы» высоко отзывался об императоре, подчеркивая его роль в деле

просвещения и развития наук. Увлекался Рудольф и искусством. В своем дворце он собрал огромное количество настоящих шедевров, среди которых были картины Дюрера, Корреджо, Тициана, Лукаса Кранаха Старшего и многих других художников — голландских, итальянских, немецких. Часто полотна покупались за весьма немалые деньги — когда императору что-то нравилось, он не скупился.

Коллекция Рудольфа II считалась тогда лучшей в Европе. И вот в 1600 году он заполучил и брейгелевское «Избиение младенцев».

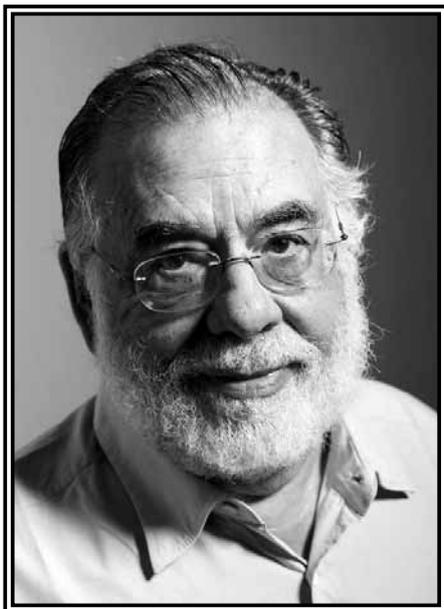
Но Рудольф был Габсбургом — сыном Максимилиана II Габсбурга и дочери императора Карла V Марии Испанской, в 1563–1571 годах он воспитывался в Испании при дворе своего двоюродного дяди Филиппа II. Так что неудивительно, что ему не понравились явные намеки на Габсбургов, легко читаемые на картине Брейгеля. И он приказал уничтожить их, кроме того, убрать трагизм в сюжете. И вот уже придворные умельцы превращают убитых детей в животных, свертки, тюки, дичь. Предводитель солдат теперь не похож на герцога Альбу, исчезает габсбургский двухглавый орел с плаща всадника и на всякий случай замазана Вифлеемская звезда — она теперь совсем ни к чему — младенцев ведь уже никто не убивает! Теперь это просто нападение каких-то разбойников на какую-то деревню. Эта картина так и называлась — «Нападение на деревню». Только придворные

художники (или художник) оказались не очень старательными, и порой из-под тюка, над которым рыдает женщина, можно увидеть ручку или ножку ребенка... (В 1998 году во время реставрационных работ эти изменения были обнаружены выдающимся историком искусства, крупнейшим специалистом по нидерландской живописи британцем Лорном Кэмпбеллом. На полотне подпись — «BRVEGEL» 1565–1567 годов. Так было доказано, что картина — оригинальная работа Брейгеля.)

В конце Тридцатилетней войны, в 1648 году, когда Прага была разграблена шведами, эта картина, как и многие другие сокровища собрания короля Рудольфа, попали в коллекцию королевы Швеции Кристины. В 1660 году ее приобрел английский король Карл II. С тех пор она хранится в Британской королевской коллекции.

Кстати, в Вене, в Художественно-историческом музее, тоже есть свое «Избиение младенцев». Долгое время считалось, что это — работа Брейгеля Старшего, оригинал. Но сейчас искусствоведы полагают, что это — копия, сделанная Питером Брейгелем Младшим, сохранившим на холсте все то, что хотел сказать людям его отец.

К сожалению, сегодня, спустя более четырех столетий, послание великого художника не потеряло своей актуальности. Как и при его жизни, в мире идут страшные войны, и так же погибают дети от безумия и жестокости взрослых... □

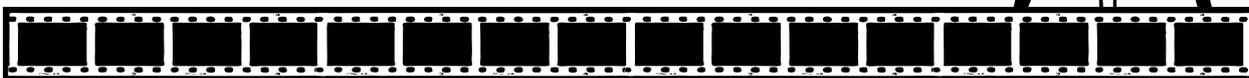

Юрий Осипов

Монументальный Коппола

«Необходимый элемент любого искусства — риск. Если вы не рискуете, то как вы собираетесь создать что-то прекрасное, невиданное ранее».

Фрэнсис Форд Коппола

Этот человек вот уже почти полвека является живой легендой мирового экрана, художником с большой буквы. Сегодня ему перевалило за 85. Его многообразное творчество изобилует невиданными взлетами и неслыханными провалами. Публика и критики то превозносили его фильмы до небес, то в досаде отворачивались от них. А он не придавал особого значения ни оглушительным успехам, ни полным неудачам, дорожа одной лишь возможностью творить свое кино дальше.

Творил он самозабвенно, не щадя себя и других, не укладывался в производственные сроки и бюджет, постоянно конфликтовал с руководством студий, сам будучи крупным и удачливым продюсером. В изнурительной борьбе за воплощение заветного замысла не раз ставил на кон свою режиссерскую репутацию, а то и собственные немалые средства... В результате, Коппола изменил лицо современного кинематографа, открыл новые пути развития экранного искусства и дал шанс покорить его членам своего разветвленного итало-американского семейного клана.

Этот дружный клан подарил миру талантливых кинорежиссеров — оscarноносную дочь Фрэнсиса, Софию Копполу и внуку Джию, а также не нуждающегося в представлении племянника Николаса Кейджа и еще одного племянника великого мастера — восходящую актерскую звезду Джейсона Шварцмана. Ну а сестра маэстро, Талия Шайр ярко воплотила сестру Майкла Карлеоне в трех частях знаменитой гангстерской саги «Крестный отец», старея на протяжении десятилетий их выхода вместе со своей героиней. Наконец дядя Фрэнсиса, Антонио, работал над саундтреками двух его шедевров. Не случайно мотив семьи и взаимоотношений между родственниками ляжет в основу ряда картин Коппола и, в первую очередь, «Крестного отца».

Кинорежиссер, сценарист и продюсер Фрэнсис Форд Коппола родился в апреле 1939 года в автомобильной столице США Детройте. Его родители, эмигранты итальянского происхождения, были музыкантами. Спустя два года после рождения Фрэнсиса глава большой семьи Кармайн был назначен главным флейтистом Симфонического оркестра NBC, и все семейство переехало в Нью-Йорк. Там будущий корифей экрана провел детство, которое протекало преимущественно под знаком полиомиелита, надолго оторвавшего несчастного мальчика от сверстников. Прикованный к постели, он культивировал свое воображение, увлекался постановками домашнего кукольного театра, «Трамваем "Желание"» и другими пьесами Т. Уильямса, а в 15-летнем возрасте занялся монтированием на 8-мм киноплёнку снятых им дома любительской камерой сюжетов. Вылечившись, он пошел в школу, но постоянно менял их, поскольку учился очень средне. Зато отлично играл на трубе и даже получил музыкальную стипендию Нью-Йоркской военной академии.

В 1955 году Коппола поступил в частный университет Хофстра, где изучал театральное искусство и даже заслужил стипендию. Его всерьез заинтересовала театральная режиссура (дань ей будет затем проследиваться в классических фильмах Копполы, прежде всего, в «Крестном отце» и «Апокалипсисе сегодня»).

Как ни странно, отец, будучи музыкантом, хотел, чтобы Фрэнсис специализировался в инженерном деле, а он «заболел» кинорежиссурой, посмотрев «Октябрь» С. Эйзенштейна (в США картина демонстрировалась под названием книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»). Особенно поразил юношу эйзенштейновский «монтаж аттракционов», и он отправился из дождливого Нью-Йорка в солнечную Калифорнию, поступать в ведущую Киношколу при тамошнем университете в Лос-Анджелесе.

Путь к первому самостоятельному фильму лежал у Копполы через работу ассистентом у известного режиссера Р. Кормана, которого называли «королем фильмов класса «Б», в основном, низкопробных «ужастика» и боевиков. При этом он прославился за способность снимать с феноменальной скоростью и с минимальным бюджетом.

К Корману Коппола пришел в 1962 году, а уже год спустя тот выступил продюсером его режиссерского и сценарного дебюта — имеется в виду триллер «Безумие-13». Примечательно, что фильм принял участие в первом по счету авторитетном фестивале независимого кино «Сандэнс» в штате Юта, который организовал живущий там Р. Рэдфорд. Перед молодым режиссером открывались заманчивые перспективы.

Став писать сценарии и снимать первые картины, Фрэнсис быстро

«Крестный отец»

разочаровался в до предела коммерциализированной студийной системе «фабрики грез» и загорелся идеей создать со своим другом Джоржем Лукасом независимую киностудию, которая, по их убеждению, должна была, ни много ни мало, изменить сам Голливуд.

Студию решили назвать «Зоотроп» — по аналогии с аппаратом эпохи зарождения кино, приводившим картинку в движение. За неимением средств революционное детище двух будущих корифеев Голливуда первое время располагалось на товарном складе в Сан-Франциско.

Наступали стремительные семидесятые, которые в истории кино напрямую ассоциируются с именем Coppola. Ведь именно в это десятилетие он снял четыре грандиозных

фильма, два из которых принесли ему Золотую пальмовую ветвь Каннского фестиваля, а все четыре — немислимое количество «Оскаров» и «Золотых глобусов».

В 1971 году, имея в послужном списке всего лишь несколько мало примечательных работ, Фрэнсис оказался двенадцатым кандидатом на режиссерское кресло «Крестного отца» и был выбран боссами «Парамаунта» только потому, что являлся соотечественником персонажей предполагаемой экранизации романа М. Пьюзо. Три года спустя он уже превратился в живую легенду Голливуда.

Знакомая буквально всему миру гангстерская сага об американском мафиозном клане Корлеоне, при всей своей классичности и строгости стиля, стала новаторским собы-

тием для большого кино, шагом вперед в искусстве экрана с точки зрения художественно-технологических достижений картины, получившей затем ремейк в двух частях.

Кудесник звукозаписи У. Мерч опробовал здесь свой новаторский способ вариационной укладки саундтрека на «живой» звук, с целью сделать максимально впечатляющей большую начальную сцену фильма — свадьбу дочери дона Корлеоне под проникновенную мелодию Н. Ротта. Она в этой сцене даже «подыгрывает» камере, когда во время танцев гостей дорожка с чистым звуком становится громче, заглушая ритмы тарантеллы, а при разговоре двух персонажей за столиком стихает, растворяясь в свадебной разноголосице и шуме.

Исключительно впечатляюще выглядит также визуальная составляю-

щая фильма. Оператор-постановщик Г. Уиллис, не отступая от канонов реализма, снимал с минимумом искусственного света, пользуясь преимущественно всего одним источником освещения, что создает выгодную игру света и тени (Уиллиса недаром нарекли в профессиональной среде «принцем тьмы»). Тень у него символизирует противостояние добра и зла в душах всех членов семьи Корлеоне, включая ее величественного главу, потрясающе сыгранного Марлоном Брандо. Лицо поначалу непричастного к семейному «бизнесу» сына Крестного отца, Майкла, в столь же блистательном исполнении Аль Пачино, затемняется по мере того, как он глубже и глубже погружается в кровавые разборки мафиозных «семейств» Нью-Йорка. А вот лицо жены Майкла

(Дайан Китон), не имеющей никакого отношения к делам семьи, освещено полностью, включая заключительную сцену, где она понимает, кто на самом деле ее муж. Лицо же самого Витто символически проступает из густой тени только дважды: на свадьбе в начале картины и во время финального разговора с Майклом. А вот глаза — зеркало души — одного из просителей, «заказывающего» в кабинете у донна двух мерзавцев, которые пытались изнасиловать и искалечили его дочь, погружены в беспросветную тьму...

Примечательно, что не только лица героев, но даже окружающее их пространство, сама природа в фильме начинают «играть» на языке света и тени, подчиняясь художественной задаче. И резкий контраст двух непересекающихся, но существующих бок о бок миров с исчерпывающей убедительностью заявлен уже в начале картины: веселая, пышная, многоцветная свадебная церемония во дворе перемежается погруженными во мрак сценами тихих, немногословных разговоров донна Корлеоне с клиентами за закрытыми дверями кабинета...

Известна история с утверждением на главную роль Марлона Брандо, на кандидатуре которого категорически настаивал Коппола, и со сложным характером которого не очень-то хотела иметь дело могущественная кинокомпания. К тому же 48-летний Брандо перешел на роль

властного старика-главы мафиозного клана прямо со съемок «Последнего танго в Париже» Б.Бертолуччи, где со всей своей мужской харизмой и предельной откровенностью исполнил роль извращенного любовника юной девушки.

Для актера его ранга было просто немыслимо согласиться на кинопробы, но, выполняя требование продюсеров (надеявшихся, что капризная звезда откажется), он безропотно пошел пробоваться, и после того как убедительно показался в гриме — с накладным животом и апельсиновой коркой под верхней губой, — продюсеры вынуждены были уступить. Образ, созданный Брандо, стал поистине культовым, однако потрудиться над внешним обликом персонажа пришлось немало, в том числе, и с помощью светотени, а также выработанных самим Брандо интонаций, жестов и мимики. В результате, настоящие гангстеры начали подражать манере поведения донна Корлеоне.

На «Крестном отце» Коппола окончательно сформировал свой творческий стиль — большую, монументальную форму с детальной проработкой характеров и широким использованием выразительных общих планов. При этом режиссер мыслит не, как принято, кадрами, а целыми сценами или даже отдельными эпизодами из нескольких сцен, которые выстраиваются в симфоническую партитуру взаимодействующего во

«Изгой»

всех элементах развернутого экранного повествования поистине толстовского типа.

Таким образом, в фильм включаются разные темы, многоголосие персонажей, идейная глубина и большое количество сюжетных линий, не заслоняющих, однако, главную. В первом «Крестном отце» рассказывает о том, как Майкл приходит к власти в мафиозном клане. Во второй части трилогии столь же крупными и яркими мазками показано, какими способами он эту власть удерживает и каким путем ее в свое время добивался сам дон. Третья часть о трагической тщетности достигнутого ими, увы, явно уступает в художественном отношении первым двум.

Черты монументального копполовского стиля присущи и его следу-

ющему бесспорному шедевру — шпионской драме «Разговор» (1974), удостоенной Золотой пальмовой ветви Каннского кинофестиваля. Никак не соотносясь напрямую со всколыхнувшим всю Америку Уотергейтским скандалом, который привел к отставке президента Никсона, фильм, вместе с тем, является острым откликом на него в отвлеченном размышлении на тему приватности, хотя и в весьма камерном ключе.

Слово «приватность» (а Коппола подчеркивал, что любит строить свои фильмы вокруг одного слова-понятия) и стало тем центром, вокруг которого складывается весь причудливый мир «Разговора». Мотивы человеческого помешательства и паранойи, здесь на почве секретности, сделаются затем ведущими в творчестве выдающегося режиссера. Мета-

форичный, запутавшийся в бесконечных проводах телефонов и различных прослушивающих устройств главный герой в филигранном исполнении Джина Хэкмана постепенно теряет рассудок, переставая отличать реальность от иллюзий сквозь призму бесконечной тайной слежки за другими и, как ему, кажется, в итоге также и за ним.

С удивительным искусством режиссер постепенно размывает в каждой сцене границы реальности так, что зритель поначалу верит в детективную подоплеку происходящего на экране и даже в то, что герой хочет предотвратить политический заговор с убийством, а затем изумленно осознает искаженность его восприятия действительности.

То же самое, но уже в масштабах эпической фрески «Апокалипсис се-

годня» (1979) происходит при сопоставлении войны как символа абсурдности мира с массовым помешательством и индивидуальным безумием ее участников.

Мистическая повесть Дж. Конрада «Сердце тьмы» привлекла в свое время неподражаемого мастера экрана О. Уэллса. Но ценой нечеловеческих усилий проект этой экранизации по мотивам повести с переносом ее действия в дни американской войны во Вьетнаме состоялся уже у Ф. Копполы, превратившись в один из величайших фильмов в истории кино.

Почти неисчерпаемая тема войны, которую в разных аспектах отражают, скажем, такие экранные шедевры, как «Судьба человека» Ф. Бондарчука, «Иди и смотри» Э. Климова, «Цельнометаллическая оболочка» С. Кубрика или «Список Шиндлера»

Слева:

«Апокалипсис
сегодня»

«Дракула»

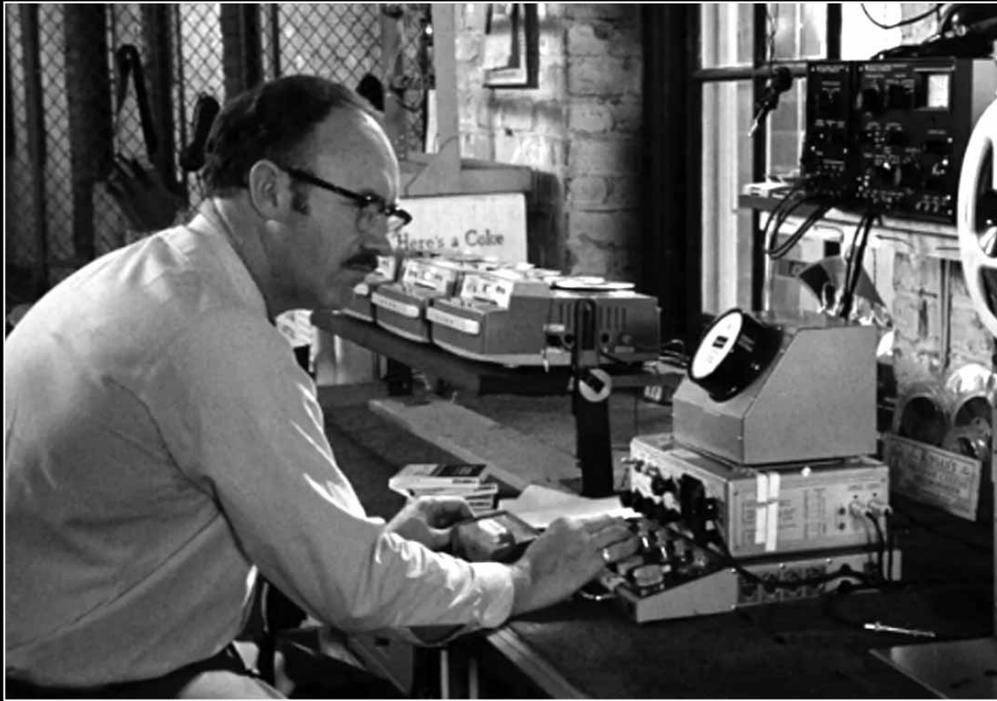
С. Спилберга, в «Апокалипсисе» Копполы становится высказыванием о войне в целом, запечатлев все возможные аспекты военной проблематики и выведя вереницу непохожих друг на друга персонажей и ситуаций.

Поставив в центр своей параноидальной эпопеи почти неизведанного кинематографом отчужденного от общества героя, склонного к деструктивному поведению, Коппола, вопреки законам реализма, сделал его существом почти фантасмагоричным, гротескным. И если в финале «Крестного отца-2» нам показано неотвратимое расчеловечивание главного героя под гнетом безграничной власти и собственной одержимой натуры, то прямо в первых кадрах «Апокалипсиса» мы видим форменного зверя в облике человека, который сошел с ума и бре-

дит воспоминаниями о вьетнамской войне, откуда недавно вернулся...

Уникальному оператору В. Сто-раро удалось здесь практически невозможное: передать на экране в пластических образах поток психоделического бреда капитана Уилларда, вновь призванного в джунгли Вьетнама с секретным заданием найти и убить обезумевшего полковника Куртца, захватившего один из островов в дельте Меконга и объявившего себя его правителем.

Абсолютно слившийся со своим персонажем Мартин Шин настолько вошел в образ буйствующего в номере сайгонской гостиницы Уилларда, что по-настоящему рассек себе руку осколком зеркала, которое, импровизируя, сам разбил. Режиссер хотел остановить съемку и быстрее оказать актеру необходимую медицинскую помощь, но не в

«Разговор»

Справа:
*«Бойцовская
рыбка»*

силах был прервать его потрясающий перформанс.

Знаменитые кадры вертолетной атаки под вагнеровский «Полет валькирий» озверевших американских десантников на вьетнамскую деревню дополнятся ужасающими пейзажами по пути плавания группы Уилларда к острову Куртца. Это символическое речное путешествие отсылает зрителя и к странствиям Одиссея, и к дантовским кругам ада. Причем постоянное чередование разноцветных вспышек дымовых гранат и расцветенной лодочными фонарями, а также сигнальными ракетами непроглядной тьмы тропической ночи влияет на ментальное состояние участников уиллардовского отряда с дикарской маскировочной раскраской лиц...

Причудлива и невероятно атмосфера этой масштабной эпической фрески, носящей притчевый характер. Как невероятно, в сущности, и сама история ее создания. Начать с того, что снимать фильм должен был выше упомянутый друг Копполы Джорж Лукас. Он грезил собственной картиной о вьетнамской войне, однако, столкнувшись на начальном этапе с кучей трудностей, отступился, перенес свой замысел в будущее «Звездные войны»...

В Пентагоне, прочитав сценарий, отказались предоставить съемочной группе необходимую военную технику, включая вертолеты. Добыть ее удалось на Филиппинах, где, в итоге, и происходили съемки. Правда, и там в разгар работы правительство отозвало вертолеты, которые, по пе-

чальной иронии, понадобились филиппинской армии для ведения реальной войны с соседней страной...

Компьютерную графику тогда еще не изобрели, и все немислимые экшен-сцены фильма снимались «вживую», даже сожженные напалмом джунгли. Дешевая рабочая сила позволила возвести в натуральную величину каменную церковь, расстрелянную с воздуха вертолетами.

В Голливуде существует негласное правило — никогда не вкладывать в кинопроизводство собственные средства. Коппола, согласно своему упомянутому вначале девизу о необходимости риска для создателя фильма, и раньше в ожидании спонсоров частично финансировал начатые проекты личными деньгами. Теперь же, перерасходовав выде-

ленный студией бюджет, он вынужден был для завершения съемок продать несколько принадлежавших ему дорогих особняков и, в итоге, потратил на картину 30 миллионов долларов из собственного кармана.

Множество проблем создавал Марлон Брандо, который набрал к началу съемок запредельный вес, что не соответствовало образу полковника Куртца, и даже не удосужился внимательно прочитать сценарий. Коппола разрешил «великому и ужасному» отступить с собственными импровизациями от не нравившегося капризной звезде текста роли и снимал его, по придумке Стораро, на контрастах света и тени. Благодаря операторским изыскам мы не видим в кадре расплывшейся фигуры актера. Из темноты, в тонких

*«Молодость
без молодости»*

лучиках специальных осветительных приборов, проступают то мощное голое плечо Брандо, то тяжелая кисть руки, то скульптурная, наголо обритая голова.

Вообще же невозможно описать тот хаос и сумятицу, происходившие на протяжении 68 недель съемок под тропическими ливнями и палящим филиппинским солнцем. Об этом производственном кошмаре красноречиво свидетельствуют две попытки самоубийства одержимого своим фильмом режиссера. На грани были также члены съемочной группы и исполнители главных ролей. Так, М. Шин прибегал к помощи алкоголя и периодически представлял перед камерой «на взводе»... Его Уиллард, раздираемый муками сомнения, совершает свое метафорическое путешествие в «сердце тьмы», где скрывается Куртц. Они — два

антагониста, но в глубине души хорошо понимают друг друга и во многом схожи. Куртц не хочет бороться с Уиллардом, как того требуют обстоятельства, он стремится убедить его в своей правоте, отвергая запреты лживой и лицемерной цивилизации. Уиллард, невольно проникнувшись уважением к Куртцу, все же выполняет приказ и убивает обезумевшего полковника. И в этом заключен глубокий трагедийный смысл фильма, который Коппола отказывался считать антивоенным, настаивая, что он, в сущности, посвящен проблемам морали.

Финальная версия «Апокалипсиса сегодня», выпущенная в 2019 году, длится 3 часа 9 минут. По словам режиссера, в ней наиболее точно отражена моральная составляющая грандиозного произведения, перевернувшего представление о художественных возможностях кино.

В 80-е годы Копполу настигла полоса неудач, заставившая говорить о закате творчества мэтра мировой режиссуры. Однако, хотя фильмы стареющего мастера стали куда менее успешными, нежели его прежние работы (а некоторые, как, например, «От всего сердца», даже полностью провалились), талант Копполы остался при нем. Это проявилось, прежде всего, в идеальном выборе актеров. Именно в тех поздних картинах — «Изгои», «Бойцовская рыбка» — стартовали на голливудский Парнас Том Круз, Мэтт Дилан, Дайан Лэйн, Николас Кейдж, Крис Пенн, Лоренс Фишберн.

Столкнувшись с неудачами, Коппола вернулся к тому, с чего начинал свою карьеру, — к более или менее успешным малобюджетным авторским фильмам, авангардным по духу и тяготеющим к европейскому кино. Причем феномен Копполы заключается в том, что его колоссальный режиссерский опыт не может служить ролевой моделью для молодого поколения творцов, поскольку стиль и метод работы этого гения абсолютно уникальны. Работать, руководствуясь лишь своим даром и интуицией, умел один лишь он, непонятно каким образом умудряясь обуздать производственный хаос, во многом им же и порождавшийся, и добывая из горы руды бриллианты искусства.

Оседлав в ранние годы удачу, Коппола никогда не застревал в

одном стиле и не пытался повторить предыдущий успех, напротив, смело брался за новые темы и новые художественные решения. Свидетельство тому — целиком снятый в не любимом им до этого павильоне мюзикл «От всего сердца» (1981), жесткая криминальная драма «Бойцовская рыбка» (1983), мистический триллер «Дракула» (1992) и два драматических фэнтези «Молодость без молодости» (2007) и «Между» (2011). Последний является подлинным апофеозом авангардистских устремлений маэстро. Идея и сюжет фильма, по его словам, пришли к нему во сне. Снимал он картину у себя в поместье. А прямо во время фестивальных показов порой сам зачитывал дикторский текст, подменяя звучащий на экране голос актера.

«Мегаполис» — проект, который Коппола предъявил миру совсем недавно и к которому шел чуть ли не полтора десятилетия. В конце сентября 2024-го «Мегаполис» вышел в мировой прокат и почти сразу провалился у широкой публики. Критики, однако, разделились на два лагеря: одни называли обошедшийся в 120 миллионов долларов фильм пустышкой, другие — шедевром. Сам же режиссер упрямо считает его вершиной своего творчества.

Он задумал снять эту странную, причудливую, сумбурную и перегруженную философскими сентенциями историко-фэнтезийную эпо-

«Между»

Справа:

«Мегаполис»

пею еще в 1977 году, на пике карьеры, завершив работу над «Апокалипсисом». Только шесть лет спустя ему удалось приступить к задуманному проекту. Необходимость расплачиваться по долгам заставила его переключиться на другие фильмы, сулящие, по мнению продюсеров, более ощутимую прибыль. Фрэнсис вернулся к «Мегаполису» в 2001 году, собрав на читке сценария Р. Де Ниро, Аль Пачино, Н. Кейджа и У. Турман. Центральные роли могли достаться также Д. Лоу, О. Айзеку и Зендее.

Жесточайший теракт 11 сентября против «башен-близнецов» в Нью-Йорке заставил художника вновь отложить проект — вольную экранизацию трактата древнеримского историка Гая Салюстия Криспа «О заговоре Катилины» с целью госу-

дарственного переворота. Съёмки начались лишь в 2019-м и сопровождались частыми скандалами. Коп-пола переписывал сцены на ходу, являлся на площадку без плана, принимал персонал, часами не выходил из трейлера и однажды уволил всю команду дизайнеров, отвечавших за визуальные эффекты, что не могло не сказаться на качестве фильма...

Его феноменальный «долгострой» как бы отражает сквозную тему, мучившую творца, тему неизбежного конца света, краха современной цивилизации и страха перед будущим, несущим человечеству неотвратимую катастрофу. Отсюда — сумбур и сумятица растянутого на 2 часа 18 минут экранного повествования, которое, несмотря на масштабность и внушительный бюджет, выглядит весьма архаичным и малоубедительным.

И все же и все же... Подобно главному герою фильма, Цезарю Катилине — архитектору-идеалисту, строящему в Новом Риме город счастья, Коппола по-прежнему старается плыть против течения, отказываясь следовать общепризнанным эстетическим канонам и кинематографической моде. Приближаясь к 90-летию, он все так же гнет свою линию и отвергает не только сегодняшние конвейерные методы кинопроизводства, но и требования кинокомпаний, полагаясь на собственную интуицию.

Исполнитель заглавной роли, маститый Адам Драйвер заявил, что Коппола лучший режиссер, с которым ему доводилось работать.

«Я всегда хотел снять большую историю любви, но так и не сделал этого. Мне бы очень хотелось успеть». Это было сказано Копполой

относительно «Мегаполиса» незадолго до завершения съемок. В отличие от друзей молодости Дж. Лукаса, С. Спилберга, М. Скорсезе он всю свою творческую жизнь шел на неоправданные риски, погрязал в долгах, оказывался на грани банкротства, продавал любимые виноградники, ссорился с влиятельными продюсерами и... чуть не тронулся умом. Счастливым, вероятно, чувствовал себя только за камерой. И еще — понимая, что ему есть куда двигаться дальше.

«Мегаполис» — это как раз, пусть спорное, но движение вперед, поверх всего его огромного творческого наследия, быть может, даже вопреки накопленному кинематографическому опыту. Дерзкий эксперимент, полет фантазии. А удался он или нет, окончательно решит Время. □

Артем Бибилюров — главный режиссер Московского Театра Иллюзии, художественный руководитель Ивантеевского музыкально-драматического театра. За годы активной творческой деятельности режиссер поставил более 30 спектаклей в театрах Москвы, Московской области и в других театрах по всей России. Сегодня зрителям он знаком, в первую очередь, по спектаклю «Сафари с динозаврами», результат которого — непрерывные аншлаги, восторженные отзывы детей и взрослых и слова благодарности от зрителей. О рождении популярного шоу, разном типе мышления актера и режиссера, о том, что такое успех и что он значит для артиста — в нашем интервью с заслуженным деятелем искусств России.

— Артем, город Грозный — культурная столица 2025 года. И вы там родились...

— Да, в Грозном я родился и пошел в первый класс, но потом наша семья оттуда уехала. У меня там остались друзья, знакомые, периодически мы переписываемся, созваниваемся. В Грозном я не был уже очень давно, но все равно слежу за тем, как город разрастается, превращается в суперсовременный. Жили мы в центре, недалеко от Русского драматического театра имени Лермонтова, где я посмотрел первый детский спектакль «Кот Лео-

польд». Ничего почти из него не помню, только то, как мыши дрались между собой огромными зубными щетками...

— Когда началась ваша театральная жизнь? Наверняка еще до поступления в «Щуку»?

— Я не ходил в театральные студии перед поступлением в Щукинское училище. Изначально я вообще был танцором бальных танцев, причем, довольно успешным, но после травмы не мог больше заниматься танцами и увлекся театром, потому что без творчества уже не

мог существовать. Так я открыл театральную студию, и это получалось у меня, кстати говоря, неплохо, потому что сегодня выпускники моей театральной студии — артисты ведущих театров. Но потом и сам поступил туда, куда хотел: в «Щуку».

ими знаниями со студентами. Ну и, конечно же, мой любимый режиссерский факультет. Это особый факультет, требующий, наверное, большего жизненного опыта от студентов, более ответственного подхода и глубокого мышления. Мы занимались с утра до ночи, репетиро-

---

— Расскажите, пожалуйста, о вашей учебе в Щукинском училище...

— У меня были замечательные педагоги. Я успел поучиться у последних из могикан: Владимир Петрович Поглазов, Александр Михайлович Вилькин, Леонид Ефимович Хейфец, Александр Михайлович Поламишев. Интересно было учиться еще и потому, что в Щуке кафедральный подход к обучению, то есть все учатся у всех. Ты впитываешь знания от всех педагогов, которые под разным углом, каждый с позиции своего опыта делятся сво-

вали круглосуточно для того, чтобы подготовить показ своих работ. Некогда было ни поесть, ни попить, но мы были этим очень увлечены, изучая гениальную вахтанговскую школу. Моя учеба там — это лучшие годы, и я их с удовольствием вспоминаю.

— Артем, как вообще происходит «рождение» спектакля, и какой из своих спектаклей вы бы выделили?

— Трудно что-то выделить, потому что режиссер сначала обдумывает подход к спектаклю, мучается,

---

в хорошем смысле, вместе с художником, композитором. Потом отбираются актеры, и потом начинается совместная работа... Это очень сложно — выпустить спектакль, и выделить какой-то не могу. В плане сложности, может быть, выделю «Крокодила» Достоевского. Четыре года я пытался поставить этот спектакль, потом бросил. А однажды он мне приснился — подсознание выплеснуло результат, и я его, наконец, поставил. «Вий» Гоголя тоже трудно давался, но все же получился. Так что вот эти, пожалуй, спектакли — по Достоевскому и Гоголю. И авторы непростые, и спектакли по

их произведениям даются по-настоящему не просто.

— Артем, как вам поступило предложение сделать шоу с динозаврами? Расскажите, пожалуйста, поподробнее об этом шоу.

— Автором идеи выступил директор театра Эдуард Асланов, он придумал вот такое шоу с динозаврами, и понятно, почему: все дети фанатеют от динозавров. И название театра — Театра иллюзии — диктует многожанровый подход к тем спектаклям, которые выпускаются. Было интересно поставить спектакль с динозаврами, которые выглядят очень

реалистично. Начиналось с того, что актеры, отвечающие за движение и пластику огромных динозавров, учились в этих костюмах двигаться, чтобы эти динозавры выглядели максимально реалистично, и синхронизировали их с музыкой. А потом уже работали непосредственно с сюжетом, с актерами драматического театра, которые задействованы в этом шоу, с артистами балета, со службами, которые выполняют огромную работу по обеспечению технических моментов, когда должны вовремя открыться люки, работать подвесы, машинерия сцены — все, что происходит при их помощи. То есть очень огромное количество людей задействовано в этом спектакле — и на сцене, и за кулисами. Интересно работало, потому что это шоу синтезировало в себе разные жанры — не только драматического театра, но и мюзикла.

— У Театра Иллюзии своя стилистика — и мюзиклы, и драматические спектакли и, конечно, иллюзионные. Легко ли было влиться в новый для вас коллектив?

— Очень легко. Я не устаю говорить, что театр — это люди. Это не здание, не жанры, это, в первую очередь, люди, которые там работают. Вот если с людьми находишь общий язык, все будет нормально. Как-то у меня с самого начала сложились отношения с режиссерами и актерами, поэтому не было каких-то неприятных моментов. Все шли навстречу,

все работали на одно дело — выпуск спектакля. Подсказывали, помогали. Если я, например, не очень владею иллюзионными приемами и режиссурой иллюзий, есть специалисты, которые работают в этом жанре — и актеры, и режиссеры. Все с удовольствием помогали, какие-то технические вещи показывали — как, например, надо исчезнуть или полететь по небесам. Ну, в общем, придумывали все вместе. В этом и есть самая главная суть театра — вместе делать одно дело... И не только театра, но и жизни.

— В прошлом году вышла ваша премьера «Женитьба» в Театре Иллюзии. Почему именно Гоголь?

— Гоголь — один из самых моих любимых писателей. Загадочный для меня писатель и человек. Когда я попытался его разгадать, то мне он стал еще более интересен как символист. Не мистик, а именно символист. Вот, например, пьеса «Женитьба». Она написана, конечно же, не просто про какого-то Подколесина, которой решил жениться, но очень боялся. Меня интересуют вселенские сверхтемы, которые Гоголь закладывал. Так же и в этом спектакле меня интересовала совсем не комедийная тема. Там тема о непродолжении человеческого рода. В связи с тем, что наши амбиции или страсти сильно на это влияют, мне показалось, что эта тема сегодня актуальна для молодежи, да и вообще для всех.

Вроде бы смешно, но становится немножко страшно в конце. Когда мы с Эдуардом Эдуардовичем Аслановым рассуждали, какой материал взять в постановку, мне удалось его убедить, он со мной согласился и, думаю, что

не ошибся, потому что билетов на спектакль не купить, всегда аншлаги, благодарные отзывы, спектакль получился. Самое главное, что там есть мощная тема, которая воздействует на людей, чтобы они смогли задуматься, а не просто похихотать.

— Кто из литературных героев вам близок по духу?

— Это очень сложный вопрос. Но сейчас я думаю, что это Хома Брут. Потому что мне интересно, как этот человек от полного безверия пришел к настоящей вере в Бога, что за промысел Божий с ним случился? Думаю, что, наверное, остановлюсь на этом персонаже.

— Многие стремятся поступить в театральный, но немногие поступают, а остаются в профессии вообще единицы. Как бы вы объяснили вашу историю успеха?

— Не знаю, история ли успеха у меня. Я вообще об этом как-то не задумываюсь — об успехе. Может быть, поэтому как-то и двигаюсь в театральном мире (смеется). Мне кажется, что, как только начинаешь задумываться об успехе, это только мешает профессии. Просто надо честно делать свое дело, а успех придет. Да и смотря что называть успехом. Когда люди аплодируют? Или, когда ты много зарабатываешь денег? Для меня успех — когда ты по-настоящему стал посредником между великим автором и сегодняшним зрителем, донес ему тот материал, который напи-

---

сал когда-то очень интересный автор, поговорил с людьми о той или иной теме, о тех или иных проблемах, и, возможно, даже открылся какой-то путь их решению, какие-то болевые точки вскрылись. Вот об этом надо думать, и тогда, пожалуй, придет к тебе успех.

— Вы также были актером, не тянет обратно в кино?

— Я все-таки театральный человек, в кино немного снимался. Меня интересует кино, но с точки зрения режиссуры. Я постоянно отказываюсь от актерских предложений, потому что надо все же сидеть на одном стуле: либо ты актер, либо режиссер. Когда я это понял, тогда очень спокойно решил для себя, что прекращаю заниматься актерским ремеслом. Да, несколько спектаклей у ме-

ня есть, я их играю с удовольствием, но не более того.

— Вы ставите еще и детские спектакли, к примеру, «Вождь краснокожих», что, по-моему, сложнее вдвойне. Как работаете с детьми? Помогает в этом ваш личный семейный опыт?

— Что касается детских спектаклей, я очень люблю это дело. Наверное, это самое сложное направление в театре. Особенно сегодня, когда нужно современному ребенку интересно и познавательно рассказать историю. Как? Вот у меня два сына, берешь книгу, начинаешь им читать и думаешь, как это сделать, чтобы им было интересно, когда в приставках какая-то суперграфика, по телевидению мультфильмы со спецэффектами, гаджеты — все,

что хочешь. Как другими средствами рассказать эту историю, чтобы они с удовольствием посмотрели и что-то поняли для себя? Я сам себе доказал — можно. Но только при помощи одной вещи — при помощи живого общения здесь и сейчас. Когда актеры, рассказывая историю, общаются с тобой. И ты вдруг понимаешь, что ребенок видит — перед ним живая история. Оказывается, нужна только правда на сцене, тогда ребенок втягивается и очень внимательно слушает. Так что вывод один — если ты правдиво театральными средствами рассказываешь историю, то ее будут смотреть. Конечно, это требует большой фантазии, придумок. Но как только в спектакле появляются фантазия, юмор, динамика, радость и живое общение, спектакль принимается детьми.

— *Согласны ли вы с утверждением, что режиссер — это тот же актер, но с мозгами?*

— Актер может быть с мозгами, может быть и без мозгов. Здесь совершенно другая история — у режиссера и актера разные типы мышления. У актера тип мышления эмоциональный, а у режиссера — рациональный. Человек, который может переключаться с рационального на эмоциональный, может быть и актером, и режиссером. Просто некоторые неправильно трактуют эту фразу, я понимаю, о чем вы говорите — актер не должен думать на сцене, а должен действовать в рамках роли, делать то, что выстроил с ним режиссер. Но на

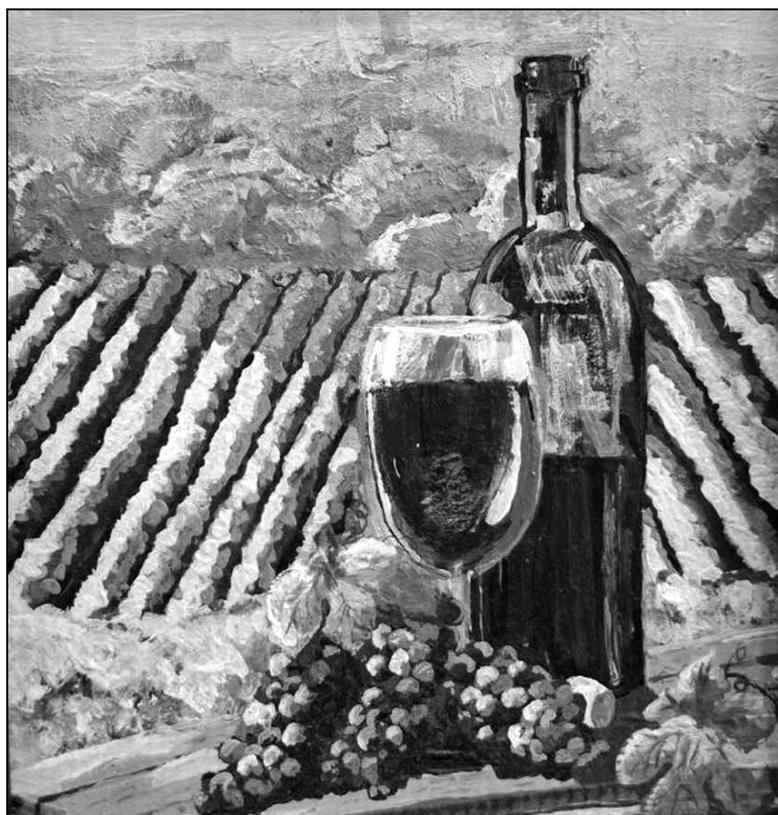
самом деле актер должен быть все-таки умным человеком. Бывают балбесы, но Боженька так поцеловал их в лоб, что это перекрывает их любые не очень умные поступки в жизни. Случается, на сцене гениально работает человек, выглядит умнейшим, а в жизни полный болван. Бывает, режиссеры не очень умны, но называются режиссерами, поэтому здесь очень тонкая грань понятия...

— *Поговорим о другой вашей ипостаси. Вы еще и картины пишете! Откуда приходит вдохновение?*

— Картины я пишу, когда пауза в работе, например, в летнее время. Но таких пауз все меньше, потому что загружаю себя разработкой новых спектаклей. Люблю писать картины, очень люблю писать маслом, писать пейзажи с природы или по фотографии. Вообще люблю импрессионизм, поэтому именно в этом ключе мне нравится попробовать себя. Откуда приходит вдохновение? Когда видишь нашу природу, хочется ее написать. И когда пишешь картину, очень здорово думается — о театре, о жизни размышляешь. А если ночью — вообще хорошо думается...

— *Вот уже 25 лет вы находитесь «в статусе» художника...*

— Неужели так много? Всегда любил рисовать. Еще со школьных времен какие-то картинки в рамки вставлял, на даче писал небольшие миниатюры. Не помню, когда я решил

взяться за кисть, но периодически это делаю. Даже стал членом Союза художников Москвы. Делаю все в свое удовольствие — и в живописи, и в театре. А когда делаешь в свое удовольствие, с доброй энергией, с любовью к делу, тогда и зритель, и артисты это чувствуют, и получается спектакль, который люди принимают.

— Что бы вы еще хотели поставить? Какие идеи сейчас витают в Театре Иллюзий?

— Есть несколько пьес, которые я хотел бы поставить. Но мы все-таки будем отталкиваться от репертуарной политики Театра Иллюзии. Дело в том, что в театре огромное количество спектаклей по классическим произведениям. Они разные, инте-

ресные. Но мне кажется, что театр заработал право на то, чтобы работать над легкой по восприятию, но нелегкой по производству и по репетициям комедией. Настоящей комедией, чтобы человек пришел отдохнуть, посмеяться. Это было бы сделано профессионально, четко, чисто. Комедии ставить очень сложно, там свои законы и требования к профессии — у артистов должно быть чувство жанра. Здесь все очень не просто, но думаю, что актерам будет полезно окунуться в такой материал, не буду пока раскрывать названия. Но следующая легкая комедия должна состояться в конце апреля... □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Взаимопонимание и доверие в паре — это ключ к гармонии в отношениях

Сегодня в гостях у «Смены» Светлана Королева, практикующий психолог и арт-терапевт. Как специалист, она помогает людям находить пути к взаимопониманию, любви и уважению в отношениях. По словам Светланы, ее миссия заключается в том, чтобы «вдохновлять пары на совместное открытие своего истинного потенциала и создание гармоничного союза». Светлана Королева поделится с вами советами, которые помогут укрепить вашу связь, углубить взаимопонимание и создать атмосферу любви и поддержки в ваших отношениях.

Современные пары очень часто сталкиваются с трудностями в общении, которые приводят к конфликтам и отдалению друг от друга. Из-за ежедневной суеты, давления со стороны работы и других обстоятельств мы порой забываем о важности качественного общения в отношениях. Эмоции накаляются, и вместо поддержки мы иногда становимся причиной стресса друг для друга. Если вы чувствуете, что ваши отношения нуждаются в улучшении, и что между вами возникла дистанция, не стоит впадать в панику. Как практикующий психолог в теме отношений, я хочу поделиться с

вами несколькими советами, которые помогут вам наладить диалог и восстановить близость в паре.

Эти советы дадут вам возможность не только улучшить коммуникацию, но и сделать ваши отношения более глубокими и эмоционально насыщенными. Наладить общий язык с партнером — это первая ступень к созданию гармоничного и поддерживающего пространства, где оба партнера могут расти и развиваться вместе. Когда обе стороны готовы работать над собой и своими отношениями — это залог успеха.

Ниже описаны ключевые аспекты, на которые следует обратить внима-

ние для улучшения взаимопонимания в ваших отношениях:

I. Слушайте друг друга

Один из самых важных аспектов общения — это умение слушать и слышать. Когда вы и ваш партнер обсуждаете свои чувства или проблемы, старайтесь не просто ждать своей очереди что-то сказать, но и внимательно выслушать собеседника. Задавайте уточняющие вопросы, если вам что-то непонятно, тем самым показывая, что вы действительно хотите понять его точку зрения. Вот несколько примеров уточняющих вопросов:

По поводу чувств:

— «Что ты чувствуешь сейчас?»

— «Почему это для тебя так важно?»

По поводу мыслей:

— «Как ты пришел к такому выводу?»

— «Можешь объяснить, что ты имеешь в виду под этим?»

По поводу действий:

— «Почему ты решил поступить именно так?»

— «Что можно сделать, чтобы это не повлияло на наши отношения?»

По поводу обсуждения каких-либо ситуаций:

— «Можешь описать, как это выглядело с твоей точки зрения?»

— «По твоему мнению, что было причиной возникшего конфликта?»

По поводу совместных решений:

— «Как ты думаешь, что нам нужно сделать, чтобы решить эту проблему?»

— «Что, по твоему мнению, мы можем улучшить в нашем взаимодействии?»

По поводу планов и ожиданий:

— «Что ты ожидаешь от нашего совместного времени?»

— «Какие у тебя есть идеи для наших выходных?»

Используя эти уточняющие вопросы и внимательно слушая, вы сможете лучше понять партнера, а также создать атмосферу, в которой оба будете чувствовать себя услышанными и понятыми.

2. Открыто выражайте свои чувства

Не бойтесь делиться своими эмоциями. Часто конфликты возникают из-за недомолвок и недосказанности. Посмотрите на свои чувства как на важный аспект вашего общения. Используйте «я-сообщения», чтобы делиться своими переживаниями, например по следующей схеме:

1) «Я чувствую себя ненужной, когда ты...»

2) «Потому что...» поясняете, почему так себя чувствуете.

3) «И мне бы хотелось...» рассказываете о своих пожеланиях.

Это формат ненасильственного общения, который поможет избежать обвинений и защитной реакции партнера.

3. Ищите компромиссы

Отношения — это не соревнование, а сотрудничество. Обсуждая возникшие проблемы, всегда старайтесь находить место компромиссам. Обсудите с партнером, на какие уступки готов пойти каждый из вас ради блага отношений. Да, это может потребовать некоторого времени и терпения, но важно находить решения, которые будут удовлетворять обе стороны.

4. Регулярно проверяйте состояние ваших отношений

Проводите регулярные «душевные разговоры о состоянии дел» в ваших отношениях. Это может быть простая беседа за ужином, где вы обсуждаете, что хорошо, а что требует внимания. Открытость к таким обсуждениям укрепит вашу связь.

5. Умение прощать — важный навык

Конфликты — это естественная часть любых отношений, и, на самом деле, они являются важным этапом нашего личностного роста. Когда мы сталкиваемся с недопониманием или разногласием, у нас появляется возможность лучше осознать свои чувства, потребности и ту динамику, которая формируется в паре. Умение прощать и отпускать обиды — это важный навык, который не только помогает избежать накопления негативных эмоций, но и способствует укреплению взаимопонимания и эмоциональной близости.

Но как же научиться прощать?

Признание своих негативных эмоций: Первый шаг на пути к прощению — это осознание и принятие собственных чувств. Вместо того чтобы копить и скрывать обиды, признавайте их наличие. Это не только освобождает вас от внутреннего напряжения, но и позволяет более ясно понять себя и свои реакции.

Проговорите свои чувства: Важно открыто делиться своими эмоциями с партнером. Проговаривайте то, что вы чувствуете, задавайте вопросы, интересуйтесь его мнением и эмоциями. Это поможет создать пространство для честного диалога, в рамках которо-

го партнеры могут выразить свои переживания и искать общие пути решения.

Выясните ситуацию на месте: Вместо того чтобы позволять конфликту перерасти в накопление недовольства, старайтесь разобраться в ситуации прямо в моменте. Открытые и искренние беседы в моменте предотвращают дальнейшее обострение конфликта.

Прощение — это не только освобождение от груза негативных эмоций, но и важный шаг к созданию прочных и гармоничных отношений. Умение прощать открывает путь к более здоровым и крепким отношениям, которые могут преодолеть любые трудности.

6. Обратитесь за помощью при необходимости

Если вы понимаете, что самостоятельно справиться с проблемами и обидами в отношениях сложно, не стесняйтесь обращаться к профессиональному психологу или семейному консультанту. Они могут помочь вам разобраться в ваших чувствах и научить эффективным методам общения.

Важно помнить, что любые отношения требуют внимания и являются постоянным процессом взаимодействия обеих сторон. Следуя этим рекомендациям, вы сможете восстановить атмосферу доверия и близости в ваших отношениях, а также открыть новые горизонты для понимания и любви. Это приведет к более гармоничным и счастливым отношениям.

Будьте готовы к изменениям и растите вместе! Ваши отношения заслуживают этого! □

Записал **Дмитрий Соколов**
<https://t.me/nepsyholgia>

Жена с помойки

Холодный дождик занудно и противно барабанил по жестяной крыше который день подряд. На дачной улице, насколько хватало взору из настержь открытого, несмотря на сильный дождь, окна второго этажа старого деревянного дома, украшенного затейливой резьбой наличников на окнах, было тихо и пустынно. Конечно, а кому было гулять по вьющейся к станции стежке-дорожке, заботливо обсаженной кустами источавших умопомрачительные ароматы сирени с акацией да шиповника с жасмином в такую сырую и ненастную погоду?

Монотонно-дремотную тишину настроения, в котором с утра пребывал наблюдавший за этой невеселой картиной из окна Денис Жаров, нарушила своим громким карканьем перелетевшая с сосны на елку насквозь промокшая от дождя ворона. Без всякого смущения она уселась на росшую под окном дома огромную пушистую красавицу, и, нагло прищурившись, стала громко и надрывно каркать, чем еще больше испортила и без того невеселые с самого утра мысли и настроение хозяина. Денис быстро встал с кресла, высунулся в окно и резко хлопнул в ладоши. Но противная птица и бровью не повела, наоборот, стала каркать еще сильнее и громче. Денис перевел взгляд на комнату, быстро взял первую подвернувшуюся ему в руки толстую книгу и со всей злостью запустил ею в проклятую ворону. Как и следовало ожидать, та ловко увернулась, и, надрывно каркнув еще несколько раз напоследок, улетела в дальний лес.

Вообще-то к книгам Денис всегда относился бережно. И читать тоже с самого детства очень любил, не растеряв с годами, несмотря на все сыпавшиеся из него в последние годы несчастья и невзгоды, этой казавшейся ему самому весьма полезной привычки. Спасибо покойным родителям!

Денис широко зевнул, от души потянулся, снова сел в любимое кресло-качалку, закутался в уютный клетчатый плед, прикрыл глаза и погрузился в сладостные для его души воспоминания. То были яркие картины жизни

с папой и мамой, бабушкой и дедушкой, сестрой и братом на даче. Как давно это было, а кажется, будто вчера, настолько явственно и четко он все помнил. Он был тогда счастлив, молод и беззаботен, но, не понимая этого, не ценил то счастливое время. Ему казалось, что так будет всегда: дом — полная чаша, счастье, радость, детский смех... Но после той страшной аварии, в которой разом погибли и его любимые бабушка с дедушкой, и брат с сестрой, все как-то разом и, как показало время, навсегда оборвалось. А ведь он, Денис, был тогда с ними в машине во время той проклятой аварии. На переднем кресле ехал, не пристегнутый как обычно, хотя дед всегда ворчал на него за это. И вот ведь какая горькая ирония судьбы — он один из всех и выжил — его выбросило ударом на густую траву. Можно сказать, в рубашке родился, отделался лишь несколькими большими синяками, которые, кстати, довольно быстро сошли. А вот все остальные...

Его дорогие и любимые родители не вынесли свалившегося на них горя и тихо ушли за пару лет в мир иной один за другим. Денис тоже долго переживал ту трагедию, но его природное жизнелюбие, усиленное энергией молодости, победило. Он потом даже женился, как ему тогда казалось, весьма счастливо и удачно. Спустя несколько лет у него уже были сын и дочка, в которых он души не чаял, стараясь проводить с любимыми чадами и супругой как можно больше своего свободного времени, и временами вновь чувствовал себя счастливым, почти как в детстве. Казалось, душевные раны затянулись, и судьба дала ему новый шанс. Только вот несколько лет назад, придя домой немного пораньше со службы, он вместо своей дорогой Верочки и деток обнаружил в пустой квартире на кухонном столе записку. В ней мелким убористым почерком жены сухо и буднично сообщалась, что она полюбила другого и уезжает с детьми к нему. Последовавший после ухода теперь уже бывшей жены развод и крайне мелочный раздел с ее стороны совместно нажитого имущества, большая часть из которого принадлежала ему еще до брака, он помнил плохо и смутно. Не до того было: голова тяжелая и чугунная, перед глазами пелена, все как в тумане, к тому же, у него долго и сильно болело сердце, в основном, из-за детей, которых теперь уже бывшая жена быстро строила против родного отца. Ему даже пару раз из-за переживаний пришлось лежать в неврологических клиниках, но он вовремя сумел взять себя в руки, быстро осознав, что лекарственная терапия и постоянный прием антидепрессантов окончательно подорвут его и так расшатанное здоровье и откроют прямой путь на тот свет раньше срока.

Первые несколько лет после развода Денис регулярно ездил к детям в Сыктывкар, где они теперь жили, забирал их к себе в Петербург на каникулы, показывая им красоты северной столицы — города, где родились

его сын с дочкой, но которого они фактически не видели и не знали. А потом время и расстояние сыграли свою роль — дети постепенно отвыкли от отца и все меньше и меньше тянулись к нему, что с горечью отмечал Денис с каждым новым своим приездом в Сыктывкар. От этого у него на глазах наворачивались слезы, которые он украдкой смахивал на вокзальном перроне, прощаясь с детьми и садясь в поезд до Питера. К горлу подступал предательский ком, который с каждым отъездом не проходил все дольше, так, что порой становилось даже больно глотать. Честно говоря, он попробовал как-то забыться и в стельку напиться, но ничего из этой затеи у него не вышло. Смолоду не пил никогда, даже на праздники, чем всегда вызывал на застольях открытое осуждение и, одновременно, тайную зависть. Только на душе от этого стало еще более тоскливо...

А тут у него на работе произошел острый конфликт с новым директором, который был из тех, «кто молодой, да ранний». Денис на эмоциях написал заявление по собственному. Начальник, не моргнув глазом, его тут же подписал. Теперь у Жарова повилась уйма свободного времени. Чтобы не сойти с ума от безделья, Денис решил полностью привести в порядок городскую квартиру. Ремонт в ней давно уже не просто просился, а крикливо требовался. Да и вся мебель, обстановка и даже обои напоминали ему о прошлой счастливой семейной жизни, от которой нынче не осталось и следа. Поскольку зарабатывал он в конторе весьма неплохо, кое-какие накопления у него имелись, поэтому Денис не стал заниматься поиском нового места работы, а вместо этого обратил усилия на преобразование выходявшей эркерным окном на изгиб канала Грибоедова городской квартиры.

Целый месяц он почти ежедневно «кормил» помойку во дворе, сваливая в мусорные бачки мешки со всяким хламом и оставляя на поребрике тюки с кучей еще вполне приличных, но ставших ему совсем не нужными вещей. Кое-что из вынесенного им хлама буквально тут же, едва он успевал скрыться в парадной, уносили в закоулки городских подворотен сомнительного вида неизвестные. Правда, Денис тоже был грешен, не раз и не два приносил в свою холостяцкую берлогу с ближайшей мусорной свалки... книги. Не все, естественно, в его доме и так с детства было море книг, а лишь самые ценные и нужные для него: подписные издания, позолоченные переплеты собраний сочинений и отдельные тома Лермонтова, Достоевского, Паустовского, Вальтера Скотта, Серафимовича, Григоровича и многих других авторов. Ну да, вот такой он, Денис, книжный червь, не мог равнодушно пройти мимо выставленных у мусорных бачков, а то и брошенных прямо в них стопок или даже сумок с книгами. Видимо, хозяева квартир из окрестных домов по соседству медленно, но верно менялись, а новым владельцам жилья в центре Петербурга подписные из-

дания, за которыми он в далеком детстве стоял вместе с родителями в очереди на макулатурные талоны, были совсем ни к чему.

Так прошла пара месяцев, а на майские праздники Денис, основательно расчистив свои персональные «авгиевы конюшни», вручил ключи от квартиры знакомому еще по университету приятелю, жизнь которого после красного диплома и диссертации вывела в руководители бригады отделочников квартир, и уехал на любимую с детства дачу. С собою Жаров прихватил самый необходимый минимум вещей, включая старый, уже не подлежащий никакому апгрейду и давно требовавший замены, но до сих пор работающий ноутбук, просто-таки огромную библиотеку, начало которой положили еще его бабушка с дедушкой, и которая занимала весь просторный коридор в его питерской квартире. С чем-чем, а вот с книгами Денис так и не смог расстаться, выбросить их на помойку рука не поднималась. Друзья-приятели, кому он их предлагал забрать частями или все разом просто так, за бесплатно, прямо и без обиняков говорили, что век книг прошел, и хранить дома уйму книг уже не модно, не современно, да и не актуально в конце концов: все можно найти и прочитать в Интернете, а если уж совсем припрет, то записаться в библиотеку и взять нужную книгу на время там. А вместо пыльных книжных шкафов во всю стену лучше на той же стене плазму повесить с сотней каналов, а то и модный принт или постер какой-нибудь. Это будет в тренде...

Жаров никого не стал слушать и сделал по-своему. Сотни книг были вынуты из шкафов, уложены в десятки увесистых дорожных сумок и больших картонных коробок, которые переключевали в вызванный грузовик, а потом на даче полностью заняли одну из комнат. Денис наугад распаковал пару стоявших одна на другой коробок с книгами, вынул несколько лежавших сверху и пролистал. На глаза попались на разворотах внутренних обложек надписи-посвящения от родителей и бабушки с дедушкой — ему или сестре с братом: «Дорогому внучку Денису в честь 1 сентября, Дня знаний, на добрую память от бабы с дедом», «Любимой доченьке Ари-не от папы и мамы в день ее рождения», «Милому сыночке Алешке на 23 февраля от любящих его папы и деда».

Ком опять предательски подступил к горлу, и он положил книги обратно в коробки, запаковал и решил разобрать их когда-нибудь потом, когда городской ремонт будет закончен.

Однако ремонт в питерской квартире ожидаемо затянулся, и Денис понял, что ему придется задержаться на даче как минимум до холодов. По правде говоря, он такому раскладу даже обрадовался: дачу он с детства любил, но так долго никогда за все свои годы еще не жил здесь. Да и ста-

рый деревянный дом с большой верандой, на которой бабушка когда-то разливала всем настоящий ею с любовью на травах душистый чай из угольного самовара с трубой, тоже требовал ухода и ремонта. Вот им-то Денис и решил заняться со следующей недели...

Жаров открыл глаза, встал с кресла и вспомнил о брошенной в ворону книге. «И чего это на меня нашло? Нехорошо как вышло, книгами бросаться. В руках надо себя держать: и настроение свое, и книги. Да и птица в чем виновата?!» — мысленно распекал себя Денис и выглянул в окно: книга мокла под дождем чуть поодаль от елки в углу у забора, и он решил спуститься вниз, чтобы забрать так опрометчиво брошенную в ворону книгу и просушить ее потом у печки.

Он надел сапоги и брезентовый, еще дедов, плащ с капюшоном и вышел во двор. Обойдя дом, подошел к книге, смахнул с нее капли дождя и взглянул на обложку, на которой на фоне синего моря и желтой степи было вытеснено крупными буквами: «Жаров Д.Ю. Ветер странствий». А чуть ниже и мельче: «Сборник рассказов». Это была его книга! Денис бережно вытер ее от дождевой влаги и, вернувшись в дом, положил на обеденный стол на веранде с намерением обязательно просушить ее, а заодно и перечитать написанные им еще в ранней юности рассказы.

А пока надо было все-таки отнести накопившийся в доме мусор на помойку через все дачные линии. Прошлепав в болотных сапогах по разлившимся из-за дождя глубоким лужам, Жаров вышел на небольшую полянку на окраине поселка, где стоял мусорный бак. Обычно большой контейнер был всегда набит доверху самым разным мусором, который тащили со своих дач и участков обитатели поселка, но сейчас он был с виду пуст, видно, на днях весь мусор вывезли. Размахнувшись, Денис метко забросил увесистый пакет с мусором прямо в середину контейнера и уже повернулся, чтобы идти обратно до дому, как вдруг из чрева контейнера раздался громкий плач. У него разом все похолодело внутри. На еле гнущихся ногах он подошел к контейнеру, встал на цыпочки и, ухватившись руками за один из бортов, подтянулся, чтобы увидеть источник поразившего его плача. На дне контейнера, на стопках кем-то выброшенных книг сидела миловидная молодая женщина и, плача, терла рукою покрасневший лоб.

— Что вы тут делаете? — спросил Денис.

— Что, что, книги смотрю. Вон сколько в «мусорку» выбросили, целую библиотеку! Варварство какое-то! И сколько тут хороших! Я с детства не могу спокойно пройти мимо книг, а тут пошла выбрасывать мусор и «зависла», что называется. А вы мусором бросаетесь, прямо в глаз, между прочим. И в лоб еще до кучи попали. У меня шишка теперь будет, а мне в

город надо ехать, послезавтра дочка в 11-й класс идет, хочу ее проводить. Как я теперь с таким фингалом пойду?! А завтра еще свидание с женихом, наконец-то встретила нормального человека после развода. Что вы наделали! Черт бы вас подрал с вашим мусором! — скороговоркой выпалила незнакомка.

— Так вообще-то это помойка, она для того и существует, чтобы мусор в нее бросать, — ответил Жаров и тут же понял, что сморозил явную глупость в данной ситуации. Женщина в помойке заплакала пуще прежнего, навзрыд, со всхлипами.

Денис обошел контейнер и протянул руку:

— Давайте, вылезайте, дождь льет как из ведра, промокните тут совсем, не ровен час, простудитесь и заболаете. Вылезайте же!

Но незнакомка ничего ему не ответила, а продолжала сидеть под дождем на книгах внутри контейнера, уткнувшись лицом в колени, мелко всхлипывая и дрожа всем телом.

«Какие роскошные у нее волосы», — некстати пронеслась у Жарова в голове мысль, и он невольно залюбовался ее длинными, вьющимися локонами, по которым стекали на книги струйки дождевой воды. Недолго думая, Денис тоже залез в помойку, подсел к незнакомке и, тронув ее за плечо, робко произнес:

— Простите меня, пожалуйста, я же не нарочно. Я не знал, что вы тут, даже подумать не мог. А с улицы не видно ничего. Я тоже очень люблю книги, вот даже на дачу из города на время ремонта всю библиотеку перевез. Только распаковать коробки и расставить все по местам времени нет. Я в Питере тоже порой с помойки книги хорошие домой приношу, хотя их давно уже некуда ставить. Пожалуйста, не плачьте! Давайте вылезать, а то промокнем оба под дождем до нитки. Пойдемте ко мне в гости, я вас чаем напою из самовара по бабушкину рецепту. Меня Денис зовут, — представился Жаров.

— А меня — Марина, я с пятой линии, Дом у леса, ближе к станции. Очень давно на родительской даче не была, с развода. Вот вырвалась из города на пару дней, решила прибраться в доме, а тут вы со своим мусором... деретесь, — быстро выпалила она, но в ее голосе уже не было злости, а в глазах пробежали озорные искорки.

«Какая же она красивая! — подумал Денис. — Даже с мокрыми и спутавшимися локонами, с подтеками туши на лице и с растущей на глазах шишкой на лбу». А вслух произнес:

— А я с третьей линии. У меня большой деревянный дом у ручья, напротив трансформатора. Его мои бабушка с дедушкой строили.

Марина неожиданно широко улыбнулась и сказала:

— Надо же, я ведь тебя помню, имя только напрочь забыла за давностью лет. Ты играл как-то летом с ребятами в футбол на поле, а мне с подружками тоже хотелось сыграть с вами. Но вы девчонок не брали, к тому же мы были на несколько лет младше, совсем не компания вам.

«Как интересно, мы уже на «ты», — отметил про себя Денис, но промолчал.

А Марина продолжила: «Ну, так что, кавалер-разбойник, предложение насчет чая в силе? — Денис утвердительно кивнул. — Тогда давай отсюда выбираться и пойдём пить твой чай, а то я действительно совсем промокла».

По дороге домой сердце Дениса учащенно колотилось от радости. Он глупо улыбался, хорошо, что шедшая за ним по узкой дорожке Марина этого не видела. Зайдя в дом, он, смущаясь, предложил девушке переодеться в его сухую одежду и, к его удивлению, она без всяких экивоков тут же согласилась.

Пока Денис растапливал печку, Марина вызвалась сама разжечь угольный самовар и заварить чай, сказав, что в городе такого чаю не выпьешь, а она давно мечтала это сделать, да не нашла пока из-за нехватки времени на своей даче угольного самовара. Видно, он где-то припрятан на чердаке.

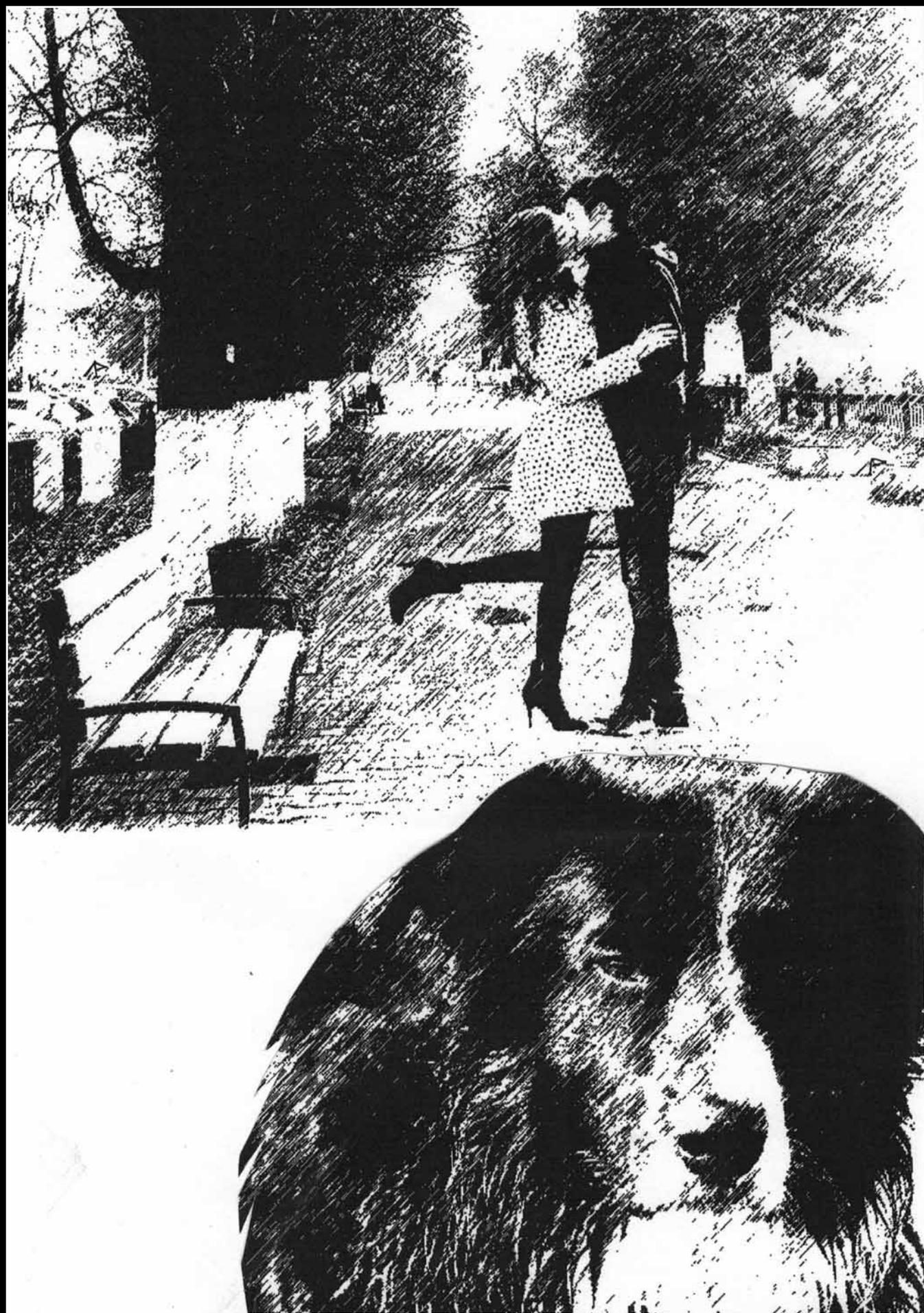
Они стали накрывать стол имевшимися у Дениса припасами к чаю, и вдруг Марина, подняв голову, в упор посмотрела на него и спросила:

— Так, а жена твоя где? В городе с детьми? Или в гостях у соседей? А то вернется сейчас, войдет в дом, а у тебя на веранде накрывает на стол симпатичная женщина. Что будешь тогда делать, а? — заговорщицки подмигнула она ему.

Денис повернулся к ней и, глядя прямо в глаза, как на духу, выложил перед гостьей всю свою жизненную историю.

— Ой, прости меня, Денис, я же не знала. Прости, пожалуйста! — На глазах у девушки выступили слезы, она подошла к Жарову, прижалась к нему, обвила руками его шею и нежно поцеловала в щеку. Денис ощутил пьянящий аромат ее волос и прижал Марину к себе, поцеловав в макушку. Марина не отстранилась, наоборот, прижалась к Денису сильнее, уткнувшись в его грудь. А потом они целовались долго и страстно, нежно и сильно, и все никак не могли оторваться друг от друга...

Следующие пару лет Денис с Мариной на даче не были. Соседи звонили и спрашивали, уж не случилось ли чего. А на третий год приехали, уже со своим маленьким сынишкой. Он был больше похож на Дениса, такой же курносый, но с вьющимися каштановыми волосами и бездонно-голубыми глазами, как у Марины. А дочка Марины Оксана и подростки дети Дениса заезжают к обретшим новое семейное счастье молодым пусть и не по возрасту, но счастливым по духу родителям. □

Вселенский стриптиз

Глава шестая ПЛЕННИК

— Верунь, что-то мне очень беспокойно на сердце!

— Валерьянки выпей!

— Зачем ты так? Причем здесь валерьянка? Дуська на звонки не отвечает!

— А чего ей отвечать?! Деньги наши заполучила и свалила небось из города.

Верунь, ей некуда сваливать! Она одинокая, некрасивая, несчастная баба! Ни одной родной души у нее нет! Я же ее по рекомендации Нины Сергеевны на работу брала, а Нина Сергеевна бок о бок с Дуськой в коммуналке много лет прожила! И мать ее знала. Говорила, что Дуська девка странная, но хорошая.

— Да уж, хорошая! Воровка, шантажистка, дрянь! И столько про нас знает! Знаешь, Кларунь, мне плевать, что с ней, главное, чтобы она Леве с Диной ни о чем не проболталась. Иначе...

— Вот я и говорю тебе, дорогая, что на сердце у меня беспокойно! Не отвечает Дуськин мобильный, а ведь она должна была позвонить, отчитаться о варианте «Б»! Не могла же она удрать, ничего не сделав! Мы столько денег ей заплатили!

— Могла! Еще как могла! Но больше всего меня волнует, что Дина не отвечает! Я ей звоню, звоню весь вечер...

— Как, и она тоже? Господи, Лев тоже молчит! Говорю же, на сердце у меня...

— Валерьянки выпей и черной икрой заешь!

— Зачем ты так? Это наше общее дело!

— С трупешником ты придумала! Лишнее это было...

— Но искра! Ты сама говорила, что между ними обязательно должна проскочить искра, а для этого нужна настоящая опасность, настоящий криминал!

— «Искры» можно было добиться миллионом других, менее дурацких способов. В результате, эта рыжая сволочь исчезла вместе с нашими деньгами, Дина пропала, Лев не отвечает, и что делать дальше — абсолютно непонятно! Из-за тебя, Кларунь, такое дело может полететь в тартарары!!

— Из-за меня?!

— Да! Ты вечно со всем мудришь! С черной икрой, со своим возрастом, с трупами, с... Вот чего ты ревешь? Чего ревешь, старая кляча, я спрашиваю? Если наше дело у нас не получится, во всем виновата будешь ты и только ты!

— Бросаю трубку! Не хочу тебя больше слушать! Бай!

— Ну и бросай! И я не могу! Бай-бай!

Как только дверь «фольксвагена» распахнулась, и из него выстрелили две длиннющих ноги в высоких сапогах на шпильках, Клим понял, что пропал. Так выходить из машины могла только женщина его мечты.

И так орать.

И так трясти гривой светлых волос.

И так сверкать глазищами непонятно какого цвета, потому что гнев сделал их черными как грозовая туча.

Черт его знает, кто был виноват в этой мелкой аварии: он втискивал жирные бока своего джипа в узкое парковочное место, а она на своем «цыпленке» вдруг резко сдала назад. Правая противотуманка треснула, на бампере появилась ощутимая вмятина, но все это стоило того, чтобы посмотреть, как она злится.

Ущерб был гигантским, учитывая стоимость его автомобиля и запчастей к нему, — и оттого она орала еще громче, услаждая его слух и зрение.

— Нет, ну глаза есть?!! А мозг?!! А рефлексы?! Я же задом еду, мне видно плохо!!! Пропустить женщину даже в праздник не можешь?! Ау, дядя, ты слышишь?! Девочкам надо уступать!

Как же он обрадовался, когда выяснилось, что им нужно в одну квартиру!

В процессе бурного вечера выяснилось, что зовут ее Нора. А еще оказалось, что идея «зачистки территории» с помощью обнаженных тел, заказанных в развлекательных фирмах, пришла не только в его гениальную голову, но и в Норину.

Что это — родство душ?!

Когда Дина и Лев умчались наверх, чтобы остановить кровавый потоп, Клим быстро сообразил, что нужно поворачивать ситуацию в свою пользу.

— Мальчишки и девчонки! — громко обратился он к труженикам шеста. — А давайте-ка гуськом топаем на выход, покидаем эту страшную квартиру, освобождаем территорию. Топаем, топаем, топаем!! — Для убедительности он замахал руками, указывая на выход.

— За нами машины еще не приехали! — дружно загалдели все. — Мы что, пешком отсюда поспремся?!!

— А мы вот что сделаем! — Клим натянул пуловер, сброшенный во время танца, сбегал в комнату к Левину и вернулся со своей барсеткой. Выхватив из кожаного нутра пачку евро, он помахал деньгами в воздухе: — Я плачу вам шесть тысяч евро за то, что вы всей толпой аллюром добежите до Красной площади и станцуете там танец с саблями из балета «Спартак».

Двадцать пар жадных рук взметнулись вверх, чтобы забрать у него деньги.

— Вот и договорились, — обрадовался Клим. — Не забудьте — танец с саблями из балета «Спартак». Если в завтрашних новостях не будет сюжета о вашей выходке, из-под земли вас достану и отниму деньги!

— А где же они сабли возьмут? — загибаясь от хохота, спросила Нора, когда дверь за шумной толпой захлопнулась.

— Ты что, всерьез думаешь, что они попрутся на Красную площадь исполнять мое задание? — удивился Клим.

— Думаю, да. — Нора легла на диван и уставилась в потолок, на котором от пламени дрожали причудливые, странные тени, придавая бурым подтекам и вовсе зловещий вид.

— Что-то долго Левина нет... — Клим пересел на диван, размышляя, какую тактику применить — нахрапистую, или томно-игривую.

Нора словно прочитала его мысли и холодно произнесла:

— Я беременна.

— От кого? — глупо спросил Клим.

— Так, был один человек...

— И где он? Умер, что ли?

— Можно сказать, что умер, — вдруг согласилась Нора. — Для меня. — Она вдруг прислушалась и спросила: — Тебе не кажется, что кто-то кричит «Помогите!»

Праздник, — отмахнулся Титов, — балдеют все.

— Нет, мне определенно кажется, что кто-то орет «Помогите!» Кстати, и телефон звонит в соседней комнате...

Клим прислушался — в другой комнате действительно надрывался чей-то мобильный.

Нора сорвалась с места, помчалась туда и схватила мобильный, захлопотавший от вибрации. Минуту она молчала, слушая, что ей говорят.

— Это какой-то Андрейкин! — крикнула она Климу. — Он утверждает, что у него для господина Левина есть важная информация, и просит назвать адрес, куда приехать! Сказать ему?!

— Скажи, — кивнул Клим.

— Может, спрыгнем? — стуча зубами от холода, спросила Дина и с опаской глянула вниз. — Там сугробы, может, живы останемся...

— Может, и останемся, но ноги переломаем, — охрипшим от воплей голосом возразил Левин. — Представляешь, если нас найдут со сломанными ногами под балконом квартиры, где с перерезанным горлом лежит труп звезды? Нет, нужно разбить стекло и проникнуть обратно в квартиру.

— А представляешь, что подумают, когда нас найдут в квартире с трупом и разбитым балконным стеклом?! — заорала на него Дина. — Мы сразу же попадем под подозрение!

— Мы в любом случае попадем под подозрение! — тоже заорал Левин, чувствуя, что нервы окончательно сдают, стянул с себя рубашку, обмотал ею руку, сильным ударом выбил стекло в балконной двери и... застрял.

— Эй! — позвала его Дина. — Почему ты не двигаешься?

— Застрял, — честно признался Левин. — Тут абсолютно нестандартные окна.

— Это... ты, ты нестандартный! — заверещала она. — Я замерзаю! Я прыгаю вниз! Все, не могу больше!

— Только не прыгай, — попросил ее Левин. — Просто возьми и толкни меня! Плечом, ногами, головой, чем хочешь, только вышиби меня отсюда!!

— Ага, сейчас, головой! Размечтался! — Дина отошла на шаг назад и, придав себе таким образом некоторый разбег, со всей силы плечом ударила в «пятую точку» Левина, но он лишь прочнее утрамбовался в оконном проеме.

— Попробуй еще раз!

Дина не могла унять слез обиды, злости и боли. Она даже перестала чувствовать холод, а мелкий, снег, который засыпал ей лицо, показался освежающим и приятным.

— Господи! — крикнула, она, обращаясь к тому, что торчало от Левина непосредственно перед ней. — Все, что с тобой связано — просто чудовищно! Эта зеленая раковина! Эти пропавшие ирисы! Эта ваза с красной водой! Этот труп! Этот балкон...

— Вот, вот, — оживился Левин, — еще так, пожалуйста, сделай! Кажется, я сдвинулся с места...

И тут они услышали, что в квартиру ворвались люди. Хлопнула входная дверь, послышался топот, возгласы ужаса, и Левин увидел, как к нему бегут дорогие коричневые ботинки, принадлежащие Климу. Впуская в комнату посиневшую от холода Дину, он спросил у Левина:

— Ты знаешь, КТО у тебя в ванной лежит?

— Не у меня! — заорал Левин, пытаясь натянуть рубашку и путаясь в рукавах. — Не у меня она лежит!!

Они все стояли перед ним в ряд, словно на построении — бледная подружка Дины, озадаченный Клим и ... высоченный чернявый мужик, похожий на Фред-

ди Меркьюри. На нем был черный кожаный плащ и выпендренная шляпа с полями, которые интригующе прикрывали лицо, оставляя на обозрение только роскошные черные усы и волевой подбородок. Левин вдруг напрочь забыл, кто этот мужик, как его зовут, и какое отношение он имеет к этой компании.

— Друзья мои, я так рад, что вы не полиция! — вдруг глупо расчувствовался он. — А то все так двусмысленно... так глупо... так невозможно пошло... Звезда в ванной воняет, я на балконе голый по пояс торчу... Нас кто-то закрыл в квартире, и мы хотели прыгать с балкона!

Тут в комнату вошел «Фредди» с узкой и крепкой доской в руке. Другой рукой он прижимал к груди шляпу, как будто собирался раскланываться перед публикой.

— Вас заперли снаружи вот этим поленом, — сообщил он. — Воткнул в ручку двери! Но, господа, как вы оказались заперты на балконе?!

— Ветер, — буркнул Левин, справляясь с кашлем. — Ветер, черт подери, нас запер.

— Вызови полицию, — повернулась к Климу Нора. — И прокуратуру. И труповозку. А журналисты сами набегут!

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Клим.

— Я детективы в издательстве редактирую, — вскинула она голову.

— Ух, ты! — восхитился Титов, а потом жалобно обратился к присутствующим: — Если мое фото появится в газетах в связи с таким убойно-скандальным делом, боюсь, моему бизнесу это сильно навредит. Я не хочу позировать рядом с зарезанной Инкой, тем более что она частенько поправляла фигуру в моих тренажерных залах и часами тлела в моих соляриях! Вы не представляете, какая буча поднимется, когда узнают, что Инка Покровская зарезана, да еще таким экстравагантным способом! Нам житья не дадут, и не только органы, но и пресса! Друзья мои, валим отсюда, валим!

Все цепочкой потянулись по лестнице вниз.

— Как вы здесь оказались? — спросил Левин у Андрейкина, когда маг поравнялся с ним.

— Дело в том, что у меня появились интересные сведения по вашей квартире! — оживился Андрейкин. — Я позвонил вам на мобильный, и ваши друзья назвали мне адрес, куда я могу приехать.

— Понятно, — тяжело вздохнул Лев.

Приехала полиция. И Каюкин приехал, и прокуратура. А главное, журналистов набежала такая тьма, что они заполонили не только подъезд, торча под дверью и висая на перилах, — но и сидели с камерами на деревьях.

Откуда пресса узнала о случившемся, учитывая поздний вечер праздничного дня, было уму непостижимо.

— Вы лично знали Инну Покровскую? — совал Левину в нос мохнатый микрофон щуплый парень, и тут же, отпихивая его, полненькая девица орала, подставляя к его рту диктофон:— Скажите, как вы можете объяснить эту мрачную символику убийства Покровской? Почему ее уже мертвой утопили в ванной?! Почему засыпали такими дешевыми цветами?! Что вы почувствовали, когда обнаружили тело мегазвезды?!

— Я не знаю! — не выдержав, заорал Левин. — Я ничего не знаю!! Соседи сверху просто затопили меня!! Я поднялся и...— Ему удалось нырнуть в ванную, где за клеенчатой шторкой прятался Клим, и запереться на шпингалет.

— Говорил я! — простонал из-за шторы Титов. — Говорил, что эта шабуздень нас обложит! Мама родная, как выбираться отсюда?! Через вентиляцию? Дворами?! По крышам?! Капец бизнесу... Нора! Где моя Нора?!

— Так как выбираться или где твоя Нора?! — усмехнулся Левин, включая холодную воду и умывая лицо. — Нора, кстати, в отличие от всех остальных, с удовольствием дает интервью в подъезде какому-то музыкальному телеканалу.

— О боже! У меня будет медийная жена, Левин!

Потом начались допросы. Они оказались утомительнее, чем Левин предполагал. Всех пятерых, включая Андрейкина, допрашивали с таким прирастием, что Левин всерьез стал опасаться того, как бы не сесть всей толпой за убийство мегазвезды и жены известного олигарха. От такой перспективы у него засосало под ложечкой, бешено забилося сердце и настоятельно захотелось попросить господина Андрейкина потерять свой магический шар, чтобы узнать имя настоящего убийцы...

— Вы лично знали Инну Покровскую?! — спрашивал у всех молодой и усталый следователь прокуратуры. — Вы, вы и вы?!

— Нет! Нет! И я никак не могу объяснить ту мрачную символику, которой обставлено это убийство, — бормотал Левин, с тоской вспоминая тихую, скучную жизнь в Англии.

— Нет, я вообще тут случайно! Я маг! Чародей! Проходимец... В смысле, мимо проходил! — горячо заверял следователя Андрейкин.

— Нет, к сожалению, я лично не знала ее, но как-то видела в одном ночном клубе, на ней был костюм от Гуччи, синий, в полосочку...— томно закатывала глаза Нора, закидывала ногу на ногу, и следователь, глядя на нее, шалел и забывал записывать ее слова в протокол.

— В сущности, плевать мне на эту Покровскую, у них, у олигархов, все своей смертью не помирают, а вот мне за чей счет ремонт в своей комнате делать? — наезжала на следователя Дина, и это было так неприлично, что Левин невольно краснел и опять вспоминал тихую, скучную Англию.

— Ну, знал я ее лично! Знал!! — орал Клим. — Я всех звезд шоу-бизнеса знаю лично, потому что они у меня здоровье и фигуру поправляют! Так что из этого?! Мне что теперь, за всех отвечать?!

Потом пришлось путано объяснять происхождение синяков на всех мужских лицах, порванную одежду и разбитое балконное стекло в квартире, где произошло преступление. Пришлось рассказать о предыдущем эпизоде затопления, о бритом налысо соседе, о поджоге двери, о странном храпе и пропаже мелких вещей из квартиры. Умолчали только об исчезнувших ирисах и вазе с красной водой. Следователь взмок и запутался. Он готов был унести ноги от странной компании, наплевав на служебное рвение, но Дина вдруг витиевато и вдохновенно начала рассказывать ему о том, что видела утром в кустах подозрительную машину, из багажника которой торчал кусок ткани, очень похожий на подол платья погибшей.

Титов и Левин схватились за голову. Андрейкин поморщился. Нора, в упор глядя на Дину и не стесняясь следователя, выразительно постучала себя пальцем по лбу, давая понять подруге, что она полная дура.

Разговоры под протокол продлились еще полчаса.

За окном уже брезжил рассвет, и следователь откровенно стал клевать носом.

Откуда-то выполз беременный Пантагрюэль и вздумал лаять на всех присутствующих.

Когда очумевшего следователя, наконец, выпроводили из квартиры, Левин напомнил Андрейкину, который уже надел шляпу и сделал попытку откланяться:

— Вы хотели мне сказать что-то важное.

— Ах, да, — спохватился Андрейкин, — совсем забыл, зачем пришел. У вас тут такая кипучая жизнь! Я выяснил, что агентство недвижимости, через которое вы покупали квартиру, принадлежало Егодиной Евдокии Петровне. Она была единоличной владелицей этой фирмы и единственным ее работником. Все дела в фирме вела она. Прописана Егодина по адресу Духовской переулок, 14, но уже несколько месяцев соседи по коммуналке ее не видели. Выглядит Егодина непрезентабельно, одевается немодно, косметикой не пользуется. Не замужем, детей нет. Об этом рассказала ее соседка по коммуналке. Она же сказала, что Егодина никак не могла открыть свою фирму, потому что у нее никогда не было денег, и перебивалась она случайными заработками.

— Вам что-то говорит это имя? — Андрейкин посмотрел на Левина, потом на Дину.

— Нет, — пожал Левин плечами, — мне ничего не говорит.

— И мне не говорит, — раздраженно сказала Дина. — Со мной работала Лариса Борисовна! Блондинка, в черном берете, надвинутом на глаза.

— И со мной работала Лариса Борисовна, — подтвердил Левин. — Но брюнетка, ярко покрашенная, букву «р» не выговаривала.

— Ага, ага, интересненько, — закивал маг. — Две Ларисы Борисовны, совершенно разной наружности! Отлично! Кстати, в вашем ЖЭКе тетки в па-

спортивном столе ведут себя очень странно. Когда речь заходит о вашей квартире, они переглядываются и хихикают! Хихикают и переглядываются!! То же самое происходит и в полиции, когда речь заходит о том, что ваша квартира продана дважды! По-моему, по вашему делу никто не работает! Вы не знаете, что бы это могло означать?!

— Это вы должны знать, вы же маг, — буркнул Левин. — Что говорит ваш шар?

— Шар на профилактике. И потом, он же не вездесущий! Ну ладно, буду дальше работать. — Андрейкин надел шляпу, откланялся, но вдруг замер, вопросительно посмотрел на Левина и неуверенно сказал:

— Неплохо бы на разъезды валюты добавить. У меня машина, сволочь, жрет пятнадцать литров на сотню. Старая колымага, движок — дрянь... Я ж за дело взялся, а дело расходов требует...

— Держите! — Левин протянул ему несколько сотен рублей, все, что болталось без кошелька в кармане кашемирового пальто, которое висело на вешалке. — И, пожалуйста, разузнайте, почему над делом нашей квартиры все ухажатываются, и никто им не занимается.

Андрейкин приподнял шляпу, послал воздушный поцелуй Норе, помахал рукой Дине и исчез.

Оказалось, что Евдокия жить без работы не может.

Оказалось, она так привыкла с утра до вечера драить, стирать, готовить, бегать по магазинам, трясти ковры и пылесосить, что, оставшись без привычной работы, заболела.

Может, конечно, это была обычная простуда, — ведь бегала же она на морозе без шапки и без пуховика, — но Дуська отчего-то была уверена, что хворь к ней пришла от безделья.

Каждый день в особняк приходила женщина, которая делала всю работу. Разговорить ее никак не удавалось, и оттого, что не с кем было поболтать, у Дуськи еще больше болела голова, закладывало уши, ломило суставы и слезились глаза.

— Алекс, ну расскажи, что происходит! Чей это дом? Долго нам тут сидеть?!

Алекс тоже молчал. Он лежал на диване перед огромным телевизором и играл в «Денди».

Евдокия поняла, что скоро сойдет с ума. От неизвестности, от страха, от непонимания, от этой гнетущей роскоши, а главное — от молчания...

Когда становилось совсем тошно, она вынимала из лифчика расписку и в сотый раз, беззвучно шевеля губами, перечитывала: «Я, Томас Ревазов, продал свои душу, сердце и тело Евдокии за восемьсот девяносто тысяч долларов».

— Своей жене Евдокии, — шепотом повторяла она, с горечью понимая, что никакой свадьбы, несмотря на заявление в загсе, не будет.

Какая тут, к черту, свадьба, если он с ней не разговаривает и не спит, если ведет себя в этом особняке как полноправный хозяин, и если Дуська уже отдала ему кучу денег.

От скуки Евдокия начала обследовать дом.

Все было безлико и очень стерильно. Никаких фотографий, портретов, квитанций и писем. Ничего, указывающего на то, кому этот дом принадлежит. Словно особняк — всего лишь шикарная декорация на сцене театра, которую после спектакля обязательно демонтируют.

От всего этого Дуське стало совсем худо. Но однажды она наткнулась на гардеробную.

Чего только в ней не было! Женские шмотки висели в ряд, и еще в один ряд, и еще...

Столько халявы, да не из «сэконда», а хай-класса, от кутюр, Дуська в жизни не видывала. Большая часть вещей была новая, с бирками, другая — источала нежнейший аромат чудесных духов. То, что среди многочисленных шмоток совсем не было мужской одежды, Дуську почему-то не озадачило. Дня три она самозабвенно примеряла шмотки, крутясь перед зеркалом.

Алекс не обращал на ее переодевания никакого внимания. Из его комнаты почти круглосуточно доносился треск и завывания детской игры «Денди». Евдокия развлекалась переодеваниями ровно три дня, потом ей это надоело, и она в очередной раз попробовала разговорить Алекса.

— Может, сходим куда-нибудь?

— Ты совсем дура, рыжая?! — не отрывая взгляда от телевизора, удивился Алекс. — Мы же скрываемся! Причем, ты даже в большей степени, чем я.

— Вовсе даже необязательно мне здесь скрываться, — тихо пробормотала Дуська.

— Что?!

— Нет, ничего. Голова болит...

— О стенку побейся, пройдет.

На следующее утро она снова начала обследовать дом. Теперь самые потаенные его места — чердак и подвал.

Чердак оказался ничем не примечательным, здесь не было ни пыли, которая обязательно должна быть на чердаке, ни старой мебели, ни чемоданов со старыми вещами и фотографиями.

Едва не воя от обиды и безысходности, чувствуя себя серым воробьем в золотой клетке, Евдокия спустилась в подвал. Где включается свет, она не знала, поэтому подсвечивала себе мобильником на лестнице. Лестница была крутая, страшная, со сбитыми бетонными ступеньками, и привела, наконец, в просторное помещение, под потолком которого светила тусклая лампа.

Большую часть этого помещения занимала клетка. А в ней сидел... человек!

Длинный, худой, в лохмотьях — классический узник классического подвала... Длинная черная борода скрывала большую часть лица, огромные темные глаза блестели безумием. Увидев Дуську, человек затрясся в мелком ознобе и отскочил к противоположной стене клетки.

Дуська не испугалась. Пожалуй, она даже обрадовалась. Наконец-то хоть что-то человеческое в этом бесчеловечном доме. Пусть даже пленник. Пусть даже сумасшедший и страшный, зато в его глазах бьются хоть какие-то эмоции.

В центре клетки валялась куча тряпья, рядом, в тазике, стояла вода, в другом тазике — что-то похожее на сухой собачий корм.

— Ты кто? — прижалась Дуська к холодным прутьям.

Человек замычал, замахал руками и забился в угол, присев на корточки.

Он был молод, это выдавали глаза, руки и тонкая полоска щек, которую не скрывала борода.

— Тихо, тихо, — пробормотала Дуська. — Не бойся меня, я тебе зла не сделаю. Жалко, что ты не разговариваешь! Иди сюда, — похлопала она по прутьям клетки. — Иди!

— Квз, квз... — словно давясь, замычал пленник, двумя пальцами указывая себе на горло.

— Жрать хочешь, бедненький! — по-своему поняла его Дуська. — Это кто ж тебя кормом собачьим догадался кормить?

Она вдруг почувствовала к этому полужверю такую острую жалость, что в горле запершило, а на глаза навернулись слезы. Никто никогда не был настолько несчастнее, некрасивее, беднее и беспомощнее, чем сама Дуська. Никто не стоял настолько ниже ее на социальной лестнице, чтобы сидеть в клетке и питаться собачьим кормом.

— Тебя как зовут? — шепотом спросила она.

— Квз...

— Ясненько. Буду звать тебя Томом Крузом, хочешь?! Не все ему в красавчиках числиться и миллионы грести.

— Квз! — У пленника блеснули глаза, страх ушел из них, и он на два шага приблизился к Дуське.

— А хочешь, я тебе мяса принесу, молока, сыра? Тут этого добра в холодильнике сколько хочешь, мы с Алексом не успеваем съесть!

— Квз! — Пленник схватил из миски несколько шариков сухого корма и с хрустом начал жевать.

— Ужас! — покачала головой Дуська и вдруг впервые за долгие дни почувствовала себя хорошо. Наконец-то у нее появилось дело — кормить сумасшедшего.

О том, чтобы попытаться выпустить его на волю, и речи не могло быть, слишком уж безумным был его взгляд. Но накормить, поухаживать...

Евдокия побежала наверх, подсвечивая себе мобильником на высоких ступеньках. Сказать или нет Алексу о своей находке?..

— Алекс! — закричала она, врываясь к нему. — Алекс, там...

Что-то не так было в комнате, что-то не так, хотя телевизор работал, а Алекс неподвижно лежал на диване с пультом в руке. Дуська проследила за его взглядом и замерла, раскрыв рот.

Трое парней, одинаковых, словно клоны, с непроницаемыми жесткими лицами, в черной одежде, стояли вдоль противоположной стены и держали Алекса на прицеле трех автоматов.

— Рот закрой! — приказал один из них Дуське и тут же ткнул стволом автомата Алексу в грудь. — Что, думал, мы тебя здесь не найдем?!

— Ничего я не думал, — процедил Алекс.

— А раз не думал, деньги гони!

Алекс отбросил пульт, нехотя сунул руку под диван, на котором лежал, и вытащил Дуськину тряпичную сумку, набитую долларами.

— Здесь двухсот баксов не хватает, — холодно сказал он парням и бросил сумку тому, который был ближе к нему.

— Батюшки мои, грабят! Среди бела дня, на Рублевке, где охраны как грязи! — прошептала Дуська и в прыжке попыталась догнать свою сумку. — Не-е-е-т!

Тяжелый приклад автомата обрушился ей на затылок, в глазах вспыхнуло, потом потемнело, сознание поплыло, отчего-то вызывая мутные картинки из детства.

— Дура ты, рыжая, — где-то далеко сказал Алекс. — Лучше бы двести баксов достала.

«Не успела покормить Тома Круза...» — уплыла последняя Дуськина мысль...

Глава седьмая

Портрет

— Привет! Ты газеты читала?

— А как ты думаешь?! Вся пресса пишет одно и то же. Покровскую зарезали три дня назад, а нашли вчера вечером в переполненной ванной, где марганцовки было, как грязи, а синие ирисы плавали, словно утки в пруду. Дуська опять нас надула! Подставила по полной программе!! Вместо себя в гриме трупа она подсунула мегазвезду! Скажи, где она взяла ее, где?! Да еще с перерезанным горлом?!

— Кларунь, у тебя сердце уже не шалит?

— Нет!

— Ты за рулем?

— А то ты не слышишь!

— Такая ты мне нравишься больше. Скажи, где ты сейчас?

— Черт его знает. Ага, вон впереди Живописный мост, значит, у меня есть все шансы попасть на МКАД. А ты где, подруга?

— А я еду по Ленинградке. Если на Волоколамском шоссе не будет пробок, я окажусь на МКАДе даже раньше тебя. Как ты думаешь, мы успеем удрать?

— Уже успели. Ни одна полицейская сволочь не раскопает, где у меня дача. Я оформила ее на имя сестры брата моего двоюродного племянника.

— Разве мы удираем на твою дачу?!

— А на чью?! Мое ранчо в Приозерье скроет толпу беглых преступников!

— Но... я еду к себе, и думала, ты едешь туда же.

— Знаешь, что нас погубит?!

— Догадываюсь. Старческий маразм. Он нас уже погубил!

— Нас погубит нескоординированность! Я десять раз повторила тебе, что мы едем скрываться НА МОЮ на дачу. В Приозерье! А ты куда прешься?

— В Павловский лес я прусь. Мне кажется, мы миллион раз договорились о том, что едем ко мне.

— Тьфу! Немедленно меняй курс на Приозерье!

— Нет, это ты рули в Павловский лес. У меня отличный домик, печка и погреб с запасами консервированных грибочков.

— Щитовая хибара у тебя, а не домик! Вместо печки — буржуйка, вместо погреба — подпол, а грибочки — урожая семьдесят первого года! А у меня, дорогая, хоромы из кирпича, огромный камин и уютненький погребок, где вина и консервов хватит не на один месяц.

— Ты думаешь, нам придется скрываться не один месяц?

— Может быть, даже не один год. Не забывай, чей труп нашли в ванной. Рули немедленно в Приозерье!

— Ну уж, нет, едем в Павловский лес. У тебя вино кислое, огурцы не хрустят, варенье горчит. А в моем подполе капуста божественная, вино обалденное, а рыжики я собирала нынешним летом, а не в семьдесят первом году! На моих запасах мы продержимся несколько лет!

— Ну и сволочь же ты, подруженька!

— Ты тоже, милая, не подарочек.

— В Приозерье!

— В Павловс... а-а-а-а!

— Эй, что стряслось?! Эй, почему такой грохот?! Я согласна ехать хоть в Мухосранск, Веруны! Что значит «а-а-а»? Эй... Эй, кто-нибудь!!

— Алло, с кем я говорю?

— Это я, я, подруга Веруны! А вы кто?! Что с ней случилось?

— Она попала в аварию. Я свидетель, Игорь Петрович. Здравствуйте! Ваша подруга на полном ходу врезалась в мусоровоз.

— А-а-а!

— Да не орите вы так! У нее этого ходу было-то всего километров тридцать! Да и подушка безопасности в ее «тойоте» сработала.

— Она жива?

— Да жива, жива! Прическу помяла, палец на руке сломала и, кажется, пару ребер. Все обойдется. Вот и «скорая» уже подроспела, сирену слышите?

— Я слышу голос Веруни! Что она говорит?

— Требует священника, обязательно симпатичного и не старше пятидесяти лет. Да вы не ревите! Месяц в больнице — и ваша подруга будет как новенькая.

— Передайте ей...

— Что?!

— Передайте ей обязательно, что вино у нее отличное, огурцы хрустящие, а варенье самое сладкое в мире, ы-ы-ы-ы!

Кто-то сунул в почтовый ящик целую пачку газет.

Дина забрала их, выгуляв Пантагрюэля, и теперь раздраженно перебирала, бегло прочитывая статьи о вчерашнем кошмаре.

«Мокрый» подарок к Восьмому марта», «Кто утопил и зарезал звезду?», «На Арбате, на Арбате Инночка гуляла...» — заголовки были бездарные, впрочем, и тексты тоже. Из них следовало, что в последнее время у Покровской в личной жизни намечались крупные неприятности. Муж Инны, Андрей Гнедулин, собирался подать на развод, причиной которого стали якобы слишком близкие отношения Инны с ее подопечным Игорем Григом. Григ был молодым, подающим надежды талантом. Вернее, надежды Григ уже оправдал, победив на нескольких международных песенных конкурсах и собирая на свои концерты огромные толпы. Он обладал слащавой внешностью и таким же слащавым тенорком, которые беспрочно котируются у девочек до семнадцати и у дам после пятидесяти. Инна сделала ставку на вечную любовь неустроенных женщин к «маленьким принцам» и не проиграла. Для Гнедулина, который давал ей первоначальные деньги на раскрутку певца, это стало неожиданностью. Он вовсе не собирался делать из жены бизнес-леди, да еще в шоу-бизнесе. Когда Инна начала сама зарабатывать огромные деньги, когда ее популярность стала не уступать популярности шоу-звезд, Гнедулин забил тревогу, но было уже поздно... Примерной жены, место которой на кухне, в спальне и в церкви — не получилось. У Инны было столько дел и забот, столько тусовок, конкурсов, фотосессий, теле- и радиоэфиров, что Гнедулин чаще видел жену на телеэкране и на страницах глянца, чем дома. Рожать наследников, в которых немолодой олигарх очень нуждался, Инне Покровской было катастрофически некогда. Муж за голову схватился, но, увы, поздно. Откуда Гнедулину было знать, что простая маникюрша, которую он пять лет

назад привез из провинциального сибирского городка, окажется такой хваткой, дерзкой и хитрой. Откуда ему было знать, что у девочки с пилочкой для ногтей может быть железная хватка, стальные нервы, умение плести блестящие интриги и талант выбивать деньги.

Гнедулин терпел полгода, год, полтора... А потом поставил условие: или он, дом и дети, которых она родит, или вся эта тусня.

Инна не приняла всерьез это условие. Она продолжала жить с мужем и заниматься тем, чем занималась. Говорят, Гнедулин был в бешенстве. Говорят, он перекрыл ей доступ к своим деньгам, но Инну это не очень расстроило, потому что ее доходы почти сравнялись с доходами мужа. Популярность Игоря Грига росла. Да так росла, что им заинтересовались в Европе, Японии и Штатах. Феномен «принца» работал, бил в цель. И таланта певца в этом гениальном проекте было гораздо меньше, чем продюсерского таланта Инны Покровской...

Далее в газетах с особым вдохновением обмусоливались версии убийства Покровской. Их было немного. Первая и основная — Инну заказал муж. Вот только обстоятельства преступления никак не вязались с его высоким статусом «гостиничного короля». Зачем было перерезать жертве горло, словно это тупая месть злого чечена?.. Зачем подбрасывать несвежий труп в ванну, бог весть, чьей квартиры?.. Зачем намеренно топить соседей, наглухо заткнув все сливные отверстия?.. Зачем злобно подмешивать в воду марганцевый калий?.. Зачем посыпать весь этот ужас цветами?..

Нет, олигархи убивают красиво. Незаметно и не своими руками. Инна просто попала бы в аварию или отравилась черной икрой, или...

Журналисты знали миллион вариантов, как погибла бы Инна, если бы ее заказал влиятельный муж. Все способы были хороши и разумны, кроме того, который был осуществлен в действительности. Он никак не вязался ни со статусом, ни с деньгами, ни с умственными способностями Гнедулина. Более того, новость о погибшей жене довела олигарха до инфаркта. Ранним утром, на больничной койке, Андрей Андреевич сделал сенсационное заявление о том, что тому, кто сообщит достоверную информацию об убийце его жены, он заплатит пять миллионов долларов. Так что Гнедулин был практически вне подозрений.

Здесь пахло первобытной страстью, безумством любви, внезапным порывом, дешевым театром, показухой и еще чем-то, на что не нужны большие затраты. Из этого следовала вторая версия: Григ?!

Парень зарвался, сошел с ума от свалившейся на него славы, приревновал Инну... К чему? Тут было множество вариантов, один из которых имел под собой почву — Инна собиралась взять под свою опеку еще одного молодого певца. Никто пока не знал его имени, никто не знал, как он выглядит, но слухи об этом роились последние несколько месяцев. Впрочем, вторая версия тоже никуда не годилась. Перерезав горло своей «старушке», Григ навсегда ли-

шился бы того, чего так стремительно достиг. Нет, Григ не тянул на убийцу. Марганцовка ему не шла, да и ирисы были не в его вкусе.

Версия третья и скучная — конкуренты?! Но опять возникал вопрос: зачем столько сложностей, показухи и устрашающей атрибутики? Тюкнули бы ее в закуточке чем-нибудь тяжелым по голове, и разберись потом...

Дина в раздражении отбросила кипу газет. Интересно, кто их подкинул? Наверное, старший по подъезду, этот псих в валенках не поленился притащить для нее и Левина всю печатную информацию о последствиях их безобразного поведения в образцовом доме.

Размышляя о своей нелепой и неустроенной какой-то судьбе, Дина покормила собаку.

Левин почему-то не крутился на кухне, не варганил свою яичницу, не пугался под ногами и не пел нудно английские песни. Благодарь!

И тут в коридоре послышался грохот, потом энергичные шаги.

Дина выскочила в холл и замерла.

Левин в пальто стоял в дверях. В руках он держал чемодан. Вид у него был смущенный, но отчего-то довольный.

— Утро доброе, — сказал он.

— Доброе! — фыркнула Дина.

— Я ухожу, — буднично сообщил Левин, кивнув на свой чемодан.

— Что значит «ухожу»? — севшим голосом, спросила Дина.

Ужас, схвативший ее за горло, пихнувший под дых, сжавший сердце, был ни с чем не сравним. Лучше бы она увидела еще парочку звезд шоу-бизнеса с перерезанным горлом, чем Левина с чемоданом.

— Я переезжаю в гостиницу, чтобы тебе не мешать, — открывая дверь, спокойно сообщил Левин.

— Бежишь, значит?! — задохнулась от гнева Дина. — Сбегаешь как трусливая крыса с тонущего корабля?!

— Почему крыса? С какого еще корабля? — Левин прикрыл дверь и в упор уставился Дине в глаза. — Ты же сама хотела, чтобы я ушел! Ты требовала, чтобы я покинул эту квартиру до выяснения всех обстоятельств с ее продажей! Ну вот я и ухожу!

— Останься, — вдруг пискляво попросила Дина. — Останься, пожалуйста! Я очень боюсь жить тут одна...

— Это единственная причина, по которой ты не хочешь, чтобы я уходил? — деловито осведомился Левин.

— Да! Нет... — Дина почувствовала, что ее грубо шантажируют. — Гостиница — это очень дорого, — пробормотала она.

— Ничего, я не разорюсь, — усмехнулся Левин.

— Туда не пускают с московской пропиской.

— У тебя устаревшие сведения. За деньги сейчас пускают кого угодно и куда угодно.

— Там тараканы!

— Я их не боюсь.

— А горничные воруют личные вещи!

— У меня нет вещей, которые представляли бы интерес для горничных.

— Тогда... Тогда проваливай! — Дина широким жестом распахнула входную дверь и повторила: — Проваливай!

Левин замешкался.

— Тут... это... — Я должен предупредить тебя, что Пантагрюэль беременный. У него скоро будут щенки..

— Этого не может быть, он — кобель.

— Он — сука. Кстати, одного щенка я уже пристроил. Его заберет Титов.

— Я этого не переживу! — Слезы набежали Дине на глаза, и она стала часто моргать.

— Того, что щенка заберет Титов? — удивился Левин.

— Того, что мой кобель — сука! Беременная! От меня это скрыли в приюте! Слушай, может быть, твой Титов заберет сразу всего Пантагрюэля?! Целиком?! А не одного щенка?

— Ну, уж, нет! Собака — это твоя затея, ты с ней и разбирайся. Прощай! — Левин открыл дверь и решительно шагнул за порог.

— Стой! — Дина втащила его в квартиру и захлопнула дверь. — А как же твоя... мебель! Посуда? Шторы? Ковры? Всякие милые безделушки?! А хочешь, я разрешу тебе поставить в ванную зеленую раковину?

— Нет, не хочу. Я разбил ее. Она действительно была слишком мрачной.

— Ну, хочешь, я не буду ставить свою? Персиковый цвет, если честно, слишком гламурный, пошлый, невнятный...

— Ставь, что хочешь. Мне плевать на дизайн твоей квартиры.

— Моей?

— Ну да. Ты купила ее на день раньше и заплатила на пять тысяч дороже.

— Ну что ж, тогда прощай!

— Прощай! — поклонился Левин, взял чемодан и шагнул за порог.

— А ты читал утренние газеты? — хмуро спросила Дина, глядя ему в спину.

— Мне нет дела, что пишут местные борзописцы. А ты что, с утра носилась в киоск?

— Нет, кто-то сунул пачку газет в наш ящик.

— Опять привидение?

— Я думаю, газеты купил и принес Филипп Филиппович.

— Ну, я пошел.

— Иди.

Левин спустился на три ступеньки вниз и, не оборачиваясь, произнес:

— Мне кажется, ты не хочешь меня отпускать.

— А мне кажется, не очень-то ты собираешься уходить.

— Ну почему же, — пока! — Он выразительно помахал ей рукой и пошел вниз.

— Ну и черт с тобой, топай! Шуруй! Эта квартира будет моей! Пятьдесят восемь квадратных метров! Потолки три с половиной! Комнаты раздельные, пять минут до метро и...

— И вид из окна на Храм Спаса Преображения, — задумчиво закончил Левин. — Пожалуй, я останусь. В гостинице дорого, тараканы, нечистые на руку горничные и еще неизвестно, какой вид из окна.

— Мы ведем себя как торговки на рынке! Ты мог бы просто остаться, и все. — Дина устало села на корточки у стены.

— Не мог. Не мог я просто остаться. Ты должна была умолять меня никуда не уходить! Кстати, — Левин открыл чемодан и продемонстрировал Дине его пустое нутро, — я и не собирался ни в какую гостиницу! Что я, дурак?! — Он захохотал и зашел в квартиру.

Подпрыгнув, словно ужаленная, Дина побежала за ним, задыхаясь от негодования:

— Ты... ты...

— Немедленно принеси мне мои газеты! — крикнул он из своей комнаты, закидывая чемодан на шкаф. — Почему я до сих пор не читал прессу?!

Она веером швырнула ему кипу газет и ласково проговорила:

— Вечером ты гуляешь собаку. С пакетиком и совочком!!!

У всех был выходной, страна продолжала праздновать любимый весенний праздник, а Титов «горел» на работе. Утром пришла партия тренажеров, которые Клим ждал уже несколько месяцев. Первый зам был никакой, второй тоже лыка не вязал и даже, кажется, не вспомнил, кто такой Клим Кузьмич, поэтому ехать на склад к поставщику, чтобы подписать договор, пришлось самому. Владлен, конечно, не подвел, сел за руль свежий, трезвый и благоухающий как июньский пион.

— Владлен Борисович, — капризно простонал Клим, — ну почему все люди как люди, у всех праздник как праздник, а я как debil тащусь через весь город получать эти гребаные немецкие тренажеры?

— Ну почему, я тоже как debil тащусь получать эти гребаные, с вашего позволения, немецкие тренажеры, — вздохнул водитель. — Или вы меня, Клим Кузьмич, уже человеком не числите?

— Числю, — смутился Клим, — очень даже я вас человеком числю, Владлен Борисович! Иначе бы не доверил вам везти свое драгоценное тело на своей драгоценной машине через весь город.

Владлен кивнул головой, давая понять, что принимает эту грубую, плохо сформулированную лесть.

Вдруг Клим увидел впереди знакомый «гольф» — невыносимо желтый, как канарейка, как мечта шизофреника... Он глазам своим не поверил и даже проморгался немножко, но глюк не пропал, имея все тот же помятый бампер, все тот же номер — три, три, три, — и все ту же странную манеру передвижения — в крайнем правом ряду, медленными рывками, словно водитель с упорством дауна путает тормоз с газом.

Он сразу понял — это большая удача. Гораздо большая, чем приобретение крупной партии супернавороченных тренажеров. Ведь он ни номера телефона у Норы не выпросил, ни где она работает, не узнал.

— Стой! — приказал Клим. Владлену.

Водитель с визгом затормозил посреди полосы, чуть не поймав удар в зад из цепочки разнокалиберного транспорта, следовавшего за ним на расстоянии в полкорпуса. Сзади послышался визг тормозов и разноголо-сье вопли клаксонов.

— Владлен Борисович, а ведь у тебя выходной! — торжественно объявил Клим. — Вот тебе деньги на такси, шуруй-ка ты, дорогой, домой!

— А тренажеры? — Владлен забрал деньги и сунул их во внутренний карман куртки.

— А черт с ними! — отмахнулся Титов, в зеркале заднего вида высматривая желтый «фольксваген».

— А я вам сразу говорил, черт с ними! — проворчал Владлен, вылезая прямо на проезжую часть. — Только бамперок, Клим Кузьмич, берегите, — дал он напоследок Титову совет. — А то ездит ваша красotka — не приведи господи!

Клим быстро перелез на водительское сиденье. «Гольф» дергался уже впереди, пристроившись за тихоходным троллейбусом. Они проехали Маршала Бирюзова, свернули на Курчатова, выехали к Волоколамке...

И тут «фольксваген» словно взбесился. Он набрал скорость и начал метаться из ряда в ряд с риском стать участником крупного ДТП. Клим решил, что Нора заметила слежку, но, понаблюдав, понял, что «гольф» преследует какую-то белую «тойоту-короллу».

— Черт! — ругнулся он, когда «тойота», игнорируя разметки и светофоры, вылетела на встречку, а Нора старательно повторила ее маневр.

Клим догнал «гольф», врубил дальний свет и выразительно посигналил. «Фольксваген» никак не отреагировал на его попытки обратить на себя внимание. Они так и неслись по встречной полосе в связке, и это безумие могло закончиться как угодно, не исключено, что и с летальным исходом.

— Нора! — закричал Клим, высунувшись в окно. — Ты беременна, Нора! Ты не имеешь права так рисковать!

В кармане некстати завибрировал мобильник.

— Да! — рывкнул Титов, воспользовавшись наушником.

— Клим Кузьмич, воду в третьем бассейне менять? — меланхолично спросил Фрол, техработник, обслуживающий бассейны.

— Потом, — раздраженно отмахнулся Титов и тут же услышал лязг железа и визг тормозов. Все, что он успел заметить, — это как под медленно разворачивающийся на перекрестке мусоровоз влетела белая «тойота». Желтый «гольф» успел затормозить, резко метнувшись вправо.

Клим тоже в последний момент ушел от удара, вывернув еще больше на встречную полосу и распугав остальные машины.

— Клим Кузьмич, в третьем бассейне воду менять? — снова прогундел в наушнике голос Фрола.

— Да пошел ты, — прошептал Клим, выпрыгивая из машины. — Нора! — Он бросился к «фольксвагену» и выдернул ее из-за руля.

Нора не сопротивлялась. Она повисла у него на руках доверчиво и покладисто, словно только и ожидала его помощи и участия.

К месту происшествия примчались дэпээсники, словно из-под земли выросла «скорая помощь» и врачи уже суетились возле помятой «тойоты», вытаскивая из нее пожилую женщину, грозившую мусоровозу пальцем. Водитель мусоровоза громко матерился.

Титов затолкал Нору в салон своего «Навигатора».

— Ты дура? — выдохнул он, ощущая, что его пробирает озноб.

— Там Вера Петровна! — закричала Нора и попыталась выскочить из машины. Титов едва успел поймать ее за полу плаща.

— Кто такая Вера Петровна? — спросил он.

— Пусти! Она ранена! — Нора дернулась, плащ затрещал по швам. Из глаз у нее полились крупные слезы.

Клим, обхватив за плечи, прижал Нору к себе и зашептал ей на ухо, словно добрую сказку:

— Твою Веру Петровну уже госпитализировали! Судя по тому, как она брыкалась на носилках, с ней ничего страшного! Полежит недельку в больнице и выйдет. Эх, Вера Петровна, Вера Петровна! Кто ж так по Москве ездит? Она что, думает, в ее возрасте дорожные правила необязательны? Светофоры недействительны? Сейчас ее машинку на эвакуатор погрузят и...

И тут произошло неожиданное: Нора прильнула к нему и впилась в его губы затяжным и таким сладким поцелуем. Не успел Клим прийти в себя, как снова некстати затрещал телефон.

— Клим Кузьмич, я не понял, воду в третьем бассейне менять? — бесстрастно спросил в наушнике Фрол.

— Утопись, — посоветовал ему Клим, — тогда точно нужно будет менять.

Отключившись, он повернулся к Норе и, улыбнувшись, сказал:

— Вот теперь ты от меня не отвертись. Сейчас же едем в свадебный салон выбирать тебе платье.

— Зеленое, — задумчиво произнесла Нора.

— Что зеленое? — не понял Титов.

— Хочу зеленое платье, зеленую фату, зеленые туфли, зеленые перчатки, зеленый лимузин, зеленые кольца и букет зеленых роз. И чтобы жених весь зеленый-зеленый...

— Ты это специально?

— Что?

— Придумала эту зелень, чтобы я не смог на тебе жениться?

— Нет, я об этом с детства мечтала. Честно!

Опять затрещал мобильный. Очевидно, на правах будущей жены трубку схватила Нора.

— Да, слушаю, — томно произнесла она.

— Клим Кузьмич, воду в третьем бассейне менять? — голосом робота задал свой вечный вопрос Фрол.

— Конечно, меняйте! В грязи, что ли, бултыхаться? — радостно распорядилась Нора.

— Ты что?! — заорал Клим. — Зачем в третьем бассейне воду менять? Ее вчера меняли!

— Тебе воды жалко? — уставилась на него Нора.

— Мне хлорки жалко!

— Не пойду за тебя замуж. Не хочу иметь мужа, который трясется над хлоркой.

— Пойдешь!

— Нет!

— Клянусь, я никогда не пожалею для тебя хлорки!

— Чем клянешься-то?

— Своей зеленой мамой.

Нора засмеялась и прижалась к нему всем телом, запутав светлыми волосами, словно неводом...

Андрейкин позвонил в полседьмого утра. Это было неслыханной наглостью, и Левин даже не хотел отвечать на звонок, но, поняв, что сон улетучился безвозвратно, все же взял трубку.

— Нам надо встретиться, — не поздоровавшись, хрипло сообщил маг.

— Прямо сейчас?! — ужаснулся Левин, глянув за окно, где валил совсем не весенний снег и завывал ветер.

— Дело не терпит отлагательств. Через полчаса жду вас в кафе «Жаворонок». Это недалеко от вас.

— Разве кафе работают в такое время? — уцепился Левин за последнюю возможность отвязаться от мага.

— Так оно же «Жаворонок»! — хмыкнул Андрейкин и отключился.

Левин встал, сделал три приседания, растер мочки ушей и принял решение не бриться, не умываться и даже не чистить зубы. Пантагрюэлю он показал фигу, чтобы тот не рассчитывал на прогулку.

В комнате Дины было тихо. Левин постоял секунду, прижавшись ухом к ее двери, вздохнул и на цыпочках вышел из квартиры.

Кафе оказалось забегаловкой с пластиковой мебелью, пластиковой посудой и плохой вытяжкой, отчего в помещении висела сизая завеса дыма, несмотря всего на трех посетителей.

Андрейкин сидел в закутке возле туалета, курил и щурился. Перед ним стояла ополовиненная бутылка красного вина, пластиковый стакан и пепельница, полная окурков. Взгляд у мага был осоловевший. Плащ и шляпа висели на спинке стула.

— Присаживайтесь, Лев Сергеич, — указал на стул напротив себя Андрейкин. — Присаживайтесь и слушайте очень внимательно.

Левин сел на самый краешек стула, опасаясь, что пластиковый уродец развалится под его нестандартным весом.

— Винца? — кивнул маг на бутылку.

— Боже упаси, — поморщился Левин. — Я с утра, как говорится...

— А я очень даже, как говорится, с утра! — лучезарно улыбнулся Андрейкин, наливая себе в стакан. — Очень даже, особенно когда есть удовлетворение от работы!

— А оно есть? — без интереса спросил Лев, чувствуя, как ножки у стула разъезжаются.

— Есть! — Андрейкин залпом выпил вино и выдернул из нагрудного кармана черный маркер. — Вот это ваша квартира, — нарисовал он на белой пластиковой поверхности стола квадрат и в центре него написал цифру пять. — Ее продали целых два раза.

— Я это знаю, — напряженно улыбнувшись, сказал Левин. — Надеюсь, вы не из-за этого гениального открытия выдернули меня в семь утра из постели?

— Чтобы втюхать вам эту хату на Арбате, было создано и зарегистрировано агентство-однодневка «Юпитер», — продолжил маг, нарисовав в квадрате жирный восклицательный знак.

— Это я тоже знаю, — совсем поскучнел Левин. — И что?

— А то, что фирму создали для одной единственной цели: чтобы вы и Дина Алексеевна оказались под одной крышей! Понимаете? Это не сделка с недвижимостью, это сделка с вашими душами!

— Ой, — скривился Левин, — по-моему, очень высокопарно и неправдоподобно.

— Смотрите сюда! — Андрейкин нарисовал на столе уродливую фигурку в юбке. — Евдокия Егодина, на которую зарегистрировано агентство «Юпитер», — стопроцентно подставное лицо. Кто-то дал ей деньги на фирму,

кто-то оплатил ее услуги «риелтора». Кто? — Андрейкин нарисовал знак вопроса теперь уже над женской фигуркой.

— Не знаю, — пожал плечами Левин. — Как-то все это сложно для моих невыспавшихся мозгов.

— А я попытался разобраться, — хвастливо заявил маг. — Знаете, что я сделал? Для начала с помощью подкупа соседки Егодиной по коммунальной квартире проник в комнату Евдокии. Догадываетесь, что я там нашел?

— Естественно, нет, — ответил Левин. Ему очень хотелось послать мага куда подальше, встать и уйти, но он привык уважать чужой труд.

— Вот! Полюбуйтесь! — Откуда-то из-за спины Андрейкин неожиданно выхватил два парика и плюхнул их на стол. Один парик был светлым, другой — жгуче-черным.

— Что это? — отшатнулся Левин.

— Волосы. Искусственные! — торжественно объяснил маг. — Это объясняет, почему работавшая с вами Лариса Борисовна была брюнеткой, а та, которая имела дело с Диной, была блондинкой. Ваши риелторши были одним и тем же лицом — Егодиной Евдокией Петровной! Не понимаю только, почему она всем подряд называлась Ларисой Борисовной. Это очень неумно.

— И что? — не понял Левин судьбоносности этого заявления. — Я и без вас догадался, что нас дурили. Уберите волосы, они мне неприятны!

Андрейкин спрятал парики за спину и покачал головой:

— Очень жаль, что вы не поняли главного: вас с Диной Алексеевной кто-то хочет... того... свести!

— А почему вы сделали такой вывод?

— Да потому что в прокуратуре не чешутся! — заорал Андрейкин. — Потому что в полиции ржут! А в паспортном столе хихикают и нервно перекладывают папки, отвечая на мои вопросы! И конфеты не берут, и на уговоры мои не поддаются! А почему никто не чешется? Почему все ржут и конфеты не берут?!

— Почему? — шепотом спросил Левин.

— Да потому, что все чисто! Чисто и законспирировано! Потому что все в органах в курсе, что не было никакого преступления с этой квартирой, а была какая-то очень милая шутка, о которой все знают, но отчего-то молчат!

— Позвольте, но если все это лишь милая шутка, как вы говорите, то где мои деньги?! Где деньги, которые я заплатил за эту квартиру?! Где деньги Дины?! Кто-то нехило нажился на том, что... хотел нас «свести»! И вы говорите, что это «не преступление»?!!

— Скажите, кому может быть выгодно, если вы с Диной Алексеевной сойдетесь и будете жить вместе?

— Никому. Никому не может быть выгодно. Это глупость. Глупость и бред сивой кобылы.

— Убийство Инны Покровской напрямую связано с делом вашей квартиры, — сухо сообщил маг.

— Что?!!

— Мне удалось раскопать, что квартиру над вами сняла все та же Евдокия Егодина. То есть, не совсем так. Хозяева квартиры Птичкины уже много лет живут в Штатах, но у хозяйки этой квартиры в Москве осталась сестра — Ираида Аркадьевна Птичкина. Квартиру не сдавали принципиально, и сестра приходила туда, чтобы поддерживать порядок, поливать цветы, протирать пыль. Так вот, к этой Ираиде Аркадьевне пару месяцев назад пришла пожилая дама и начала умолять ее, чтобы она сдала ей квартиру сестры на месяц. Ираида Аркадьевна отказалась, заявив, что без согласия хозяйки не имеет права этого делать. Но дама вдруг предложила такую несусветную сумму за месяц аренды этой квартиры, что Птичкина дрогнула и решила — ничего с хоромами сестрицы не случится, если всего месяц в них поживут посторонние люди. Короче, Ираида Аркадьевна взяла деньги и отдала даме ключи. Дама обрадовалась несказанно. На осторожный вопрос Птичкиной, почему ей нужна именно эта квартира и почему она платит такие огромные деньги, пожилая женщина пояснила, что ее племянница собирается выследить мужа, который завел любовницу в этом доме.

Объяснение никуда не годилось, и Птичкина на всякий случай попросила даму показать паспорт. Та с готовностью продемонстрировала документ, где было написано, что зовут ее Вера Петровна Аршинникова, и она тридцать девятого года рождения.

— Вера Петровна Аршинникова! — схватился за голову Левин. — Господи, что-то очень знакомое! Где я мог слышать это имя?!

— Понятия не имею.

— А ваш шар все еще на профилактике? Может, его спросить?

— Врать он стал много в последнее время, сволочь. Так и хочется грохнуть его об пол! Я, от греха подальше, упрятал шар в шкаф и не достаю. Весь бизнес к черту!

— Давайте вашего винца, — простонал Левин.

— Вы ж с утра, как говорится...

— Я пересмотрел свои взгляды на жизнь.

— Давно бы так. Эй, девчонки, нам два сухого вина! — хлопнул в ладоши Андрейкин.

— Вера Петровна, Вера Петровна... — пробормотал Левин. — Какое знакомое сочетание...

Прибежала официантка, принесла две открытых бутылки вина и два пластиковых стаканчика. Игнорируя стаканы, маг и Левин чокнулись бутылками и стали пить из горла, закинув головы и синхронно булькая.

— Не вспомнил? — заплетающимся языком спросил Андрейкин.

— От сухого вина разве вспомнишь? — поморщился Левин и крикнул:— Официант, виски! Вера Петровна, Вера Петровна... Слышь, маг, может, достанем твой шар из шкафа? Я заплачу.

— Погоди, без него попробуем разобраться.

Официантка принесла водку. Пили молча, не чокаясь и не закусывая.

— Ну как, вспомнил? — Маг с трудом сконцентрировал взгляд на Левине.

— М-м-м?!

— Ясно. Может, правда шар расспросить? Кстати, я не все тебе рассказал. Ираида Аркадьевна как узнала из газет, что в ее квартире нашли зарезанную звезду, так чуть богу душу не отдала. Чтобы полиция до нее не сразу докопалась, она быстренько слегла в Склиф с давлением, сердцебиением и еще чем-то сугубо женским. А у меня в Склифе все медсестры того... прикормлены, обласканы, без очереди меня в реанимацию пропускают у пациентов интервью брать. Я батюшкой переоделся, и Ираида Аркадьевна мне все как на духу выложила. Так вот, Вера Петровна Аршинникова причастна к убийству Покровской. И мадам Егодина была у нее на побегушках. А следовательно, ваша квартира и все, что творится вокруг нее, каким-то хитрым образом связаны с убийством шоу-звезды. Ты вспомни, какие чудные вещи творились у вас с Диной Алексеевной: храп, когда никто из вас не храпит, пропажа вещей, пожар, потоп. И все эти чудеса, как пить дать, связаны с верхней квартирой. Скажи, кто тот бритый парень, который вам открывал дверь? Куда он потом делся? А ведь вас специально выманили наверх, заткнув все отверстия в ванной, чтобы вы первыми обнаружили труп. Вас специально кто-то запер потом в квартире, чтобы вы не смогли выйти!

— Найду эту Веру Петровну — убью, — заявил Левин.

— И понимаешь, дружище, получаются две взаимоисключающие вещи — кто-то хочет свести вас с Диной, а кто-то посадить в тюрьму. — Андрейкин размашисто нарисовал маркером на столе решетку.

— М-может, шар потрем? — жалобно всхлипнул Левин. — Пусть врет, а вдруг правду скажет?..

— Клиент скорее мертв, — диагностировал маг. Поплевав на стол, он рукавом джемпера тщательно стер свои рисунки, встал и подал Левину руку: — Поручик, сочту за честь довести вас до дома!

Придерживая друг друга, они вышли на улицу. Ветер освежил разгоряченные алкоголем лица.

— Я вспомнил! — вдруг заорал Левин. — Я вспомнил! Верой Петровной звали акушерку в роддоме, которая принимала меня у мамы! Фамилию я, правда, не уточнял.

— Не подходит, — покачал головой Андрейкин. — Акушерка никак не подходит. Сам подумай, где ты и где какой-то роддом...

— Г-где?!

— Молчать, поручик! Садись, я тебя довезу до твоей криминальной хаты.

— Ты же пьяный! — отшатнулся Лев от вишневой «девятки».

— Я?! Ни в одном глазу!

Маг затолкал Льва в машину и сел за руль. — Езжу я лучше, чем хожу, — вздохнул он. — У меня все светофоры прикормлены и обласканы ...

Дуська очнулась от мысли, что никак нельзя умереть.

Ну никак нельзя, потому что программа не выполнена, а предназначение не отработано.

Затылок болел, сердце колотилось, как бешеное. Евдокия открыла глаза, но темнота не сменилась светом — в комнате не горел ни один светильник.

Она ощупала шишку на голове и включила настольную лампу.

Ее швырнули в кровать, не раздевая и не попытавшись приложить к больной голове компресс. Ее швырнули на роскошное ложе как беспородную собачонку: выживет — хорошо, не выживет — и бог с ней...

Дуська судорожно нащупала на груди талисман-монетку.

На месте!

И расписка в лифчике тоже на месте! Кажется, никто не потрудился ее обыскать.

— Алекс! — закричала она.

Мерзкое эхо понеслось по просторам дома, но ответа не принесло.

— Алекс! — Евдокия встала и с трудом, придерживаясь за стены, спустилась на первый этаж.

На диване Алекса не было. Яркий экран телевизора демонстрировал ставку электронной игры.

Дуська заревела от страха. Ее бросили, а Алекса убили из-за недостающих двухсот долларов — такой напрашивался вывод.

— А-а-а-а! — завизжала она и метнулась вниз, в подвал, чтобы хоть одна живая душа была рядом — пусть сумасшедшая, пусть невменяемая, но живая.

Дверь в подвал оказалась закрыта. Дуська начала колотить в нее руками и ногами, но с той стороны не раздавалось ни звука.

При мысли, что ее бросили в этом доме одну, она громко завывала.

— Чего вы орете? — вдруг раздраженно спросил глухой женский голос.

Евдокия вздрогнула, обернулась и увидела коренастую горничную, похожую на жительницу Папуа Новая Гвинея. Оказывается, она умела говорить на чистейшем русском, оказывается, она была способна на эмоции.

— Где Алекс?! — набросилась на нее Евдокия.

— Не знаю такого, — надменно ответила туземка.

— Где Томас?! — заорала Дуська, сжав кулаки.

— Спит ваш Томас в спальне хозяйки, — усмехнулась горничная и, развернувшись, показала свою широкую, надменную спину.

— Какой хозяйки? — Дуська побежала за ней. — Чьей хозяйки?!

— Третий этаж, — сухо бросила та через плечо и исчезла за какой-то дверью.

Евдокия помчалась на третий этаж.

В той самой спальне, из которой был вход в роскошную гардеробную, Алекс кувыркался в кровати с грудастой девицей.

Но Дуську поразило не это. Над кроватью висела огромная картина в позолоченной раме, выполненная в манере сюрреализма. Линии были размыты, нечетки, краски захлест перебивали друг друга, смешиваясь в вакханалию цвета, а сюжет терялся в этих художественных изысках. Дуська сто раз видела эту картину, но только сейчас вдруг поняла — на холсте изображена обнаженная женщина с длинными белыми волосами, стоящая на раскрытой ракушке, и эта женщина как две капли воды была похожа на Инну Покровскую.

«В спальне хозяйки...» — вспомнила она слова смуглой горничной.

Здесь была какая-то дикая, страшная тайна — в этом богатом доме, в этом портрете, в пленнике, запертом в подвале, в Алексе, с которого бандиты взяли огромные деньги, такая страшная тайна и такая угроза для Дуськиной драгоценной жизни, что она сорвалась с места и побежала, куда глаза глядят.

Лестница, коридоры, снова лестница...

Она услышала, что Алекс бежит за ней: «Стой, рыжая!» — орал он. Услышала визг и хохот продажной девки, но механизм самосохранения запустился с такой разрушительной силой, что она уже не могла мыслить здраво.

На первом этаже, возле кухни, была кладока. За тяжелой дубовой дверью хранились мука, консервы, масло и крупы. А изнутри — Дуська видела это, знала! — на двери неизвестно зачем была приделана тяжелая мощная щеколда.

Она залетела в кладовку и заперлась на щеколду.

— Открой! — заколотил Алекс в дверь. — Открой, рыжая! Ты что, на меня обиделась? Да я пачками этих девок имею, мне тебя одной не хватает! Открой, дура! Открой, или я вышибу дверь.

— Это невозможно. Она слишком тяжелая.

— Ева! Или как там тебя... у тебя что, крышу после удара сорвало?! Ты же не сможешь просидеть там до конца света!

— Смогу!

— Идиотка! Что я должен сделать, чтобы ты вышла оттуда?

— Рассказать правду.

— Какую?

— Чей это дом? Кто живет в клетке, в подвале?! Почему на портрете в спальне нарисована Инна Покровская? Почему ты отдал все мои деньги бандитам?

За дверью воцарилось молчание. Оно длилось минуту, две, три, и Дуська, решив, что Алекс ушел, вдруг по-настоящему испугалась.

— Эй! — позвала она тихо. — Эй, ты ушел?!

— Нет. Думаю.

— О чем?

— О том, что жалко тебя убивать, рыжая. Привык я к тебе. Ты такая... забавная зверушка. Строишь из себя дубовый наивняк, а сама хитрющая, как лиса. Жалко, что ты суешь свой конопатый нос куда не следует. Зачем ты полезла в подвал?! Зачем к портрету приглядывалась?! А если и поняла чего лишнего, то почему не промолчала?! И что мне теперь с тобой делать? А я ведь действительно хотел жениться на тебе. Так, для прикола. Не в загсе, конечно, батюшку хотел пригласить. А ты... Ты такие нехорошие вопросы начала задавать! — Алекс замолчал на пару секунд, потом, громко вздохнув, сказал: — Ладно, сиди пока, рыжая. Думай.

С той стороны лязгнул замок.

— Выпусти! — бросилась Дуська к двери. — Зачем ты меня закрыл? Выпусти, я буду молчать! Я ничего никому не скажу! Я спросила тебя просто так, не подумав, ведь у меня сотрясение мозга! Выпусти! И запомни, ты не сможешь меня убить, потому что немедленно сдохнешь сам! Ты мне продал себя! Продал за восемьсот тысяч долларов! Урод! Гад! Открой!

Удаляющиеся шаги стали Дуське ответом...

Глава восьмая

Побег

— Милая!

— Привет, дорогая!

— Господи, как я рада, что ты жива! Я даже выпила за твое здоровье... — И свечку поставила в церквы за здравие.

— За здравие ставят умирающим, балда! А я...

— Верунь, у тебя опасные травмы?

— Перелом пальца, еегкое сотрясение серого вещества, ушиб колена и лопнувшая мозоль на пятке. Последнее, пожалуй, самое неприятное.

— Браво, Верунь! Значит, я смогу выкрасть тебя из больницы?!

— Что значит — «выкрасть»?

— Но мы же скрываемся! К тебе в любую минуту могут прийти оперативники и начать допрашивать! Ты должна немедленно убежать, и я тебе помогу!

— В каком смысле сможешь?

— В прямом, дорогая! Я узнала, что ты лежишь в Первой клинической больнице, в двести второй палате, на втором этаже. В больнице строгая пропускная система, но мы уйдем через окно. Тут чудесная пожарная лестница, она как раз возле твоей палаты. Одежду я тебе принесла!

— Надеюсь, не вечернее платье и туфли на шпильках?

— Нет, брюки, куртку и кроссовки.
— Ты так говоришь, будто уже стоишь под дверью...
— Да нет, почему под дверью? Я сижу на подоконнике твоей палаты! Приглядись хорошенько, встань, подойди на цыпочках и тихонько открой окно.
— Ой! Как ты рискнула? Мы же скрываемся от полиции!
— Ха! Я переделалась в мужской костюм, надела широкополую шляпу и наклеила усы!
— Прости, дорогая, что ты наклеила?
— Усы! Вылезай побыстрее, тут на подоконнике скользко и холодно!
— Боюсь тебя огорчить...
— Что еще? Ты организовала в палате клуб «Тем, кому за...» и не можешь его бросить?
— Хуже.
— Неужели влюбилась в лечащего врача и ни за что не удерешь из больницы?
— Гораздо хуже.
— Черт бы тебя подрал! Вылезай быстрее, а то я сейчас грохнусь!
— Кларунь, дорогая, я давно удрала из больницы! И сейчас я вовсе не в двести второй палате.
— Как это... не в двести второй?.. Как это, удрала?..
— Вот так, извини. Ты правильно сказала, мне нужно было скрываться. В любой момент могла нагрянуть полиция и начать допрашивать меня. Ей-богу, к допросам я была не готова, поэтому просто слиняла прямо в гипсе и больничном халате. Прости!
— Старая кляча! Почему ты не позвонила мне?! Почему не предупредила?! Где ты сейчас?
— На даче, как и договаривались. Пью наливочку, топлю буржуйку, зализываю раны... Приезжай ко мне, Клара Аркадьевна! Хватит по стенам лазить, не девочка уже.
— А-а-а-а-а-а!
— Эй, что там такое?
— Ой, ой!
— Кларунь, где ты? Что стряслось?
— Я... я упала. Навернулась со второго этажа. Хорошо, что внизу сугроб...
— Встать можешь?
— Нога... Что-то с ногой!
— Так, спокойно, не паникуй. Ползи в приемный покой, спроси Надежду Никитичну. Дашь ей тысячу рублей и скажешь, что от меня. Она сделает рентген, даст обезболивающее и, если надо, наложит гипс. Ты все поняла?
— Да, уже ползу. А приемный покой справа, или слева?
— По центру! Если ты хочешь остаться инкогнито, то по центру.

— Ползу! Ползу, дорогая!
— Только не забудь отклеить усы!
— Это важно?
— Думаю, да. Как разберешься с ногой, немедленно приезжай на мою дачу! Только без выкрутасов! Бай, милая.
— Бай-яй-яй, дорогая!

Фил запустил карусель и устало откинулся на спинку стула.

Голова нестерпимо болела. Он всю ночь просидел у дверного «глазка», карауля опечатанную квартиру Птичкиных. Конечно, это было бессмысленно, но иначе Филипп Филиппович не мог.

Он очень боялся пропустить в жизни момент, когда сможет совершить подвиг.

Но случаев не подворачивалось, все они были какие-то мелкие. Мелкие и незначительные.

Но Фил ждал своего звездного часа. Ждал, и поэтому всю ночь просидел на табуретке возле дверного «глазка», наблюдая за соседской квартирой.

Под утро он задремал. А когда проснулся, увидел, что на двери Птичкиных мелом нарисован портрет Покровской, а у порога навалена гора красных роз. Фил в отчаянии дернул себя за редкие волосенки — проспал!

Кто это сделал? Говорят, убийцы любят приходить на место преступления. Любят приносить цветы и оказывать другие нежные знаки внимания своей жертве. Впрочем, это могли сделать и многочисленные поклонники Покровской и Грига.

— Стой!! — привел его в чувство голос начальника Акимыча. — Ты что творишь, оглоед?! У тебя карусель уже полчаса крутится! Люди выпрыгивают на ходу, а кто не может прыгать — блюет с высоты! Что творишь, гад? Теракт?! Диверсия?! Убью!!!

Фил вздрогнул и нажал нужную кнопку. Скрипя цепями, карусель медленно остановилась. Из кабинок начали вываливаться шатающиеся люди с бледными, злыми лицами.

Акимыч бесновался. Он орал, топал ногами, вращал выпученными глазами и был бесконечно прав.

— «Скорую»! «Скорую» вызывайте! — кричал в отдалении женский голос. — Тут девочке плохо и мальчику нехорошо!

К будке Фила бежали двое крепких парней с разгоряченными лицами.

Портнягин схватил с полки свою старую кружку с несмываемым чайным налетом — его единственное имущество на рабочем месте, — выскочил на улицу и помчался к забору.

— Уволен! Без выходного пособия! — орал вслед Акимыч. — Я всегда подозревал, что у тебя с головой плохо!!

— Под суд его! — кричал кто-то.

Бежать в валенках было неудобно, но Портнягин летел. Он перескакивал подтаявшие сугробы, лавочки с отдыхающими, лотки с мороженым. Высокий забор поддался ему с первого раза.

Очень не хотелось быть битым.

И по-прежнему хотелось совершить подвиг.

— Раз-два-три, раз-два-три! Поворот! Раз-два-три! Тьфу, Алексеева, ты совсем потеряла форму! Как голову держишь? Двигаешься, словно рыба на крючке.

Танцы были спасением. Дина вспомнила, что не посещала занятий два месяца и к вечеру, когда хандра стала невыносимой, позвонила Алевтине, своему тренеру.

— Приходи, конечно, — обрадовалась Алевтина, чья зарплата напрямую зависела от количества человек, посещающих ее занятия. — Твой Борис замучился танцевать с косолапой Ленкой!

Борис был давним партнером Дины, немного влюбленным в нее — ровно настолько, чтобы в танце понимать с полувзгляда, а в жизни не позволять себе ничего лишнего.

— Раз-два-три!

— Говорят, ты вляпалась в неприятную историю? — шепнул Борис на ухо Дине, чуть сбившись с шага.

— Кто говорит?

— Газеты, телевизионные новости, злые языки, наконец.

— Я пришла сюда, чтобы забыть об этом, — ответила Дина, держа голову в гордом повороте, а спину так прямо, что заболели лопатки.

— Теперь тебе не дадут об этом забыть, куда бы ты ни пришла, — усмехнулся Борис. — Слишком уж шумная история получилась.

— Ну хотя бы ты мог позволить мне не вспоминать об этом! — возмущенно вскинула на него глаза Дина.

— Вот я-то как раз и не могу позволить тебе об этом не вспоминать! — улыбнулся Борис. — Понимаешь, Диночка, дело передали в наш отдел.

— В какой еще «ваш» отдел?!

— В наш отдел на Петровке. Дело-то громкое, начальство рвет и мечет, чтобы оно всяком не стало.

— Постой! Ты что, хочешь сказать...

— Да опер я, опер! И работаю на Петровке. И дело ведет наш отдел.

— Почему ты никогда мне об этом не говорил?!

— Зачем? Какая разница, с кем танцуешь? Лишь бы хорошо получалось.

— Вот скотина! А почему ты форму не носишь?

— Да кто же ее носит?! Я ведь сыщик, а не постовой.

- Зачем танцами занимаешься?
- Для релаксации. Это не запрещено при моей работе.
- Ладно, пошли, — вздохнула и потянула его за руку в раздевалку. — Тебе ведь надо со мной поговорить?
- Надо, — вздохнул Борис. — Только лучше в моей машине.

Минут тридцать Дина со всеми подробностями рассказывала все, что знала об этой истории. Ее очень подмывало спросить, откуда у простого опера с Петровки «Лексус» последней модели, но она так и не рискнула, решив, что ей достаточно того, что ее допрашивают не в казенном кабинете, а в комфортабельном салоне машины. И вопросы задает не надменный сухарь, а Борис, который знает ее сто лет, стопроцентно ей доверяет и смотрит на нее с нескрываемым восхищением. Это была удача, везение, удивительное совпадение.

Она рассказала Борису про Левина, про то, что взяла отпуск на работе специально для того, чтобы отвоевать квартиру, про то, что они с Норой решили учинить безобразие на Восьмое марта со стриптизерами, но Левин догадался сделать то же самое и переиграл их. Рассказала о том, как в разгар веселья с потолка вдруг полился жуткий кровавый дождь, и о том, как они с Левиным обнаружили труп. Деликатный момент с синими ирисами она обошла, зато в деталях живописала, как кто-то запер их, и сорок минут пришлось торчать на закрытом балконе, зовя на помощь. Она и про Левина рассказала, и про драку в подъезде, которую затеял ревнивый Титов, но которую какой-то пришлый маг с готовностью поддержал. И про то, что ее надули в приюте, подсунув беременного кобеля. Она постаралась ничего не упустить.

Борис внимательно слушал, не перебивал, не задавал лишних вопросов. Но больше всего Дине нравилось, что он ничего не записывал, и все это смахивало на дружескую беседу.

— Тебе щенок случайно не нужен? — закончила Дина свой рассказ.

— У меня кошка, хомяк и экзотический таракан. С ними гулять не надо, — рассеянно ответил Борис. — Думаю, Динуля, тебе на некоторое время необходимо переехать к маме.

— Это еще зачем? — испугалась Дина. — Ты думаешь, мне что-то грозит?

— Я думаю, нужно перестраховаться. Очень уж некрасивая эта история. И огласки у нее много. Инна Покровская — личность известная и скандальная. Вокруг имени этой дивы столько пересудов и сплетен, с ней связано столько богатых и влиятельных людей, что лучше перестраховаться, мало ли кому захочется своими силами докопаться до истины. Из-за смерти Инны у многих дела могут пойти плохо. Кое-кто потеряет деньги, а хуже того — перспективы. Да она одним только музыкальным каналам платила бешеные деньги, чтобы Грига постоянно крутили... Ты слишком близко стоишь к обстоятельствам смерти Покровской. Боюсь, некоторым дельцам от шоу-

бизнеса может прийти в голову попытать тебя на тему последних минут жизни Инны Покровской.

— Но я ничего не знаю! Я видела ее уже мертвой!

— Тебе охота кому-то доказывать это с пеной у рта? Это я тебе верю, ребята с Петровки тоже поверят, потому что они вменяемые. А тем, кто может начать собственное расследование — плевать на твою правду. Они будут истолковывать все так, как им удобно. Ты слышала, что Гнедулин назначил награду в пять миллионов долларов тому, кто назовет имя убийцы?! Думаешь, не найдется умников, которые попытаются эти деньги заполучить? К тому же поклонники Игоря Грига могут начать истерить. Сделают вывод, что ты виновата в смерти Покровской и станут мстить. Ведь кто такой Григ без денег и продюсерского таланта Покровской? Мыльный пузырь. Немного таланта и куча амбиций. Таких, как он, миллионы. Про Грига забудут через полгода, если его звездность не подкармливать скандалами, сплетнями, постоянным присутствием в прессе и причастностью к сильным мира сего. Но сегодня тысячи истеричных мальчиков и девочек готовы будут отомстить тому, кто убил его «мамочку». Так что... к маме, к маме!! — Борис завел движок, и машина плавно тронулась с места.

— А к подруге можно?

— Можно, но лучше к маме. Тебе куда сейчас?

— На Арбат. Метро Александровский сад.

— Круто. Хорошее место. Квартирка, небось, недешевая?

— Недешевая. Только не совсем моя.

— С этим делом я тоже попробую разобраться, если время останется.

— Спасибо. Ты настоящий друг, хоть и с Петровки.

— Не за что. Ты не представляешь, сколько за эти годы я получил удовольствия, танцуя с тобой.... — Разговор уплывал в опасное русло, и Дина предприняла попытку перевести его на другую тему.

— Но хоть что-то удалось раскопать про эту Покровскую? — перебила она Бориса.

— Удалось. Последний раз Инну видели пятого марта на вечеринке в клубе «Шаляпин». Там проходила презентация ее книги «Изнанка». На презентации она была веселая, беззаботная, с удовольствием давала интервью журналистам и позировала перед камерами. Григ, естественно, вертелся возле нее. Но часов в десять вечера, когда официальная часть была закончена, с Инной что-то произошло. Она стала раздражительная, нервная, все время куда-то звонила, причем, мобильный почему-то брала у Грига, а не пользовалась своим. Мы проверили эти звонки — как ни странно, ничего интересного. Покровская звонила своей парикмахерше, в гляцевый журнал договориться об интервью и фотосессии с Григом, а также в ресторан, чтобы подтвердить заказ столиков на Восьмое марта. В общем, ничего подозрительного.

Но отчего-то же у Покровской сменилось настроение! Она часто выходила в туалет, много курила, а когда начался банкет, не выпила ни одной рюмки спиртного и отказалась от закусок. Григу она сказала, что у нее разболелся желудок. На здоровье Инна никогда раньше не жаловалась, поэтому Григ обеспокоился и предложил ей уехать домой. Инна раздраженно отказалась покинуть банкет, но через некоторое время исчезла. Когда именно — никто точно сказать не может. Григ, который неотступно следовал везде за Инной, отвлекся на танцы и стриптизерш.

Швейцар сказал, что женщина, похожая на Инну Покровскую, выбежала из клуба в полдвенадцатого ночи. Она была чем-то взволнованна и на бегу надевала шубу. Водитель Инны спал в машине, но его услугами Покровская почему-то не воспользовалась. Скорее всего, она поймала частника, потому что опрос таксопарков ничего не дал. Никто из водителей такси не подвозил в тот день Покровскую. А может... может, за ней кто-то приехал. Во всяком случае, с того момента, как она выскочила из клуба, Инну никто не видел. Покровская словно сквозь землю провалилась.

— Что говорит Григ по поводу ее смерти?

— Рыдает. Много и напоказ. На камеры, на фотообъективы, перед оперативниками, перед журналистами и поклонниками. По-моему, он перебарщивает с эмоциями. Возникает подозрение в их неискренности.

— А муж?

— Как ни странно, ведет себя естественно и достойно. Активно помогает следствию. Искренне ответил на все вопросы, охотно дал обыскать комнату Инны, позволил просмотреть все ее бумаги и документы, к которым имел доступ. Создается впечатление, что этот гостиничный король вполне нормальный мужик и отношения к смерти жены не имеет. Он даже назначил награду за информацию об убийце, хотя этот факт, конечно, подозрений с него до конца не снимает...

— Вон туда, пожалуйста, поверни. Мне к первому подъезду.

— Ух, ты, какой дом! — восхитился Борис. — Женился бы на тебе из-за квартиры, если бы не был женат! — Он вышел, открыл Дине дверь и подал руку.

— Скажи, если бы мне не взбрело в голову прийти сегодня на занятие, ты вызвал бы меня на Петровку? — улыбнувшись, спросила Дина.

— Нет, пригласил бы на вальс, — засмеялся Борис и в полупоклоне поцеловал ей руку. — Помни, тебе повезло, что твой партнер — я!

Дина пошла к подъезду, перепрыгивая через лужи.

Шины тихо зашуршали по асфальту. Борис уехал, весело погудев на прощанье.

Дина подняла глаза и вздрогнула. У подъезда стоял Левин. В одной руке он держал охапку желтых роз, в другой поводок с собакой. Вид у Левина был идиотский.

Розы сыпались по одной на асфальт, а собака дергала поводок, стремясь быстрее попасть в кусты. Левин пытался все это удержать и спасти.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась Дина.

— Гуляю твою собаку.

— С розами?

— С совком и пакетом!! — Он сунул цветы Дине и прошипел: — Тебя нет дома уже три часа! Твоя Пантагрюэлиха невыгуленная и голодная! Тебе никого нельзя заводить, ни мужа, ни детей, ни собаку! Кто этот хмырь с вывороченными ножками, который привез тебя?!

— Оперативник с Петровки. Он допрашивал меня по делу убийства Инны Покровской.

— Великий боже! — заорал Левин. — Опера ездят на «лексусах», довозят свидетелей до дома и целуют им ручки!!

Дина отцепила собаку с поводка. Пантагрюэль рванул в кусты так, что из-под лап у него полетели брызги.

— Это сцена ревности? — спросила она.

— Это сцена голода, холода и одиночества, — мрачно ответил Левин.

— Зачем ты купил цветы?

— Хотел поздравить тебя с Восьмым марта. Надоело воевать. Все надоело... Хочу мира, тепла, домашней еды и чтоб никаких убийств.

— Да ты пьян! — засмеялась Дина, наклоняясь и поднимая выпавшие из букета розы. — От тебя несет перегаром!

— Ничего я не пьяный! Так, дерябнул немного с магом, но это было с утра.

— Дерябнул! С магом, с утра! — передразнила его Дина. — Поздравляю, ты стал настоящим русским! Видела бы тебя твоя Клэр! Пьяный, помятый, небритый, очки набекрень, в руке пустой поводок...

— Видел бы тебя сейчас твой балетный опер! — со злостью парировал Левин. — Мокрая, бледная, с дурацким желтым букетом, довольная, словно наследство от бабушки получила...

Дина швырнула букет на скамейку и посмотрела прямо ему в глаза:

— Ты же сказал, что устал воевать. Ты сказал, что хочешь мира, тепла и еще чего-то домашнего...

— Хочу. Но ты будишь во мне страшную сволочь. Почему этот гад целовал тебе руку?! Почему орал, что он твой лучший партнер?!

— Потому что я танцую с ним вальс! И танго, и ча-ча-ча...

— С опером, который работает на Петровке? Ча-ча-ча?! — Левин вдруг неуклюже подпрыгнул, сделал какие-то па ногами и с легким поклоном протянул Дине руку.

— Что это? — удивилась она.

— Приглашаю вас на ча-ча-ча, мадам!

Дина приняла удар и на темной улице, под окнами многоквартирного дома уверенно исполнила несколько па латиноамериканского танца, увлекая за собой Левина.

Он был неуклюж как тюлень и для бальных танцев никак не годился.

— Запомните, мадам, я ваш лучший партнер! — проорал Левин. — Я, а не опер с Петровки! И знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что мы не случайно оказались вместе в одной квартире! Потому что кто-то зачем-то решил нас свести! И я, кажется, знаю — кто! Провидение!

— Это тебе пьяный маг утром сказал? — догадалась Дина.

— Да, — поскущел Левин. — Но я ему верю, потому что магический шар на профилактике, и маг честно собирал факты, а не гадал на его хрустальных боках!

Дина сгребла цветы с лавочки и пошла домой. Ей надоел этот цирк. Этот Левин, эта весна, этот вечер и эти шипы.

Она твердо решила воспользоваться советом Бориса и уехать на время к маме. И пусть мама гундит, учит жить, вспоминает молодость и ухажеров, пичкает невыносимо сладким вареньем и спитым чаем, трещит бесконечно по телефону, непрерывно ищет свои очки, критикует Динин макияж, одежду, прическу, украшения и манеры, пусть, наконец, фальшиво поет «Очи черные», начиная с пяти утра, Дина все вытерпит. Она забьется в уголок детской комнаты, возьмет любимую книжку Экзюпери и пересидит все опасности и неприятности в теплой, безопасной норе.

Пантагрюэль уныло плелся за ней, за собакой тащился Левин.

Оставить собаку ему или удивить маму беременной сукой?

Размышляя над этим вопросом, Дина открыла дверь и пошла собирать чемодан.

Едва он сварил кофе, едва налил его в две чашки, едва поставил на стол сахарницу и сливки в узконосом кувшинчике, едва отдышался, пригладил волосы и поправил очки, как...

Как в холле появилась она. С чемоданом и собакой на поводке. Желтые розы Дина держала под мышкой. Это обстоятельство тронуло его, вызвав комок в горле, потому что он очень стеснялся того, что купил эти розы, и был уверен, что Дина, посмеявшись над ним, сразу отправит цветы на помойку.

Левин выскочил в холл и перекрыл ей дорогу.

— Ты куда?

— К маме.

— Зачем?!

— Как зачем?! Ты же мечтал остаться в этой квартире один! Я ухожу. Во всяком случае, до тех пор, пока все не прояснится.

Левин выхватил у нее чемодан и поводок. Чемодан был тяжелый, с вещами. Дина не валяла дурака, как он вчера, она действительно собралась уходить.

— Я тебя не пущу!

— Не имеешь права!

— Имею! Я кофе сварил... на двоих. Я розы купил. Наконец я выгулял твою собаку!

— Мне Борис велел уйти к маме на время. Он говорит, что оставаться в этой квартире опасно. За Инну Покровскую многие могут начать ломать копыя. Я поживу у мамы. Ты тоже будь осторожнее.

— Ладно, иди. — Левин отдал ей чемодан. — Против Бориса не попрешь. Пантагрюэля оставь мне, нечего пугать маму.

Дина сделала шаг к двери и повторила:

— Я пошла. Будь осторожнее.

— Хорошо, обещаю.

Дина сделала еще шаг и остановилась, словно прислушиваясь, идут ли часы на кухне.

— Твой кофе еще не остыл? — спросила она.

— Не думаю! — ответил Левин, не сумев скрыть радость.

— Пожалуй, выпью на дорожку. — Не обращая на него внимания, Дина поставила чемодан, прошла на кухню, сунула цветы в банку с водой и села пить кофе.

Без сливок и сахара.

И, кажется, со слезами.

Левин подошел сзади, встал у нее за спиной.

— Зачем ты купил цветы? Только не ври про Восьмое марта, праздник давно закончился.

— Я так устал тебя ненавидеть, что готов полюбить.

Глупее ничего нельзя было сказать. Но он сказал то, что сказал, и сам удивился этому.

— А как же Клэр? — спросила Дина, не оборачиваясь.

— Клэр — это другое. Это фантазия, которая не могла стать реальностью.

— Расскажи мне о ней.

— Клэр была моей студенткой. Она ходила ко мне на дополнительные занятия. Ей едва исполнилось двадцать лет, и с моей стороны непростительно было думать о ней как о женщине, но... я и не думал. Я просто терял голову, когда ее видел. Занятия проходили у меня дома, в квартире, которую я снимал. И однажды она не ушла. Сказала, что на улице дождь, что никто не ждет ее дома, что ей хорошо рядом со мной...

Мы стали жить вместе. Клэр бросила университет, чтобы не компрометировать меня как преподавателя. Я возражал, говорил, что лучше сам брошу работу и разорву контракт, но она слушать ничего не хотела. Утверждала,

что всему в жизни уже научилась и получила самый большой подарок — меня. Да, она первая призналась, что любит меня, и сделала это на чистейшем русском. Без ошибок. Сказать, что я был счастлив, ничего не сказать. Мне казалось, что я сплю, и мне снится фантастический сон. Такая красавица не могла быть моей. Такая юная, умная, нежная... Она не могла любить такое несовершенное существо как я. Но она любила, да еще как! Мы проводили вместе все свободное время. Она устроилась работать секретарем в какую-то фирму, где требовалось знание русского языка.

Счастье длилось ровно шесть месяцев, восемь дней и двенадцать с половиной часов. В тот день я собирался сделать ей предложение. Купил кольца, цветы, вино и какие-то дурацкие свечи. Я почти не сомневался, что получу положительный ответ, но в положенный час она не пришла с работы. Я промаялся до двенадцати ночи, звонил ей на мобильный, ждал у подъезда, но абонент был недоступен, а такси не подъезжали к нашему дому. Когда я совсем потерял голову, она позвонила. Чужим и далеким голосом Клэр на английском объяснила мне, что не придет ночевать. Что вообще не придет. Что ей все надоело. Что такая юная и красивая девушка не может так долго принадлежать такому несовершенному существу, как я. Она и так долго страдала. Мучилась от безденежья, слушала мое вранье — какое вранье?! — ждала, когда я сделаю ей предложение, а я просто использовал ее молодость и красоту.

Я не мог сказать ей в ответ ни слова, потому что понимал — все правильно и закономерно, — все закончилось, потому что должно было закончиться...

Через неделю я увидел Клэр в роскошном «Ягуаре», рядом с директором фирмы, где требовалось знание русского языка. Клэр обнимала его и целовала в блестящую лысину. Наверное, директор был более совершенным, чем я, потому что на мизинце у него блестел перстень с огромным бриллиантом. А может, Клэр могла любить только тех, с кем работала... Из газет я узнал, что Клэр и господин с большой лысиной помолвлены.

Я разорвал контракт, бросил работу и уехал в Россию. Все. Скучная история.

— У меня тоже скучная, — вздохнула Дина. — Муж изменил мне с особым цинизмом. Он и раньше мне изменял, но как-то... цивилизованно. Удалял все любовные эсэмэски в мобильнике, прятал подарки любовницам в самые труднодоступные места в доме, тщательно чистил одежду после свиданий, чужие духи перебивал своим знойным парфюмом, не допускал двусмысленных телефонных звонков, а уж тем более пошлых следов помады. А когда приходил поздно, всегда имел доказательства, что провел время в обществе деловых бумаг. Я догадывалась об его изменах, но молчала. Не пойман — не вор. Но однажды Норка позвала меня на свой день рождения. Договорились, что я буду ночевать у нее, чтобы не тащиться ночью через весь город. Я предупредила об этом Стаса. Предполагала, ко-

нечно, что эту ночь свободы он использует на всю катушку... Но я уже говорила, он всегда соблюдал приличия.

Вечером я поставила тесто, хотела утром печь пироги. Впереди были выходные, и я подумала: пусть все будет как у людей — домашний уют, запах выпечки и иллюзия семейного счастья. Поставила тесто и уехала веселиться к Норке. Часов в двенадцать ночи у меня зазвонил мобильный и незнакомый сиплый голос в трубке сказал: «Езжайте домой, увидите много интересного».

Я поехала. Понимала, конечно, что там увижу, но все же не верила, что Стас привел любовницу в наш дом. Этого не могло быть!

Я оказалась права. Это была не любовница. Это была проститутка. Дешевая, с сальными волосами, отвисшей грудью, большой бородавкой на подбородке и облупленным лаком на грязных ногтях. Я тихо открыла дверь, на цыпочках прошла в квартиру и увидела их на кухне. Эта тварь стонала, закатывала глаза, хватала тесто пригоршнями и обмазывала им голую, дергающуюся спину Стаса.

Меня стошнило тогда. Прямо на кухне. Проститутка убежала, не одеваясь.

Стаса я не могла больше видеть и подала на развод. Он не хотел разводиться. Бесновался. Злился. Орал, что такая престарелая дура, как я, никому не нужна. Даже побил меня дважды. Но я развелась. Нет, не развелась, а освободилась. От грязи, от вранья...

А еще смогла отсудить половину имущества, на что и купила эту квартиру. Вот так.

Левин смотрел на нее во все глаза. Она была красивая. Немного несчастная. Загадочная и одинокая. С прямой спиной и вздернутым подбородком. И он бы все на свете отдал, чтобы ее никогда больше не стошнило на кухне.

— Ну вот и исповедовались. — Дина встала и пошла в холл. — Наверное, я оставлю цветы здесь. Они очень колючие, а мне на метро тащиться.

— Стой! — Левин вскочил и перекрыл ей дорогу. — Не уходи. Я смогу тебя защитить! Я куплю пистолет, я даже попрошу у Титова охрану!

— Я обещала Борису уехать к маме.

— К черту Бориса! Кто он такой?!

По выражению ее лица Левин понял, что с Борисом ему не тягаться. Момент, когда он должен остаться в квартире один, казался ему невыносимым. Мысль, что одиночество скрасит собака, тоже не грела. Оставалось только тоже свалить к маме, но это был худший из вариантов.

— Я утром встречался с магом, — пробормотал Левин, чтобы хоть как-то задержать Дину.

— И что? — остановилась она на пороге. — Твой волшебник назвал имя убийцы Инны Покровской? Или выяснил, наконец, кому принадлежит эта квартира?

— Я уже говорил тебе, Андрейкин всерьез полагает, что кто-то нас хочет свести. Грубо и беспардонно. Только ради этой идеи было создано фиктивное агентство недвижимости «Юпитер», и подставной риелтор, меняя парики, впарила нам на двоих одну и ту же квартиру. Ну... чтобы поселить нас на одной территории. Андрейкин уверен, что целью этой бессовестной махинации была не нажива, а... ну ты понимаешь... — Левин потупился, рассматривая свои носки. — Идея, конечно, бредовая, учитывая, какие деньги получила эта аферистка Егодина, но что-то во всем этом есть. Ведь полиция действительно ничего не делает. И прокуратура бездействует, не реагируя на твоё заявление. Вывод один: или им заплатили, или они что-то знают.

Дина вдруг захохотала:

— А знаешь, мне нравится это предположение! Мне нравится идея, что эту квартиру продали дважды только для того, чтобы мы тут с тобой снюхались! А главное — это почти получилось! Ты уже покупаешь мне розы, гуляешь с моей собакой, варишь на двоих кофе и ревнуешь меня к Борису. Ты рассказываешь мне о своей Клэр, как о прошедшем этапе, о котором ты не очень-то и жалеешь!

— Ты тоже немало делаешь, чтобы мы, как ты выражаешься, «снюхались»! — разозлился Левин. — Ты с удовольствием принимаешь мои цветы, ты танцуешь со мной на улице, ты с радостью пьешь мой кофе, ты с готовностью бросаешь на меня свою беременную собаку и с упоением рассказываешь, как тебе изменил муж!

— Ах, с упоением?!

— С упоением, — упрямо повторил Левин.

— Ты знаешь, а я понимаю, почему твоя Клэр сбежала от тебя через полгода к своему лысому шефу!

— Я тоже догадываюсь, отчего твой муж предпочитал проституток!

— Гад! — Дина подпрыгнула и залепила ему пощечину.

— Д... дура, — Левин повертел у виска пальцем.

Она выскочила в подъезд и, волоча чемодан по ступенькам, побежала вниз.

Левину стало весело. Враг не прошел, никто не смог навязать ему свою волю. Плевать ему на эту зеленоглазую выдергу, и напрасно он тратился на цветы.

— А еще Андрейкин сказал, что убийство Покровской напрямую связано с нашей квартирной аферой! — весело крикнул он Дине вслед. — Квартиру над нами сняла какая-то Вера Петровна Аршинникова для все той же Евдокии Егодиной!

— Кто?! Кто снял квартиру над нами? — Дина остановилась как вкопанная, и чемодан сильно ударил ее по ногам.

— Вера Петровна Аршинникова, — повторил Левин. — Мне отчего-то знакомо это имя, но я не помню, где его слышал.

Дина села на чемодан и схватилась за голову. Левин спустился к ней, присел рядом на чемодан.

— Ты знаешь Веру Петровну?

— Да, это... это..

— Ну?

— Это... — Дину душила истерика. Она схватилась за горло, потом за живот, потом сделала руками неопределенный жест в воздухе.

— Ну? Кто? — воскликнул от нетерпения Левин. — Твоя первая учительница? Злая свекровь? Конкуrentка по бальным танцам?! Жена Бориса?! Кто?!

— Это... моя... м-мама!!! — взвыла Дина, утыкаясь ему в плечо и мгновенно намочив рубашку потоком слез.

— Кошмар, — сказал Левин, снимая очки. — Кошмар! Лучше бы Вера Петровна была акушеркой.

— Выходи! — Дверь кладовки открылась, и в проеме возникла коренастая фигура горничной. — Выходи и беги отсюда. Я тебе ключи от черного хода дам.

Бежать от Алекса? От любви всей ее жизни?! От единственного шанса устроить свою судьбу?!

Или бежать от неминуемой смерти?

Дуська забилась в угол кладовки, не в силах принять решение.

— Выходи, а то закрою, — пригрозила горничная. — Я и так шкурой рискую, выпуская тебя отсюда. Выходи, пока Томас заснул!

Евдокия решилась и выскочила из душной кладовки. Руку обжег холодный металл ключей, которые сунула ей смуглая горничная.

— Пойдешь на кухню, оттуда в прачечную. Около стиральной машины есть потайная дверь, откроешь ее вот этим ключом. Выйдешь на улицу, метров пять налево пройдешь, там увидишь зеленую калитку. Откроешь вот этим ключом! — шепотом объяснила она. — А там... как знаешь! Беги, дура! Только ключи возле забора брось.

— Стой! — Дуська схватила ее за рукав. — Тебя как зовут?

— Как зовут, не твое дело. Не заставляй меня жалеть, что я выпустила тебя. — Выдернув руку, горничная пошла по направлению к лестнице, но Дуська догнала ее.

— Скажи, ты говорила — «хозяйка». Кто это? Инна Покровская? А Томас — кто?! И еще внизу, в подвале, сумасшедший в клетке сидит. Почему? Скажи, чей это дом?!!

— Дура ты! — огрызнулась туземная тетка и попыталась схватить Дуську за руку. — А ну, отдай мне ключи! Отдай, я сказала!

Евдокия отскочила и подняла ключи над головой. Она была гораздо выше, и та, как ни прыгала, выхватить их не смогла.

— Пожалела я тебя, — устав прыгать, сказала горничная, зло блеснув темными глазами, — а ты меня наказала за жалость! Как завизжу сейчас, скажу, что случайно кладовку открыла, а ты набросилась на меня, избила и отобрала ключи!

Она действительно завизжала, да так, что ни одна сигнализация не шла в сравнение с этим визгом.

Дуська сорвалась с места и побежала на кухню. Бес с нею, с любовью, лучше спасти свою бестолковую, никчемную жизнь. Глядишь, кому пригодиться. Глядишь, найдется в ней смысл...

Дверь в прачечную была открыта. В кромешной тьме она нашла дверь и наугад, с первого раза открыла ее нужным ключом.

Позади слышался визг и топот бегущих ног.

— Там она, там! — орала туземная тетка.

...Выхода не было. Начал бежать — беги. Догонят — порвут, это закон природы.

На улице было темно. Ни одна сволочь не позаботилась, чтобы во дворе этого богатого дома горел хоть один фонарь. Где найти зеленую калитку?

«Караул!» — подумала Дуська, мечась вдоль забора, словно загнанный заяц.

В спину дышал Алекс. Он уже протянул руку, чтобы поймать Дуську за шиворот и схватил ее, но это была всего лишь кофта. Дурацкая, вязаная кофта, спертая в «сэкондхэнде» год назад. Ее не жалко было ни рвать, ни бросать. Дуська выскользнула из кофты, как хитрый зверь из капкана.

— Стой, тварь! — Алекс попытался подставить ей подножку, но она уже сидела верхом на заборе и кулем свалилась на землю...

За забором отчетливо слышался звук заводящегося движка. Алекс решил догнать ее на машине.

Но начал бежать — беги, и Евдокия помчалась к дороге, неуклюже проваливаясь босыми ногами в снег.

Ее нагнала машина со спасительными зелеными шашечками, светящимися в темноте. Дуська бросилась на капот и, пока водитель говорил все, что он по этому поводу думает, ввалилась в салон и приказала:

— На Арбат!

— Мать твою! — ругнулся водитель. — Какие вы тут, олигархи, все резвые и прыгучие!

Глава девятая

Поцелуй

— Верунь, мы с тобой все неправильно сделали!

— Почему?

— Да потому, что я должна была остаться в подвале, а ты пойти на второй этаж за спичками. У меня нога сломана, а у тебя только палец!

— И как бы я взяла спички с гипсом на пальце?
— Верунь, у тебя еще есть левая рука, ты забыла?
— А у тебя правая нога. Ты опирайся на нее шибче, опирайся!
— Я шибче и опираюсь. Только у меня толчковая — левая, а она-то как раз в гипсе. Нужно было тебе пойти за спичками.
— Ты зануда, Кларунь. Ну что тебе стоит поменять толчковую ногу?
— А тебе что стоит стать на время левшой?
— Так я и есть левша, только переученная. Поэтому из принципа никогда не возьму ничего левой рукой.
— Я уже поднялась. Где коробок?
— Возле камина.
— Но камин на первом этаже, а я забралась на второй!
— Бестолковая! Чем ты меня слушала?
— Тем же, чем ты говорила!
— Сейчас снова поссоримся, а так не хочется! Нам на этой даче гнить как минимум пару лет. Кларунь, сядь на перила и сигани вниз.
— Сигануть?!!
— Ну да, как в детстве, помнишь? Чтобы не наступать на больную ногу.
— Съехала. Только перила-то тут винтом! Заноз нахватала, голова закружилась, ну и шлепнулась, само собой.
— Кларуня, ты космонавт! Я горжусь твоими занозами!
— Тьфу на тебя, зараза! Вот выздоровеешь, я тебя по этим перилам с секундомером гонять буду! На скорость!
— Будешь, милая, будешь! Ты только сама поскорее выздоравливай, а то с костылем несподручно секундомером пользоваться.
— Змея!
— Крокодилица!
— Где камин? Тут только дырка в стене.
— Над дыркой есть каминная полка, на ней лежит большой коробок спичек. Бери спички и шкандыбай ко мне. Эй, Кларуня, ты что, плачешь?!
— Да, слезы лью. Отсырели спички! Мокрые, сволочи, и не просушить их нам до второго пришествия...
— Это что ж теперь, ни свечку зажечь, ни буржуйку растопить?
— И как ты догадалась? Верунь, а может, нам совсем необязательно в подвале сидеть? Может, наверху, перекантуемся?
— А облава?! Облава на нас скоро будет!!
— А вдруг не будет? Вдруг мы не самые главные подозреваемые в убийстве этой дуры Покровской? А главное, Верунь, в тюрьме нам будет лучше, чем здесь! В тюрьме тепло, светло, и кормят, небось, не только рыжиками с вареньем!
— Типун тебе на язык! Соберись, Кларка! Немедленно соберись и спускайся ко мне! Переживем без свечей и буржуйки! Тут тулуп есть овчинный

и собачья доха. Завернемся, прижмемся друг к другу, выпьем винца и выживем!! Вспомни, ради чего мы страдаем!

— Ради чего?!

— Ради счастья самых дорогих нам людей! Ты Леве давно звонила?

— Давно. Я ему не нужна.

— Неправда. Просто у них с Диной все давно уже на мази!

— Откуда ты знаешь?

— От верблюда, милая. От горбатого, болтливого верблюда с телепатическими наклонностями.

— Мне бы такого верблюда.

— Помни, мы не зря сидим в подполе, терпим голод и холод! У нас все получится! Все, что мы задумали и ради чего рисковали жизнью!

— Ладно, готовь доху и банку вонючих рыжиков. Я иду к тебе, бегу, на перилах еду!!!

Теперь, когда утром не нужно было бежать на работу, Фил стал следить за квартирой Птичкиных более тщательно.

Не то, чтобы ему вовсе нечего было делать, но внутренний голос твердил Филиппу Филипповичу, что он может стать свидетелем чего-то важного. Что это важное может помочь следствию, а, следовательно, в некотором смысле сделать Фила героем и значительной личностью.

Внутренний голос всегда подводил Фила, но он привык его слушаться.

Утром, отбегав три часа в поисках новой работы, Филипп Филиппович сел на табуретку возле «глазка» и начинал следить за квартирой. Он перестал бриться, готовить, убирать и стирать, что всегда делал с удовольствием, не опускаясь до статуса запущенного холостяка. Кое-какие денежные запасы у Портнягина были, поэтому безработица в ближайшие несколько месяцев его не пугала. А потом он найдет... что-нибудь творческое. Работу вахтера, например, или сторожа. А еще лучше — дворника, чтобы рано утром крыть восхищенным матом рассвет, размеренно помахивая метлой.

«Аттракционы не предлагать», — заявлял Фил отныне всем работодателям, чем приводил их в полное замешательство, поскольку трудно было понять, что имеет в виду Портнягин под словом «аттракцион».

В общем, с творческой работой пока не клеилось, и основным занятием Фила стало бдение у «глазка».

Пару дней все было тихо. Розы под дверью завяли, портрет, написанный мелом, поблек, но ничего, что стоило бы пяти миллионов долларов, обещанных за ценную информацию, не происходило.

Филипп Филиппович отчаянно боролся со сном, голодом и желанием поваляться на диване с бутылкой пива. Он поборол свои низменные инстинкты, и его стойкость была вознаграждена. В три часа ночи хлопнула подь-

ездная дверь, на лестнице раздались неуверенные шаги. Фил прильнул к «глазку», сожалея, что в него можно смотреть только одним глазом. На площадку поднялась женщина. Несмотря на холодный март, на ней не было ни пальто, ни обуви, только мягкая длинная юбка и блузка с короткими рукавами. Увидев портрет Покровской, сделанный мелом, она отпрянула от опечатанной двери, но вдруг с невиданной злостью начала отдиирать бумажные полоски, оставленные прокуратурой.

— Стой, злыдня! — заорал Фил и выскочил на площадку.

Он схватил женщину за плечи и применил прием рукопашного боя, который никогда не выходил у него из-за того, что противник оказывался слишком тяжелым. Но с этой рыжей у него получилось! Он ловко бросил ее через бедро и в два счета уложил на пол. И только склонившись над конопатым лицом, понял, что она без сознания.

Переборщил Фил...

Пришлось искать пульс и щупать ее на предмет дыхания. Это занятие так увлекло Фила, что он забыл о приличиях. И о пяти миллионах тоже забыл. Он вдруг решил, что никому не отдаст эту рыженькую, пока сам не допросит ее с пристрастием, обстоятельно и подробно.

Только дома, уложив ее на диван, Портнягин понял, что она потеряла сознание не столько от его сокрушительного приема, сколько от травмы на голове. Короткие волосы были спутаны запекшейся кровью, а на затылке набухла огромная шишка с рассеченной поверхностью.

— Ух, ты, какая злыдня! — восхитился Портнягин и развел сумасшедшую деятельность по отмыванию крови с волос и прикладыванию компрессов к нужным и ненужным местам.

Рыженькая пришла в себя, но виду не подавала, только дышала чаще, да приоткрыв правый глаз, следила за спасительными действиями Фила.

— Выпей! — поставил, наконец, точку в реанимации Фил и протянул ей стакан. — Это водка с яйцом и перцем. Все хвори снимает! Народное арбатское средство.

— Пошел ты! — отодвинула его руку со стаканом рыженькая и простонала: — Внизу такси ждет, отдай водителю деньги!

— Я?! — несказанно удивился Портнягин и залпом выпил адскую смесь. — Я?!!

Никто никогда не просил Фила заплатить за другого.

Фил молча взял деньги, спустился вниз и расплатился с мрачным таксистом. Он так удивился себе, что три раза суеверно поплевал через плечо во избежание рецидивов такой глупой щедрости.

Рыженькая лежала на диване и делала вид, что спит. Она не торопилась сказать Филу спасибо, но его это отчего-то совсем не обидело.

— Ты кто? — присел он возле нее на корточки.

— Дуська, — сказала она.

— Преступница?

— Да вроде нет пока, но если так дело пойдет... — Дуська приподнялась на локте и оглядела комнату со скромной мебелировкой. — Слушай, давай свое арбатское средство, только яйца в него не переводи, не надо.

— А я тебя вспомнил! — воскликнул Фил, протягивая стакан с приготовленным напитком. — Ты по лестнице раньше шастала: туда-сюда, туда-сюда...

— Шастала, — согласилась Дуська, выпивая залпом до дна ядреную водку с перцем. — И дошасталась. Я тебя тоже помню, ушастый. Ты тут в доме типа надсмотрщика.

— Я не ушастый, — обиделся Фил и хотел пригрозить Дуське прокуратурой, но заметил, что она уже спит.

— Аттракционы не предлагать, — вздохнул Фил и пошел на кухню пить чай.

— Мама, открой! — Дина в отчаянии колотила кулаками в дверь, потому что звонок не выдержал ее бурного натиска и сломался. — Мама, открой немедленно! Это я, Дина! Мама!

— У тебя нет ключа от квартиры? — невесело поинтересовался Левин, перехватив ее руки.

— Откуда?! У мамы своя жизнь, у меня сво... Хотя, знаешь, раньше она всегда оставляла запасные ключи у соседки! — Дина бросилась к соседней двери. — Галина Семеновна! — заорала она, приготовившись колотить в дверь.

— Тише, — остановил ее Левин и деликатно нажал на звонок.

Галина Семеновна охотно отдала ключ и сообщила, что сто лет не видела Веру Петровну, ну а если не сто, то три дня точно, а если и не три дня, то последние двадцать четыре часа — истинный крест.

Дина выхватила у невозможно болтливой соседки ключ и, пока Левин извинялся, благодарил и раскланивался, открыла дверь.

Квартира была как квартира. Немного не прибрано, немного накурено, немного тоскливо от многочисленных портретов умерших родственников на стенах.

И свет в ванной не выключен.

— Та-ак, — протянул Левин, оглядываясь. — Следы поспешных сборов налицо. Шкафы нараспашку, вещи разбросаны, в пепельнице полно окурков, один из которых сумбурно затушен гармошкой.

— У нее всегда шкафы нараспашку, всегда вещи разбросаны и всегда один окурочок затушен гармошкой, — пробормотала Дина.

— А свет в ванной?

— Через раз выключает.

— Холодильник выдернут из розетки!

— У нее бзик на экономии электроэнергии. Она даже часы электронные выбросила, которые я ей подарила, потому что они от сети работают.

— Хм, а свет в ванной не гасит... Совсем плоха мама!

— Заткнись! У всех свои гуси...

— Надо же, — Левин остановился у одной из фотографий, висевших на стене. — У моей мамы над столом висит точно такая же фотография.

— И что это значит?

— Понятия не имею, — пожал Левин плечами.

На старой фотографии был изображен красавец-мужчина лет тридцати пяти, во фраке, с тростью и с кинематографическими усами. Мужчина был франт, судя по галстуку-бабочке, и дамский угодник, судя по насмешливо-ласковому взгляду.

— Наверное, это какой-то голливудский артист, и его обожали все мамы, вот что это значит! — насмешливо предположил Левин.

— Машина! — вспомнила Дина. — Внизу, в «ракушке», должна быть машина «тойота»! — Оттолкнув Левина, она побежала на улицу. Левин, вздохнув, поплелся за ней.

Машины в «ракушке» не оказалось. Более того, гараж был не заперт, и это уже действительно смахивало на поспешное бегство.

— А позвонить маме ты можешь? — проявил чудеса сообразительности Лев.

— Могу, — всхлипнула Дина, — только не помню как.

Левин забрал у нее мобильник, нашел в «контактах» строку «мама», нажал на соединение и вернул телефон Дине.

— Абонент вне зоны обслуживания, — растерянно сообщила она.

— Совсем плоха мама. Может, позвонить твоему Борису? Объявить маму в розыск?

— Какой розыск?! Ты хочешь, чтобы мою мать посадили?! — заорала Дина.

— Да не хочу я, чтобы посадили твою мать, — растерянно отступил он. — Но надо же что-то делать...

Они поднялись в квартиру.

Динин мобильный внезапно ожил, исполнив залихватскую мелодию гопака, которая была забита на номер единственной любимой подруги.

— Нора, я не могу сейчас разговаривать, — трагично сказала Дина в трубку.

— Динка, я с ним переспала!

— С кем?!

— С «Навигатором».

— Ты вступаешь в интимную связь с автомобилями представительского класса? — попыталась пошутить Дина.

— Ты не поверишь, Динка, я вступаю в интимную связь с их хозяевами! Но это было всего только раз и больше не повторится! Ты меня осуждаешь?

— Извини, я не могу сейчас...

— Нет, скажи, осуждаешь? — привязалась Нора.

— Нет.

— Вот и я себя не осуждаю! Подумаешь, один раз поддалась скрытому обаянию буржуазии. И потом, знаешь, у меня токсикоз! Страшно хочется всего, чего нельзя. А Титов, придурок, всерьез собрался на мне жениться, хочет упорядочить, наконец, свою жизнь.

— А ты? — не удержавшись, спросила Дина.

— Я тоже хочу ее упорядочить, но не с Титовым же! Он слишком красив, чересчур успешен, неприлично богат и очень уж уверен в себе. Нет, это не вариант, Динка, не вариант... Вот если бы...

— Если бы он был такой же альфонс, как Тарасов! — язвительно продолжила Дина. — Если бы он был так же плешив, костляв, косил на один глаз, носил ортопедическую обувь, вот это бы был вариант!! — разозлилась она. — Твой Тарасов — козел! Козлина козлицев! Пусть блеет в огороде генерального, возле его косорылой дочки, и к тебе не суется! А ты будешь дура, если...

— Ты правда так думаешь? Правда?! Ведь мы уже белое платье купили с бисером, сумочку, перчатки, фату и даже кольцо с большим-большим камнем, догадайся — каким!

— Нора, я не могу сейчас разговаривать, у меня мама пропала.

— Как?! Я разве тебе не сказала?! Я ведь для этого и позвонила! Вера Петровна вчера попала в аварию на Волоколамском шоссе. Я следила за ней и все видела. Твоя мама на перекрестке протаранила мусоровоз. Ее машину увезли на эвакуаторе, а Веру Петровну отправили в больницу. Кажется, с ней ничего серьезного. Дин, ты не переживай, Клим сказал, что...

Дина нажала отбой.

— Мама попала в аварию, — прошептала она, садясь на диван. — Вчера, на Волоколамском шоссе. Машину отправили на спецстоянку, а маму — в больницу.

— Ни номеров маминой машины, ни названия больницы, ты, конечно, не знаешь, — уточнил Лев.

— Нет. — Дина закрыла лицо руками.

— Тогда я звоню Андрейкину, — выдал неожиданное решение Левин. — Маг он или не маг?! Пусть скажет нам, где Вера Петровна и что с ней.

Он достал из кармана мобильный и скрылся на кухне.

Через двадцать минут Левин вернулся заметно повеселевший.

— Твоя мама тот еще фрукт! — радостно сообщил он.

— Что, все неправда? — Дина вскочила и с надеждой заглянула ему в глаза. — Она не таранила мусоровоз, не попадала в больницу и не снимала квартиру над нами?!

— Сядь! — Левин мягко усадил ее в кресло. — Вера Петровна действительно попала в Первую клиническую больницу с незначительными травмами, но там ее уже нет, она сбежала.

— Куда?!

— Этого Андрейкин сказать не может, у него шар в шкафу, шкаф в конторе, а контора закрыта за неуплату аренды. Ясно одно: Вера Петровна где-то скрывается и нужно найти ее до того, как туда нагрянет полиция.

— У мамы есть дача! — вспомнила Дина.

— Где? Хотя глупый вопрос, конечно...

— А зачем мне знать, где мамина дача?! — Дина возмущенно подпрыгнула в кресле.

— Действительно, — согласился Левин. — Будь у моей мамы дача, я бы тоже не знал. Из принципа.

— Что делать?! — Дина подошла к Левину и потрясла его за рукав пиджака. — Делать-то что, Левин?!

— Не знаю. Я бы предложил уехать в Великобританию, но Веру Петровну нельзя бросать.

— Твои шуточки неуместны!

— Я весь такой неуместный...

Он наклонился и поцеловал ее в губы. Дина не ответила ему ни тычком, ни затрепичкой, наоборот, попыталась сделать этот поцелуй более долгим...

Клим сидел в ресторане и гадал на кофейной гуще. Разводы на стенках чашки говорили о чем угодно, только не о его несчастной судьбе.

Нора с утра три раза дала ему от ворот поворот, потом два раза все-таки согласилась выйти за него замуж, но потом еще дважды отказала.

И это несмотря на белое платье с бисером, умопомрачительную фату пяти метров длиной, перчатки по локоть, белую сумочку от «Луи Вюиттон» и кольцо с эксклюзивным бриллиантом почти в пятьдесят карат, ради которого Клим остался практически без штанов, опустошив подчистую одну из своих кредитных карт.

Вот этот бриллиант и свихнул ей мозги. Нора с удовольствием надела кольцо на палец и с непоследовательностью сломанного процессора затеяла игру «выйду — не выйду».

В процессе этих метаний Клим поверил в особенности женской логики и убийственный ум блондинок.

Он подозвал официанта.

— Кофе у вас паршивый.

— Обычный двойной эспрессо, — покраснел парень. — Вы всегда такой пьете.

— А судьбу-то не предсказывает! — ударил кулаком по столу Клим.

— Может, коньяку соточку? — сообразил парень.

— Я за рулем. Ты мне скажи — выйдет или не выйдет?

Официант глубоко задумался. Он привык исполнять прихоти клиентов, от этого зависели размеры его чаевых. Только что выйдет-то? Сделка?! Покушение?! Секс?!

— Не выйдет, — пальцем в небо ткнул неопытный в этих делах официант. Клим молча вынул из кожаного меню чаевые и засунул в карман.

— Выйдет! — звонко хлопнул себя по лбу официант. — Ну, конечно же, выйдет!

— Неубедительно, — покачал головой Клим, но вернул деньги на место. — Ой, как неубедительно!

Официант схватил корочки с вознаграждением и прижал к сердцу.

— Десерт подавать? — елейно спросил он.

— Много десерта. Легкого и некалорийного.

Парень ушел, постукивая себя кожаной книжкой по ляжке.

Телефон запрыгал по скатерти, высвечивая на экране волшебное слово «Нора». Клим схватил его и оскорбленным молчанием обозначил свое присутствие.

— Титов! — позвала Нора.

Он обиженно засопел в трубку.

— Ты сейчас где?

— Заедаю стресс в ресторане.

— Хватит жрать, Титов! Я тут подумала хорошенько и решила, что все-таки пойду за тебя замуж! Ты не кривой, не косой, не плешивый, не носишь ортопедическую обувь. Решено — выхожу!!

Нора бросила трубку, а Клим счастливо улыбнулся. «Не кривой, не косой, не плешивый...»

Официант принес вазочку с фруктами, посыпанными кокосовой стружкой и политыми сиропом.

Клим быстро съел фрукты и побежал к своей машине. У него теперь было много дел. Гораздо больше, чем до гадания на кофейной гуще...

Проснувшись, Дуська обнаружила себя на продавленном диване, под застиранным клетчатым пледом. Еще даже не открыв глаза, она все вспомнила. Сказка кончилась. Действительность показала ей кукиш. Это ж надо было так стряхнуть мозги, чтобы, сбежав от Алекса, приехать в квартиру, в которую они подбросили тело Покровской.

А может, и к лучшему все: вон как она устроилась — под пледом, в тепле, с компрессом на голове и заботливо приготовленным чаем на тумбочке.

Никому не придет в голову искать ее у старшего по подъезду.

Фила дома не оказалось.

Дуська встала, прошла по комнатам, засучила рукава и... начала делать генеральную уборку.

Как же она соскучилась по работе! По тряпкам, веникам, грязным коврам, бардакам по углам, завалу на кухне и разгрому в кладовке.

Фил оказался аккуратистом, но работы хватило. Покончив с уборкой, Евдокия сварила куриный суп с лапшой и грибами. Все продукты нашлись в холодильнике, даже грибы. Хозяйственный был мужик, этот Филипп Филиппович.

Он пришел, когда она доставала из печки пирог с абрикосовым джемом.

— Етитская сила, пирог! — только и смог сказать Фил, глядя на Дуську с противнем в руках. — С детства такой не едал...

Дуська вздохнула и поставила испеченную красоту на стол. Сказка кончилась. Вместо Алекса и Рублевки ей достался неказистый мужичок в небольшой квартирке с небогатым убранством.

— Ты, лиса, прибралась, что ли? — удивленно огляделся Фил.

— Иди руки мой, — буркнула Дуська.

— А тебе кто разрешал в моей квартире хозяйничать? — прищурился Фил.

— Никто.

— То-то же! Негоже в чужих вещах рыться, — беззлобно погрозил он ей пальцем

— Чего?! — возмутилась Дуська. — Да мне до твоих вещей никакого дела нет! Да я... да ты... Знаешь, как я жила?! Мне туземцы прислуживали!

— Тебе?! Туземцы?! — захохотал Портнягин. — Это такие волосатые, с хвостиками и рожками?!

Пока он веселился, Дуська успела открыть дверь и выскочить на площадку.

— Стой! — Филипп Филиппович снова провел бойцовский прием, в результате которого Дуська оказалась у него на руках.

Он оказался крепенький, с железными мышцами и вполне симпатичной шеей, которая пахла цитрусовым одеколоном. Дуська не стала сопротивляться, когда он затащил ее снова в квартиру.

— Я пошутил, лиса, — сказал Фил, поставив Дуську на ноги. — Можешь рыться в моих вещах сколько угодно. Что-то супом куриным пахнет, ты что, цыпленка моего оприходовала, которого я на черный день хранил?

— Оприходовала, — язвительно передразнила его Евдокия. — Считай, что черный день настал!

Они молча поели, попили чай. Фил неприлично чавкал, постанывал и похрюкивал, так ему было вкусно.

— Ты мастерица, — похвалил он. — На такое и последнего цыпленка не жалко.

— Если б ты знал, как я жила, — прошептала Евдокия и тихо заплакала. — Ну почему сказка кончилась?!

— А может, и не было, сказки-то? — похлопал ее по руке Фил. — Может, тебе все почудилось?!

— Не почудилось! Я... я... Я любила его! Так любила, что купила всего, с потрохами! Вот... — Дуська суетливо залезла в лифчик и протянула дрожащей рукой Филу расписку. — Вот! А ты говоришь, почудилось!

Фил близоруко отвел расписку от глаз и внимательно прочитал ее.

— Фигня, — сказал он, безжалостно разорвал бумажку на мелкие клочки и выбросил в мусорное ведро. Дуська никак не отреагировала на такое кощунство и сама удивилась этому. Ее вдруг прорвало. Всхлипывая и рыдая, она начала рассказывать этому подъездному надсмотрщику всю свою жизнь. Как не закончила десять классов, потому что учеба плохо ей давалась, как стала ходить по чужим домам и прислуживать, помогая по хозяйству чужим людям, как всю жизнь развлекалась тем, что выпрашивала «некондицию» в магазинах и воровала одежду в «сэкондах», как встретила Алекса, как влюбилась в него с первого взгляда и решила заполучить его во что бы не стало, как обнаружила труп в машине и как сама предложила утопить тело в ванной, чтобы запутать следствие и помочь Алексу, а заодно решить кое-какие свои проблемы. Она рассказала, как неожиданно попала в богатый дом, как скучала там без работы, как получила от бандитов прикладом по голове, как Алекс отдал им все деньги. И как она обнаружила в подвале пленника, а на портрете в спальне разглядела черты Инны Покровской. И как потом ее заперли в темной кладовке, но ей удалось бежать с помощью горничной...

Все, все рассказала Дуська и испугалась. Жизнь кончилась, сейчас Фил отправит ее в тюрьму, на то он и старший в этом подъезде.

— Да-а-а-а, — потрясенно протянул Филипп Филиппович. — Да тебя спасать надо, девонька... От себя самой! Чудо-юдо ты, рыба-кит, етитская сила!!

— Почему рыба? — обиделась Дуська.

— Да потому что дура!! — заорал Фил и вдруг вскочил, забегал по кухне, сшибая стулья. — Вот чего тебе в жизни надо было, чтобы в такое дерьмо вляпаться?! Ты посмотри на себя — красивая, работающая, суп варишь — пальчики оближешь, пироги печешь — язык проглотить!! Да любой мужик за тебя такую замечательную полжизни отдаст!! А ты с проходимцем, убийцей, бандитом на Рублевку поехала!

— Я — красивая?! — потрясенно спросила Дуська. — Я?! Красивая?!!

— А что, нет, что ли?! — возмутился Портнягин и оглядел Дуську как-то особенно, по-мужски. — Фигура у тебя на зависть всем этим тощим макароникам, которые задом на улице крутят, лицо — загляденье, волосы — прелесть! Да с тебя картины писать! И куда тебя понесло? — схватился за голову Фил.

Дуська потрогала себя за нос, за щеки, за шею, осмотрела руки и ноги, протерла глаза. Красавица. Если бы она знала об этом раньше! Если бы знала, не воровала бы в «сэкондах». Не мыла чужие полы. Не влюбилась бы в прохвоста Ревазова. Она пошла бы на подиум и сразила бы всех наповал етитской такой красотой...

— Так, говоришь, на Рублевке этот гад поселился? — прервал ее размышления Фил.

— На Рублевке, — кивнула Дуська.

— Один, с прислугой?

— Один.

— А в подвале он сумасшедшего парня гнобит?

— Гнобит.

— А на портрете, говоришь, Покровская изображена?

— Изображена.

— Ясно. Собирайся, пойдём. — Фил схватил с вешалки куртку и надел ее.

— Куда? — испугалась Дуська так, что мурашки перед глазами забегали.

— На Рублевку! — Фил метнулся к дивану, что-то там приподнял, куда-то залез, и в руках у него оказался пистолет. — Мы устроим засаду. Выследим твоего бойфренда и произведем... захват!

— Захват?! — ужаснулась Дуська.

— Ну да, захват. Ты что, думаешь, я всю жизнь этот подъезд гребаный надзирал? Да я... да я... Я, между прочим, боевой офицер! Капитан Советской армии! Командир саперной роты!

— Я не поеду, — твердо сказала Дуська и опять потрогала себя за красивый нос. — Ночь на дворе! Ты не представляешь, как это опасно! Алекс — страшный человек. Он убийца, грабитель, бандит. У него в душе ледяная глыба, а вместо сердца булыжник, у него... — Дуська запуталась в аргументах и замолчала. Ей так не хотелось рисковать жизнью сейчас, когда она стала красавицей... — И потом, — горячо обратилась она к Филу, — я даже толком не знаю, куда ехать! Не помню!

— Вспомнишь! — Глаза у Портнягина горели, а руки трепетно поглаживали карман, где лежало оружие. — Ты знаешь, что за убийцу Покровской назначена награда пять миллионов долларов?

— Нет.

— Обещаю тебе половину по окончании операции. Я этого моджахеда в два счета скручу, вот увидишь.

— Ладно, поехали, капитан, — неожиданно согласилась Дуська. — С тобой, и правда, не страшно. Только мне надеть нечего.

Фил ринулся к шкафу и стал вытряхивать из него все содержимое.

— Выбирай! Не от кутюр, конечно, но для боевой операции сойдет.

Дуська выбрала теплый свитер болотного цвета, легкую куртку военного образца и шапку-цигейку, тоже военную. Все село как влитое, словно мерки с нее снимали.

— Вот с обувью у меня затык, — смущенно признался Портнягин. — Врач велел ноги в тепле держать, поэтому у меня только пять пар валенок да кирзовые сапоги на лето.

— Кирзовые сапоги давай, — распорядилась Дуська.

Фил сам обмотал ей ноги портянками и обул.

Дуська, топнув ногой, отдала честь.

— К бою готова, — отрапортовала она. — А на чем мы поедем?

— У меня мотоцикл с коляской есть, — похвастался Фил. — Я на рыбалку на нем езжу, да и так, природу понюхать.

— Ох, несерьезная у нас экипировка, товарищ командир саперной роты. Ох, несерьезная! — вздохнула Дуська.

— Погоди, вот пять миллионов долларов заработаем, тогда экипируемся, — подмигнул ей Фил. — За мной, Дульсинея!!

Глава десятая

Захват

— *Кхе, кхе...*

— *А-апчхи!*

— *Скорее бы лето.*

— *Хотя бы весна. Апчхи!*

— *А сейчас что?!*

— *Вроде бы март был.*

— *Этот март баловник, этот март чародей, веет свежим своим опахалом...*

— *Май! Май там опахалом веял, а не март.*

— *Зануда ты, Верунь. Даже в подвале, даже со сломанным пальцем — зануда.*

— *Я просто литературу хорошо знаю. Кстати, как ты думаешь, он будет потом сгибаться? А то ходить с негнущимся третьим пальцем на правой руке в моем возрасте несолидно.*

— Зато удобно посылать всех по известному адресу. Хуже будет, если моя нога неправильно срастется. От негнущейся ноги никакой функциональной пользы.

— Ну почему же! Можно возле метро просить милостыню на костылях, можно оформить инвалидность и получать от государства деньги, можно... Апчхи! Если не посадят, то много чего можно.

— Кхе, кхе! У тебя под гипсом чешется?

— Не то слово. Дерет! Выть хочется... Там рыжики еще остались?

— Навалом, Верунь. Может, все-таки, переберемся наверх? Там хоть кровати есть.

— Перебирайся, пожалуйста! А я хочу спать спокойно. Пусть холодно, пусть темно, пусть гипс, зато на свободе!

— Да могила тут, а не свобода! Могила с рыжиками!

— Подумаешь, годик в подвале посидеть! Зато Лева и Дина..

— Да не узнаем мы тут никогда, что будет слевой и Диной! Чхи!

— Как только они подадут заявление в загс, их ждет та-а-акой сюрприз! Подай-ка мне баночку рыжиков и уступи на полчаса доху, что-то мой тулуп плохо греет. Кхе, кхе...

— Да на тебе, на! И рыжики, и доху, и последнюю банку варенья! Все, не могу больше. Я наверх пойду! Я ночью в магазин съезжу и куплю себе колбасы! Докторской! И икры! И сок томатный, и яблоки и... торт! С розочками...

— Бунт на корабле? Ну, иди, иди. Слабая ты, Кларунь. Невыносливая. Чхи!

— И пойду!

— На лестнице не споткнись.

— Рыжиками не подавись!

— Лбом о притолоку не ударься!

— Не помри от чесотки!

— Выдра одноногая!

— Выхухоль загипсованная!

— Ричард бы переписал завещание, если бы знал, что ты слабонервная!

— Ричард сдох, туда ему и дорога! Он в гробу! А я жить хочу, я черной икры хочу, солнца, дневного света, томатного сока!

— Если ты купишь большой торт с розочками, принесешь мне кусочек?

— Нет уж, сама выползешь.

— Зараза! Апчхи!

Как это получилось, Дина не поняла. Был ресторан: суши, sake, sake, суши, и снова sake... И вдруг оказалось — кровать, сбитые простыни, спу-

таннные волосы, провал в памяти и какой-то законсервированный восторг в груди.

— У нас был секс? — потрясла она за плечо спящего Левина.

— Слушай, я не знаю, как это называется, — открыл он глаза, — но ты уложила меня в свою кровать и делала что-то такое, отчего я потерял сознание.

— Между нами ничего не было, — властно сказала она.

— Да, да, конечно, — сладко потянулся Левин. — Это была ошибка. Страшная, нелепая ошибка, от которой так не хочется, так не хочется в Лондон!..

— Я погуляю собаку, — сухо сказала Дина, натягивая джинсы, — а ты умойся, побрейся, а главное — оденься, англичанин.

— Мой телефон звонит, — блаженно закрывая глаза, пробормотал Левин. — Возьми, дорогая, узнай, что нужно в это прекрасное утро какому-то уроду.

— Я тебе не дорогая!

— Ответь, недорогая, прошу!

Дина нехотя взяла трубку.

— Это маг! — прикрыв рукой микрофон, сообщила она.

— Что ему нужно?

— Срочно увидеться с тобой в кафе «Жаворонок».

— О нет! Нет!! — заорал Левин. — Я даже двигаться не могу!

— У него обездвиженность, — серьезно сказала Дина в трубку. — Ага, ага... — Она повернулась к Левину: — Тогда маг вынужден передать тебе все через меня.

— Нехай через тебя передает, — махнул рукой Левин. — Трезвее буду.

— Господин Андрейкин просит сказать, что их было двое.

— Кого?

— Пожилых дам, которые нас с тобой сюда прописали, которые сбегали в полицию и объяснили, что ничего криминального в приобретении этой квартиры на Арбате нет, которые дали Евдокии Егодиной деньги на фирму «Юпитер», которые...

— Стой! Ничего не понимаю. — Левин сел в кровати.

— Господин Андрейкин просит сказать, что вторую даму зовут Клара Аркадьевна Левина.

— Что?!! — подскочил Лев. — Что ты сказала?!

— Это не я сказала, это твой маг сказал, — усмехнулась Дина и передала Левину трубку.

— Что ты сказал?! — проорал Левин в мобильный.

По-видимому, Андрейкин сообщил ему то же самое, что и Дине, потому что Лев, нажав на отбой, побледнел и схватился за сердце.

— Водички? — заботливо спросила его Дина.

— Почему ты не спрашиваешь, кто такая Клара Аркадьевна Левина? — потрясенно прошептал он..

— Ты не поверишь, но я догадалась.

— Да? Как?

— У вас практически одна фамилия, Левин. Не валяй дурака! Ты давно звонил своей маме?

— Давно. Мы с ней как-то не очень ладим...

— Кажется, я начинаю кое-что понимать.

— А я нет.

— Поехали! — Дина дернула его за руку.

— Куда?

— К твоей матери! — Дина заметалась по комнате, хватая сумку, расческу, ключи от квартиры. — К твоей матери, Левин! Теперь твоя очередь удивляться!

— Я сначала погуляю собаку, — отрешенно сказал Левин и, двигаясь, словно робот, за поводок повел Пантагрюэля к двери.

— Мама открой!

Левин для приличия и постучал, и позвонил, но дверь никто не открыл.

— Запасной ключ, — напомнила Дина.

Ключ оказался не у соседки, а у соседа.

— А ты кто? — уточнил на всякий случай пропитый дядька.

— Сын.

— В общем, где-то как-то похож, — сам себя успокоил сосед, отдавая Левину связку ключей. — Верни только, а то много вас тут, сынов, ходит.

Открывая дверь, Левин обнаружил, что она закрыта всего на один оборот. Мама никогда не допускала такой беспечности.

Зайдя в квартиру, он прошелся по комнатам. Дина неотступно следовала за ним.

— Та-ак, — сказала она, потирая руки. — Следы поспешных сборов налицо! Форточки открыты настежь, кровать не заправлена, тапочки в разных местах, косметика хаотично валяется по всему дому, а на блюде — недоеденный торт!

— У мамы всегда кровать не заправлена и косметика валяется по всему дому, — хмуро заметил Левин и, выглянув в окно, сообщил:— Машины нет на стоянке.

— Сдается мне, что твоя мама там же, где и моя, — вздохнула Дина, присаживаясь на край дивана. — Что, будем звонить Борису?

— Ты хочешь, чтобы обеих мам упрятали в каталажку? — уставился на нее Левин.

— Я не знаю, чего я хочу, — вздохнула Дина. — Наверное, спокойствия, ясности и доверия. Ты доверяешь своей маме? Вернее, нет — ты ее любишь?!

— Иди сюда! — позвал ее Левин из соседней комнаты.

Дина встала и еще раз огляделась. Эта комната удивительным образом казалась ей родной и знакомой. Как будто она тут родилась и росла — читала свои первые книжки, переживала первую влюбленность, прятала тайные дневники, праздновала свои дни рождения. Старый резной комод и цветастые половики, дорогая современная «стенка», кованая кровать и уютный древний диван с вышитыми подушками, безделушки на полках и напольные часы с боем — во всем этом было такое дикое смешение стилей, времен и вкусов, что она невольно улыбнулась.

— Дина! — опять позвал Левин.

Он стоял возле стола, и, склонив голову, внимательно рассматривал фотографию на стене. На фотографии был тот самый красавчик голливудского типа, который украшал стену в квартире Веры Петровны.

— Черт бы подрал этого усатого таракана! — Левин в сердцах сорвал портрет со стены и перевернул его. — Ричард Л., — прочитал он надпись с обратной стороны. — Тысяча девятьсот семьдесят третий год. Ты своего отца знала? — спросил он у Дины.

— Нет, он... того...

— Космонавт? Летчик?

— Геолог. Пропал в экспедиции.

— Вот и я не знал. Мой вроде как в эмиграции канул. И даже фотографий никаких после себя не оставил.

— Ты хочешь сказать... — побледнела Дина. — Это наш папа? И мы с тобой...

Они бросились к зеркалу и уставились друг на друга.

— Нет, вроде бы, не похожи, — прошептал Левин, поворачивая голову и рассматривая свой профиль.

— Ну нисколечки! — Дина тоже слегка повернулась, сравнивая тонкие контуры своего лица с крупными чертами Левина. — Если узнаю, что переспала с родным братом — повешусь, — твердо заявила она.

— А мне плевать! — Левин бросил портрет на стол. — Если наши мамы затеяли какую-то дикую игру, в результате которой мы оказались в одной постели, это... это их проблемы! А я счастлив, и баста!

— Но неужели мама никогда не говорила тебе, кто такой этот Ричард?!

— А тебе?

Они снова уставились друг на друга. У обоих во взгляде металась паника, а губы дрожали.

— Никогда, — тихо сказал Левин, — никогда мне мама не говорила, кто такой этот Ричард, а я и не спрашивал. Думал, артист.

— Я тоже думала, что это артист. Висит и висит себе, есть не просит.

— Кстати, я, наконец, вспомнил, откуда мне знакомо имя Веры Петровны Аршинниковой! — ударил себя по лбу Левин.

— Откуда?

— У моей мамы в записной книжке был записан ее адрес и телефон! Только почему-то на букву «п».

— Что это значит? — Дина потерла виски.

— Что наши мамы старые ведьмы и закадычные подруги.

— Нет, почему на букву «п»?!

— Ой... боюсь даже предположить.

— Наверное, «подруга».

— Конечно, подруга! — обрадовался ее сообразительности Лев.

— Одно я точно знаю, — всхлипнула Дина, утыкаясь Левину в мягкое, уютное плечо. — Покровскую они убить не могли.

— Не могли, — согласился он и подкрепил свои слова длинным, совсем не братским поцелуем.

— Дульсинея, за мной! — шепнул Фил, и, неуловимым движением ковырнув проволокой в замке, открыл зеленую калитку в заборе.

Во дворе было темно, хоть глаз выколи.

Никогда и ничто не заставило бы Дуську вернуться сюда, но она вернулась, и не только вернулась, но с азартом объясняла Филиппу Филипповичу, как попасть в дом.

Дверь в прачечную оказалась закрыта, но Фил опять своей проволокой сделал с замком что-то такое, что он открылся, словно от волшебного «сим-сим».

— Ты вор-домушник, что ли? — шепотом спросила его Евдокия.

— Да нет, я просто проволокой хорошо владею, — хохотнул он, безошибочно определив в темноте, где находится дверь в кухню.

Там кряжистая тетка сноровисто жарила мясо. Если бы Фил стараниями Дуськи не поужинал так плотно и вкусно, он от запаха, пожалуй, сошел бы с ума.

— Это служанка моя, — похвасталась Евдокия, потеснив Портнягина у двери. — Она меня отсюда выпустила. Правда, потом пыталась поймать, зараза, но не поймала.

— Придется твою служанку тетехнуть вместе с жареным мясом, — прервал ее Фил.

— Убить, что ли? — испугалась Дуська.

— Бестолковая ты, Дульсиня. Тетехнуть — это значит связать и вставить кляп в самое орущее место.

— Ты же говорил, мы в засаде будем сидеть, — напомнила Дуська Портнягину его планы.

— Да вот разошелся я что-то. Очень уж тут все располагает к подвигу. И к получению за него гонорара, — добавил он.

— Ну, давай, тетехай, — согласилась Дуська, удивляясь своей сговорчивости.

Бесшумно двигаясь в валенках, Портнягин подкрался сзади к горничной, мягко перехватил за горло и, в пять секунд связав тетку ее же поясом от халата, миролюбиво сказал:

— В принципе, если ты не будешь орать, то кляп можно и не вставлять. Я ж не бандит какой!

Та испуганно закивала.

— Говори, где хозяин! — Фил не удержался, схватил со сковородки кусок мяса и съел. Дуська последовала его примеру, предварительно убрав сковородку с огня. Ей вдруг стало легко и весело: оказывается, так приятно вернуться хозяйкой положения туда, где тебя мучили. Вернуться с пистолетом и с Филом, для которого не существует замков и который стреноживает врага в два счета.

— У меня нет хозяина, только хозяйка, — прошептала туземка и потеряла сознание.

— Вот, етитская сила, — расстроился Фил, — а как я ее допрашивать буду?

— Никак, — пожала плечами Дуська. — А чего допрашивать-то?! Хозяйка ее, ясное дело, Инна Покровская, а нехозяин или на диване в гостиной в «Денди» играет, или в спальне с какой-нибудь шлюхой резвится.

— Веди в гостиную, — распорядился Фил, доставая пистолет.

Медленно крадясь вдоль стены и стараясь ступать неслышно, они пробрались в гостиную.

На диване Алекса не было. Темный экран панели говорил, что его нет давно.

— Спальня на третьем этаже, — предупредила Дуська, направляясь к лестнице.

— Ух, и хоромы, — вздохнул Фил. — Размеры на психику давят.

— А я привыкла, мне нравится, — весело отозвалась Евдокия.

И тут вдруг завизжала горничная. Завизжала как резаная, будто ей воткнули шило в живот.

— Зря ты ей не заткнул самое орущее место, капитан, — поморщилась Дуська.

Фил бросился на кухню. Ни разу в жизни он не сваял такого дурака: даже когда отбивал маразматичную бабку у малолеток-грабителей, даже когда словил автоматную очередь, даже когда на своей прежней работе задумался возле пульта и не остановил вовремя карусель... Потом, вспоминая этот момент, он покрывался холодным потом. Как мог он, старый вояка, стратег, бросить Дуську одну на лестнице?!!

Фил еще бежал на кухню, когда уже понял — горничной там нет, она орет или в прачечной, или на улице.

И тогда закричала Дуська. Вернее, так коротко и хрипло вскрикнула, что у Фила подкосились ноги. Он понял, какого сваял дурака. Вскинув пистолет, Портнягин ринулся к лестнице. Чертовы валенки скользили по дорогому паркету, и Фил все на свете отдал бы, чтобы на нем сейчас оказались тяжелые армейские ботинки, которыми можно бить по печени, пинать в пах и целиться в голову...

Дуська стояла на лестнице на подкосившихся ногах, с запрокинутой назад головой, которую, жестко перехватив за шею, удерживал лысый урод. У Дуськиного горла он держал нож с длинным лезвием, и это лезвие уже прочертило на нежной веснушчатой коже красную полосу. Пока это была всего лишь царапина, но нажим, с которым лысый давил на нож, был опасен для Дуськиной жизни. Так опасен, что Фил беспрекословно бросил пистолет на пол и поднял руки.

— Молодец, чучело, — похвалил его Алекс. — А теперь на цыпочках дуй в подвал. Если дернешься, я рыжей горло вспорю.

Фил пошел вниз, проклиная тот день, когда его непутевая мама с бестолковым отцом создали такое опасное в своей глупости существо, как он.

Дверь в подвал была гостеприимно распахнута.

— Вперед! — подбодрил его «моджахед».

Дуська сзади жалобно всхлипнула и тяжело задышала.

Портнягин шагнул в темноту, на крутую лестницу, но поскользнулся в своих валенках и кубарем полетел вниз.

Сзади недвусмысленно лязгнула дверь. Ловушка захлопнулась.

Фил летел, всеми частями тела пересчитывая ступеньки.

Подвига не получилось. Как всегда, получился позор.

«Застрелюсь, — подумал Филипп Филиппович. — Если выйду отсюда, то обязательно застрелюсь».

— Вставай! — приказал ему насмешливый голос, когда он, наконец, приземлился. В глаза ударил луч света от фонаря. — Вставай, жертва подъездной дисциплины!

От неожиданности Фил отпрянул назад и вжался в холодную стену. В узкой полоске света он увидел человека в плаще и шляпе. Что-то до боли знакомое почудилось Филу в его черных, роскошных усах.

«Палач! — метнулась дикая мысль. — Это палач, который рубит всем головы!»

— Что, уважаемый, пять миллионов долларов захотелось срубить? — ехидно поинтересовался обладатель усов.

Фил вскочил и, присев, заглянул под широкие поля шляпы.

— Маг? Это вы?! Как вы здесь очутились?!!

— По глупости, друг мой, по чрезвычайной сыщицкой глупости, — вздохнул Андрейкин. — Я ведь детектив всего лишь в первом поколении! Еще не пообтесался, опыта не набрался. Нарыл очень ценную информацию и решил за этим домом понаблюдать. Но увлекся немного, залез на крышу, нашел вентиляционное отверстие, хотел незаметно проникнуть в помещение, только, увы... провалился в подвал. А вы, я вижу, напролом перли?

— Да, — вздохнул Фил.

— Зря, в таких элитных районах лучше через вентиляцию действовать, целее будешь.

— Там заложница, Дуська. Дульсиня. Я... жизнь за нее отдам, — тихо сказал Фил.

— Да тут кругом одни заложники. В клетке парень сумасшедший сидит.

— Я знаю.

Маг посветил Филу в лицо и сочувственно покачал головой.

— Лучше бы ты бдил на вверенной тебе территории, Филипп Филиппович! Не твое это дело — преступления раскрывать. Давай поищем, где включается свет, а то мой фонарь скоро сдохнет.

— Давайте, — согласился Портнягин и пошел вдоль стены, ощупывая холодный бетон.

Ради Дуськи он готов был грызть эти подвальные стены. Он понял это вдруг так четко и ясно, что забыл о своем решении застрелиться, забыл, что он неудачник и никчемная личность. Ему плевать стало на подвиг, а в особенности, на гонорар за него.

— Нашел! — заорал Фил, нащупав выключатель. — Нашел, етитская сила, свет!

Тусклая лампочка вспыхнула под потолком, слабо освещая огромное подземелье.

— Лучше бы ты выход нашел, — проворчал Андрейкин, доставая из внутреннего кармана бутылку вина. — Третьим будешь? — спросил он у парня, сидевшего в клетке.

Парень запрыгал, обозначая восторг.

— А помнишь, рыжая, раньше конфеты были — «Дуськина радость»?

Алекс дышал ей в лицо пивным перегаром. Он привязывал Евдокию к стулу, ходил кругами вокруг нее, неспешно разматывая моток веревки и превращая Дуську в беспомощный кокон.

— Дунькина радость, — поправила его Евдокия. — Меня ими дворник Вадим Вадимыч всегда угощал.

— Один черт, плебейское развлечение, — поморщился Ревазов и вдруг остановился. — Я вот «Мишку на Севере» в детстве любил. Слушай, ну и вырядилась же ты! Где сапоги кирзовые отхватила?

Дуська промолчала. Отчего-то страха не было, и паники не было. Была только безумная ненависть к этому бритому налысо парню. Неужели он когда-то казался ей красавцем? Неужели она всерьез хотела заполучить его в полную собственность?

Он смотрел на нее с удивлением.

— Понять не могу, — наконец сказал Алекс. — Вроде ты нормальная тетка была, веселая, нелюбопытная, руки не боялась испачкать, и что с тобой стало?! Институт благородных девиц успела окончить? Где ты это пугало в валенках взяла? Зачем сюда притащила?

— Тебя убивать, — сквозь зубы процедила Дуська. — Он не пугало, он — боевой офицер!

Ревазов захохотал. Он хохотал минут пять без остановки, а потом начал грубо ощупывать Дуську через веревки.

— Обыскать тебя забыл, — зачем-то объяснил он свои действия.

Дуська зажмурилась от омерзения. Неужели она могла заниматься любовью с этим чудовищем?

Ревазов бесцеремонно запустил руку в лифчик. Евдокия извернулась и сильно укусила его за запястье. Он дернулся и с размаху ударил ее кулаком в лицо. Голова у Дуськи взорвалась дикой болью, и она потеряла сознание.

Очнулась она от того, что Ревазов тряс ее за плечо.

— Где расписка? — дыхнул он ей перегаром в лицо. — Где моя расписка?!

— Порвала и выбросила, — ощущая вкус крови, ответила Дуська. — На хрена она мне?

— Врешь, — прошипел он. — Врешь, рыжая! Ты никогда бы не порвала ее! Ты за нее горло любому бы перегрызла, потому что возомнила себе, что я принадлежу тебе как юбка из «сэкондхэнда»!

— Порвала и выбросила, — твердо повторила Дуська, с ненавистью глядя ему в глаза. — Ты мне не нужен. Любая юбка из «сэконда» лучше тебя.

Ревазов схватил Дуську за горло, начал душить, но передумал и ограничился тем, что рывком сорвал с нее талисман.

— Ты сама решила свою судьбу, рыжая, — отшвырнув его в угол, Ревазов опять начал пеленать Дуську веревкой.

Она зажмурилась.

Обидно было умирать, став красавицей. Она еще не нажилась в новом качестве, не надышалась, не находилась с высоко поднятой головой...

— Ну, вот и готово, — сказал Ревазов. — Принимай работу, рыжая гадина!

Открыв глаза, Евдокия увидела, что не просто привязана к стулу. От нее во все стороны, ко всем дверям, выходящим в огромный холл, тянутся веревки, а к ним привязаны предметы, похожие на гранаты.

— Что это? — спросила она.

— Дуськина радость, — заржал Алекс. — Растяжки это, рыжая! Если кто-то откроет любую из этих дверей, разнесет пол-поселка, а от тебя останется только фарш.

Похохатывая, он пошел вверх по лестнице.

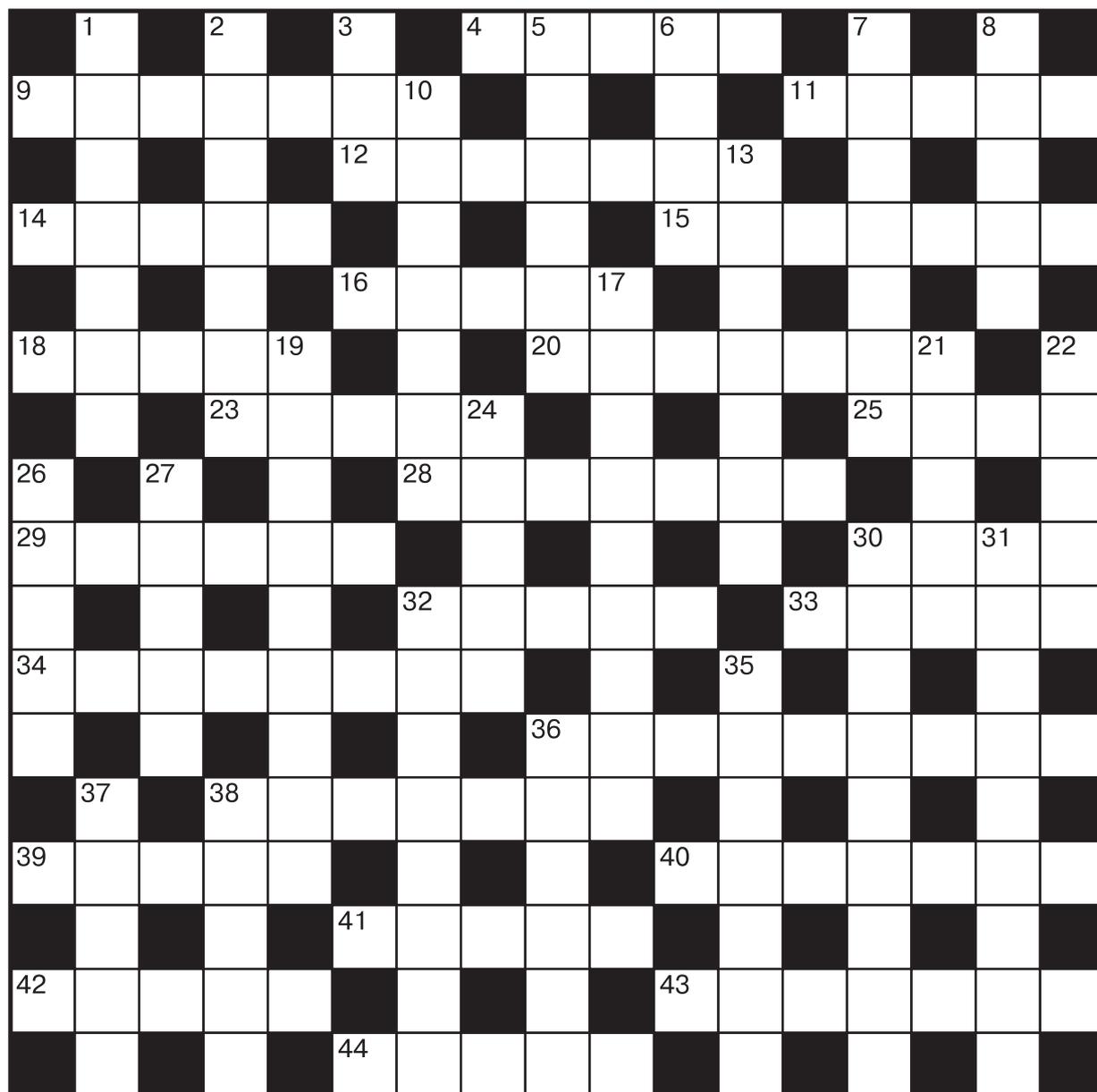
— А ты? — закричала Дуська. — Если дом взорвется, ты тоже погибнешь!

— За меня не волнуйся! — крикнул Алекс в ответ. — Я бессмертный!

— И я не умру! — заорала Дуська. — Потому что рыжие гадины не умирают! Потому что со мной вся етитская сила!!! Потому что... — Она зарыдала, и не было рук, чтобы утереть эти злые слезы бессилия. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Панацея от подозрения. **9.** «Пчелиный носик», чтобы нектар собирать. **11.** Что проиграл в карты Дмитрий Шостакович певичке Клавдии Шульженко? **12.** Бабочка из гардероба. **14.** После заключения мирного договора в Портсмуте он получил прозвище «Граф Полусахалинский». **15.** Лес-

ная гадалка и хронометр. **16.** Степень зрелости яблока. **18.** Газировка в бокале с джином. **20.** Аналитик наследственности. **23.** Ледяной стадион. **25.** Точка общепита в отеле. **28.** Содержимое розетки, но не ток. **29.** Что радует хлеборобов? **30.** «Дырокол» мишени. **32.** «На прекрасном голубом Дунае». **33.** Кто из смеша-

риков слегка блеет во время разговора? **34.** «Подковерный борец». **36.** Шура из истории про Остапа Бендера. **38.** Гонец с сообщением. **39.** Каким продуктом Куба платила по своим долгам Советскому Союзу? **40.** Самый толстый среди единоборцев. **41.** Рачки из меню си-ней акулы. **42.** В какой популярной игре на меткость без дротиков не обойтись? **43.** Кто «ювелирно владеет» игрой на музыкальном инструменте? **44.** Японский комикс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Орфей русской оперной сцены», успевший поработать адвокатом, беря уроки вокала. **2.** Один из создателей храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве. **3.** Грозный пес. **5.** Легендарный аферист, дважды продавший Эйфелеву башню. **6.** Откуда родом ушаны? **7.** Звание Брусенцова из драмы «Служили два товарища». **8.** Кому «Земфира не

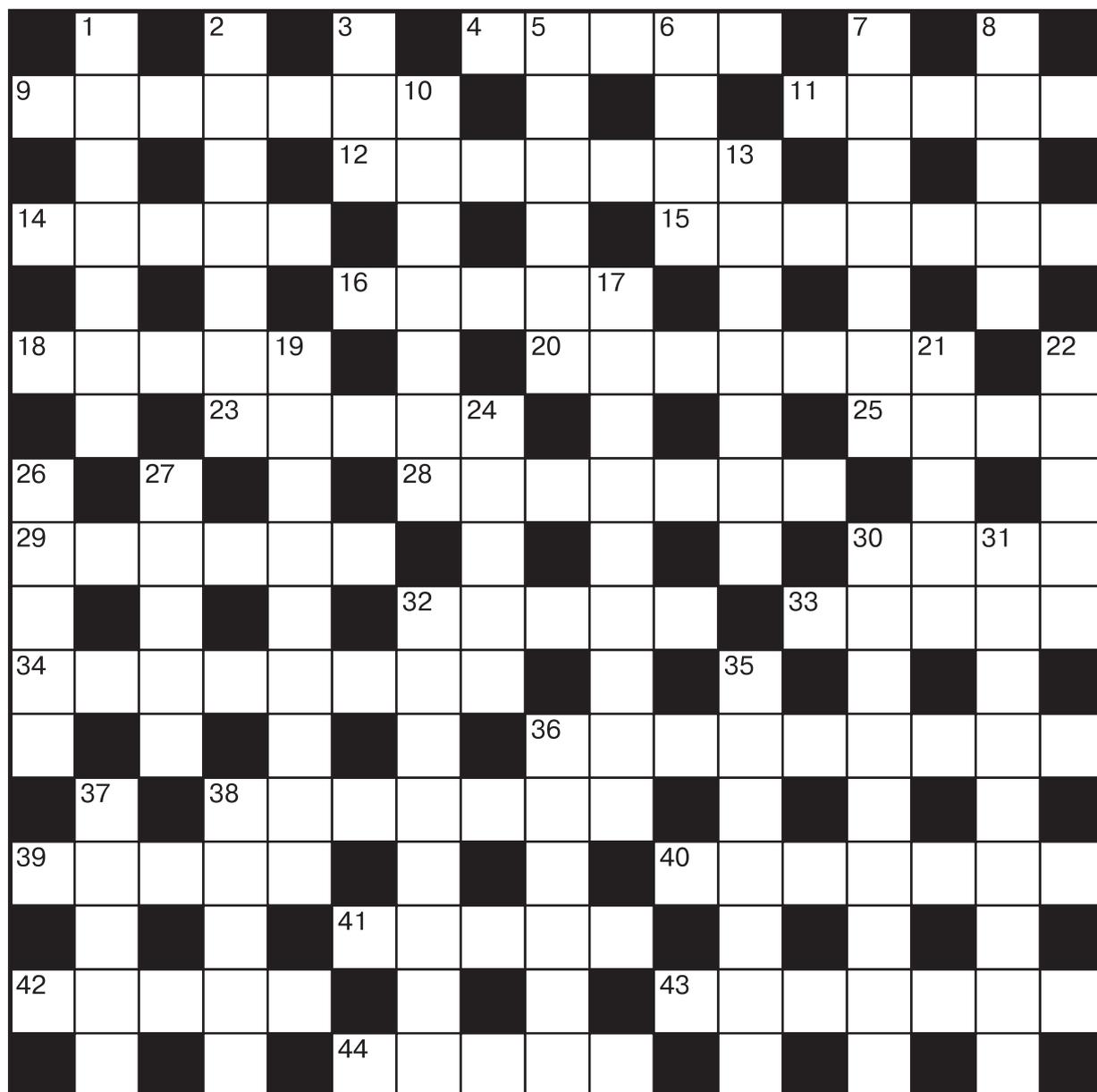
верна»? **10.** Кто из великих русских артистов приятельствовал с Сергеем Есениным? **13.** «Вредит ... моему здоровью, лет пятьдесят оно уже вредит». **17.** Кому смешинка все время в рот попадает? **19.** Итальянский коп. **21.** Три поколения звезд из какой династии снялись в фильме «Бродяга»? **22.** Перемяч из московского кафе. **24.** Морской бобр. **26.** Криминальный каналья. **27.** «Краткая одежда человечка» для Юнны Мориц. **30.** Какой Лучано спелся с Пласидо Доминго и Хосе Каррерасом? **31.** Озеро с Дорогой жизни. **32.** «Лесной рог» среди духовых музыкальных инструментов. **35.** Камень, помогающий бороться с тревожными мыслями. **36.** Учитель с рассказами о строении клетки. **37.** Одно из животных, взлетевших на первом воздушном шаре братьев Монгольфье. **38.** Какого художника братья Гонкур полагали «великим поэтом восемнадцатого века»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Шпага. **10.** Журналистика. **11.** Логотип. **12.** Держиморда. **13.** Белизна. **16.** Зорге. **18.** Мир. **19.** Баттл. **21.** Ишак. **24.** Цикл. **25.** Кастореум. **27.** Урал. **29.** Качели. **30.** Рогалик. **34.** Гомиашвили. **35.** Коробок. **37.** Консилиум. **40.** Кобра. **41.** Танец. **42.** Мормоны. **43.** Волна. **44.** Поезд.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Пионер. **3.** Геофизик. **4.** Суп. **5.** Ангел. **6.** Блажь. **7.** Псаммон. **8.** Нитроглицерин. **9.** Банан. **10.** Жизнь. **14.** Настриг. **15.** Шторм. **17.** Фикус. **18.** Макар. **20.** Алхимия. **22.** Кабачок. **23.** Лук. **26.** Маршрут. **28.** Лототрон. **31.** Консومه. **32.** Киплинг. **33.** Логово. **36.** Котов. **38.** Мачо. **39.** Ценз.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Революционный совет» времен Симона Болливара. **9.** Ампула театральных старух. **11.** Самое «справедливое» из мужских имен. **12.** Квартал гончаров в Древних Афинах. **14.** Харита изобилия. **15.** Боярин, чья дочь стала первой женой московского князя

Василия III. **16.** «Целебный твой ... завешен пеленой кровавой». **18.** Синоним подставы. **20.** Какой белок отвечает за починку ДНК? **23.** Брат бога Одина. **25.** Узбекский щит. **28.** Самый популярный язык на Гоа. **29.** Соломенный плащ у галисийцев. **30.** Из какой крапивы делают ткань,

похожую на шелк? **32.** Французское игристое вино. **33.** Кто из философов организовал заговор против тирана Непарха? **34.** Чей тест проходит каждый из участников американских курсов по управлению гневом? **36.** Какому послу в кабинете Иоахима фон Риббентропа озвучили объявление войны Германией Советскому Союзу? **38.** Что в 1801 году изобрел для связи корабля с берегом француз Депиллон, используя перемещение трех переключателей? **39.** Цветок дружбы на флаге Башкортостана. **40.** Китайская палитца с волчьими клыками. **41.** Первая летчица Франции. **42.** Мультиязычная смесь белки с крысой. **43.** Кого из заглавных героев Чарльза Диккенса сериально сыграл англичанин Пол Скофилд? **44.** Встреча под эгидой общих интересов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кислота, запасаящая энергию в клетках мозга. **2.** Жидкость, популярная в пейнтбо-

ле. **3.** Судья в Аиде. **5.** Певчий снегирь. **6.** Гетера, упомянутая в «Божественной комедии». **7.** Удивительная лягушка из Гвианы. **8.** Кто совершил «прыжок в XXI век»? **10.** Десерт, покоривший сердце жены императора Александра I. **13.** Чей метод использовал Антон Чехов для лечения холеры? **17.** Кто обычно сопровождает вализу? **19.** Наклонная композиция в икебанае. **21.** Библейский пророк. **22.** Лошадиный жир в бурятской кухне. **24.** Спутниковый приемник. **26.** Промышленный металл. **27.** Легендарный автогонщик по прозвищу Профессор. **30.** На каком судне начал свою карьеру Горацио Нельсон? **31.** Что считает «бунтом против эволюции» Эдмонд Кирш из романа «Происхождение»? **32.** Какую девочку у индийцев уже при рождении «посвящают божееству»? **35.** Африканская рубашка до пят. **36.** Обряд вызывания дождя на Балканах. **37.** Чайная чашка на Руси. **38.** Коктейль с кислым вкусом.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Сэнкэ. **10.** Редемпторист. **11.** Перидот. **12.** Энгельберг. **13.** Цецилия. **16.** Дипси. **18.** «Поп». **19.** Бания. **21.** Коул. **24.** Увар. **25.** Аутсорсер. **27.** Прач. **29.** Черток. **30.** Нактоуз. **34.** Ландскнехт. **35.** Арабиан. **37.** Контрамот. **40.** Зурра. **41.** Дикий. **42.** Кирлиан. **43.** Сигор. **44.** Нитро.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Элечек. **3.** Ксилитол. **4.** Сет. **5.** Пешня. **6.** Спред. **7.** Фольция. **8.** Киберсквоттер. **9.** «Стога». **10.** Ронин. **14.** Фаустул. **15.** Мирра. **17.** Окапи. **18.** Пузан. **20.** Крокетт. **22.** Мунтжак. **23.** Меч. **26.** Ренклюд. **28.** Чамберго. **31.** Застыль. **32.** Идзакая. **33.** Брауни. **36.** «Нокиа». **38.** Типи. **39.** Лигр.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №5-2025**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

«Письма с фронта. В этом материале собраны письма, написанные в 1942 году Василием Дьячковым и адресованные его любимой девушке Анне. Эти небольшие солдатские треугольнички помогают представить, как жили и что чувствовали люди на войне, а еще они говорят о том, что даже в самых тяжелых условиях можно сохранить веру в будущее...

«Андрей Битов стал известен в литературе почти сразу — после «Дачной местности», «Аптекарского острова» и «Уроков Армении». Можно сказать, он открыл новую область художественного исследования. Со временем Битов прославился не только своими виртуозными текстами, жемчужиной которых стал знаменитый «Пушкинский дом», но и альпинизмом, установкой необычных памятников («Чижик-пыжик» в Санкт-Петербурге) и незабываемыми музыкальными чтениями...

Юрий Осипов «Одна большая книга»

«История этой женщины невероятна. Ознакомившись с ее биографией, трудно поверить, что такое вообще возможно. Но именно такими были герои Великой Отечественной войны, благодаря мужеству и героизму которых стала возможна наша великая Победа. Зинаиде Тусноловой было присвоено звание Героя Советского Союза, а Международный Комитет Красного Креста наградил ее медалью Флоренс Найтингейл, которая присуждается за исключительную преданность своему делу и храбрость при оказании помощи раненым и больным...

Ирина Леонтьева «Зинаида Туснолова»

«За всю историю России только четыре человека стали полными Георгиевскими кавалерами: М.И. Голенищев-Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, И.Ф. Паскевич и... Дибич-Забайкальский. Сегодня в школах о нем не упоминают, а в Большой советской энциклопедии говорится всего несколько фраз: «Дибич был бездарным кабинетным стратегом... отличался честолюбием и интригантством»... За что же Ивана Ивановича Дибича увековечили на монументе и четырежды награждали высшим военным орденом «Георгия Победоносца»?

Александр Ралот «Полководец "коротышка" или самовар-паша»

Окончание детектива Ольги Степновой **«Вселенский стриптиз»**

№4 апрель 2025